

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 1, 2021

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.*

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГРОСИСТЕМЫ: экономика и социология

электронный научный журнал

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ МИРА: УСТОЙЧИВОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

Анфиногентова А.А., академик РАН, д.э.н., Ермолова О.В., д.э.н., Решетникова Е.Г., д.э.н., Мореханова М.Ю., к.социол.н., ИАгП РАН

AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA IN THE FOOD SYSTEM OF THE WORLD: SUSTAINABILITY AND ECONOMIC AVAILABILITY OF FOOD FOR THE POPULATION

Anfinogentova A.A., academician of RAS, doctor of economic sciences,
Ermolova O.V., doctor of economic sciences, Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences,
Morekhanova M.Yu., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

-4-

ОЦЕНКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАгП РАН

ASSESSMENT OF FOOD SECURITY IN RUSSIA UNDER THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE IMPORT SUBSTITUTION STRATEGY

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,
Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-19-

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ПЛАТЁЖЕСПОСОБНОГО СПРОСА НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАгП РАН

IMPROVEMENT OF THE TAX SYSTEM AS A FACTOR OF STABILIZING PAYMENT-PROPER FOOD DEMAND

Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-26-

ОБОСНОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ ПИЩЕВОЙ И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Трифонов Е.Н., к.э.н., ИАгП РАН

JUSTIFICATION OF THE PERSPECTIVE SCENARIO OF DEVELOPMENT OF EXPORT OF PRODUCTS OF THE FOOD AND PROCESSING INDUSTRY OF RUSSIA

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-32-

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ

Пашков В.П., к.э.н., ИАгП РАН

LAND OWNERSHIP AND ITS SOCIALIZATION IN RUSSIA

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-38-

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АПК И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

Блинова Т.В., д.э.н., ИАгП РАН

INTERREGIONAL DIFFERENCES OF DEMOGRAPHIC AGING IN RURAL RUSSIA

Blinova T.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-48-

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Былина С.Г., к.э.н., ИАгП РАН

INFLUENCE OF ECONOMIC FACTORS ON DEMOGRAPHIC PARAMETERS OF THE RURAL POPULATION OF THE SARATOV REGION

Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-55-

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА СТУДЕНТОВ

Блинова Т.В., д.э.н., Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАЭП РАН

THE COVID-19 PANDEMIC AND THE VALUE OF HEALTH: STUDENT SURVEY RESULTS

-64-

Blinova T.V., doctor of economic sciences,

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В РФ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАЭП РАН

ECONOMIC AND STATISTICAL FACTORS OF MONETARY POVERTY

-70-

OF URBAN AND AGRICULTURAL HOUSEHOLDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ МАЛЫХ К(Ф)Х

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАЭП РАН

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF STUDYING THE INFLUENCE OF
CONDITIONS AND FACTORS ON THE FORMATION OF SOCIAL RESOURCES OF SMALL
PEASANT FARM ECONOMIES**

-77-

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Бочарова Е.В., к.социол.н., ИАЭП РАН

**INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL
COMPETENCIES OF AGRICULTURAL WORKERS IN MODERN CONDITIONS**

-83-

Bocharova E.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

ПЕРСПЕКТИВЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Дакирова С.Т., м.н.с., ИАЭП РАН

PROSPECTS FOR SELF-REALIZATION OF RURAL YOUTH IN MODERN REALITIES

-90-

Dakirova S.T., younger researcher, IAgP RAS

АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ МИРА: УСТОЙЧИВОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

Анфиногентова А.А., академик РАН, д.э.н., Ермолова О.В., д.э.н.,
Решетникова Е.Г., д.э.н., Мореханова М.Ю., к.социол.н., ИАГП РАН

Статья содержит результаты исследований, полученные в Институте аграрных проблем Российской академии наук, по проблемам устойчивости агропродовольственного комплекса и экономической доступности продовольствия для населения. Представленные материалы рассматриваются в контексте концепции Саммита ООН по продовольственным системам. Обоснованы основные стратегические направления этих исследований в связи с подготовкой национального доклада по заявленным проблемам.

Ключевые слова: Саммит ООН по продовольственным системам, агропродовольственный комплекс России, устойчивость, доступность продовольствия для населения, стратегические приоритеты.

AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA IN THE FOOD SYSTEM OF THE WORLD: SUSTAINABILITY AND ECONOMIC AVAILABILITY OF FOOD FOR THE POPULATION

Anfinogentova A.A., academician of RAS, doctor of economic sciences,
Ermolova O.V., doctor of economic sciences,
Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences,
Morekhanova M.Yu., candidate of sociological sciences, IAGP RAS

The article contains the results of research obtained at the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences on the problems of sustainability of the agri-food complex and the economic availability of food for the population. The presented materials are considered in the context of the concept of the UN Summit on Food Systems. The main strategic directions of these studies are substantiated in connection with the preparation of a national report on the stated problems.

Key words: UN Summit on Food Systems, agri-food complex of Russia, sustainability, food availability for the population, strategic priorities.

Введение.

Успешное функционирование продовольственной системы мира является одним из ключевых факторов достижения Целей устойчивого развития мировой экономики к 2030 году. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш объявил о намерении созвать в ноябре 2021 года Саммит по продовольственным системам, который «призван положить начало новым действиям, направленным на достижение прогресса по всем 17 Целям устойчивого развития (ЦУР), каждая из которых в определенной степени зависит от более здоровых, устойчивых и справедливо функционирующих продовольственных систем» (Письмо Отделения общественных наук Российской академии наук от 29.01.2021 г. № 14000-2113/12). Предполагается, что в Саммите примут участие политики, бизнесмены, представители науки и социальной сферы, экоактивисты и другие заинтересованные стороны. Основными направлениями работы Саммита названы: обеспечение для всех людей доступа к безопасным и питательным продуктам; переход к устойчивым моделям потребления; укрепление положительного воздействия на природу; содействие равномерному распределению ресурсов и доходов; повышение устойчивости продовольственных систем в условиях неблагоприятных и кризисных ситуаций.

Всем государствам-членам ООН рекомендовано инициировать национальные диалоги по продовольственным системам в мае – сентябре 2021 года для формирования национальной стратегии по устойчивым продовольственным системам. Национальные диалоги должны изучить предложения всех участников по пяти направлениям работы Саммита с учетом национального контекста, а также определить пути содействия устойчивости национальных продовольственных систем.

В России 24 ноября 2020 года было объявлено о запуске Национального диалога по продовольственным системам. Член Группы лидеров Саммита, ректор Дипломатической академии МИД России Яковенко А.В. и представитель России в Консультативном комитете Саммита, Постпред России при ФАО и других международных организациях в Риме Васильев В.Л. организовали тестовое мероприятие диалога в режиме видеофорума.

Национальный диалог в России по подготовке к Саммиту ООН по продовольственным системам 2021 года должен сформулировать основные положения по магистральным вопросам развития продовольственных систем, выносимых на этот Форум, а также в разработке дорожной карты Саммита, которая направлена на искоренение голода, созданию более инклюзивных и устойчивых продовольственных систем, а также защите природных ресурсов нашей планеты.

Вице-президент РАН академик РАН Балега Ю.Ю. и Академик-секретарь ООН РАН академик РАН Смирнов А.В. поручили Институту аграрных проблем Российской академии наук направить информацию о научных исследованиях, которые ведутся учеными Института в контексте концепции Саммита, а также рекомендовать кандидатуру для координации предстоящей работы (Письмо Отделения общественных наук Российской академии наук от 29.01.2021 г. № 14000-2113/12). В соответствии с этим поручением дирекция Института подготовила информацию о научных исследованиях по двум направлениям работы Саммита: содействие равномерному распределению ресурсов и доходов, повышение устойчивости продовольственных систем в условиях неблагоприятных и кризисных ситуаций (Письмо Института аграрных проблем Российской академии наук от 04.02.2021 г. № 148-02-02/03).

Целью исследования является обоснование стратегии развития научных исследований в Институте в соответствии с концепцией Саммита по продовольственным системам для подготовки национального доклада по заявленной проблеме.

Методика исследований основана на фундаментальном обосновании стратегии развития агропродовольственного комплекса России в составе продовольственной системы мира с использованием метода «затраты–выпуск» и других экономико-математических моделей как основы для внедрения цифровой экономики.

Результаты исследования

1. Продовольственные системы — определение, концепция и применение для Саммита ООН по продовольственным системам [1]

Саммит ООН посвящен анализу изменения продовольственных систем для достижения их большей устойчивости. Изложение концепции и определения продовольственных систем и детерминантов их изменения направлено на обеспечение более четкого понимания продовольственных систем в связи с предстоящим Саммитом. Концепция, специально разработанная для Саммита по продовольственным системам, содержит характеристику пяти целевых направлений действий и их взаимосвязей. Определение продовольственной системы охватывает широкий набор движущих сил и включает в себя концепцию устойчивости.

Саммит ООН по продовольственным системам направлен на разработку плана мероприятий, обеспечивающего достижение более здоровых, устойчивых и справедливых продовольственных систем. По мере приближения к Встрече на высшем уровне, необходимо четко определить концепцию продовольственных систем для плодотворных обсуждений и, в ко-

нечном итоге, для разработки плана действий. Таким образом, основная цель данной статьи — предоставить информацию о концепциях и определениях продовольственных систем.

Изменения в продовольственных системах происходят за счет внешних и внутренних сил, а также механизмов обратной связи между этими силами. Эти механизмы обратной связи могут быть краткосрочными, а также могут иметь длительную задержку, например, воздействие выбросов парниковых газов, влияющих на изменение климата. Рост населения и миграция являются фундаментальными движущими силами и формируют изменения в продовольственных системах в сочетании с урбанизацией. Изменение потребительских привычек, например, при росте доходов, — еще один очень важный фактор. Наука, инновации и технологии оказывают огромное влияние на изменения в продовольственных системах. Рынки, торговля и инфраструктура, которые все больше сочетаются с цифровизацией, оказывают непосредственное влияние на изменение внутренних и внешних факторов продовольственных систем. Более того, существуют долгосрочные естественные и эволюционные процессы биологических изменений, которые также влияют на множественные взаимодействия в продовольственных системах.

Продовольственные системы постоянно подвергались изменениям и адаптации с тех пор, как они возникли в эпоху неолита (около 15 тысяч лет назад), хотя наиболее драматичные их изменения наблюдаются в последние 200 лет. Продовольственные системы неизбежно претерпят дальнейшие изменения в будущем, учитывая, что мы развиваемся в направлении урбанизации, и к концу этого столетия население, возможно, стабилизируется на уровне примерно от 9 до 10 млрд чел. Движущими силами процессов изменений являются достижения в науке и связанные с ними инновации, а также их взаимосвязи с политикой, интересами, потребностями и достижениями фермерских сообществ, и предприятий пищевой промышленности, а также динамикой потребительского спроса. На Саммите предполагается обсудить как изменения, которые происходят в любом случае с опорой на так называемую «позитивную теорию» систем, так и на изменения, которые ориентированы на достижение Целей устойчивого развития, например, установление новых норм с использованием нормативных теорий систем.

Этим документом организаторы стремятся проинформировать заинтересованную общественность Саммита по продовольственным системам с акцентом не на разработку новых концепций и теорий, а на помощь в понимании продовольственных систем, их динамики, косвенных эффектов экзогенных влияний и воздействия политики на развитие продовольственной системы любого уровня. То, как изменения в продовольственных системах влияют на устойчивость в ее различных социальных, экономических и экологических аспектах, представляет ключевой интерес для организаторов и участников Саммита. Роль науки и инноваций является здесь важной темой, поскольку некоторые из противоречивых вопросов, касающихся изменений в продовольственных системах, можно решить только с помощью инноваций.

1.1. Общая концепция продовольственных систем

Продовольственная система включает в себя производство, транспорт, перерабатывающую и обрабатывающую промышленности, розничную торговлю и потребление продуктов питания, а также то воздействие, которое она оказывает на окружающую среду, здоровье и общество.

Практическое определение продовольственных систем должно соответствовать двум основным критериям. Во-первых, такой критерий должен подходить для поставленной цели, которая заключается в поддержке глобальных и национальных коллективных усилий по достижению положительных изменений в продовольственных системах, ускорению прогресса в достижении поставленных целей на период до 2030 года; во-вторых, он должен быть достаточно точным, чтобы определять области для политических и программных приоритетов и служить основой для сбора, моделирования и анализа данных, необходимых для обеспечения эффективных политических действий. Критерий должен быть достаточно общим, чтобы

не исключать никаких аспектов экономического, социального и экологического измерения устойчивости.

Значение критерия заключается в том, что определение должно стимулировать не только научные исследования, но и формулировать общие цели изменения продовольственных систем и, в конечном итоге, их трансформацию. Усилия по визуальному картированию продовольственных систем помогают ученым, а также лицам, принимающим решения, определять ключевые взаимодействия и механизмы, как естественные, так и социальные, которые регулируют эти взаимодействия. Тем не менее, карты продовольственных систем, которые пытаются быть полностью всеобъемлющими, имеют тенденцию разрушаться из-за плотности и сложности взаимодействий, которые необходимо проанализировать. С другой стороны, карты и модели продовольственных систем, которые слишком узко фокусируются на ограниченном наборе явлений, могут не включать в себя важные экономические, социальные или экологические факторы. Нет четкого и определенного пути выхода из этой дилеммы. Многое зависит от политической ситуации, а также от контекста и масштаба рассматриваемых продовольственных систем. Мы предлагаем определение продовольственных систем, которое признает функциональные взаимосвязи в системах и является нормативным в отношении данного набора основных целей. Этот подход не должен игнорировать основные принципы теории систем.

Существующие определения продовольственных систем охватывают широкий набор действующих лиц и движущих сил и включают концепцию устойчивости. Основываясь на определении ФАО (2018 г.), продовольственные системы охватывают весь спектр участников и их взаимосвязанные виды деятельности по созданию добавленной стоимости, агрегированию, переработке, распределению, потреблению и утилизации пищевых продуктов, а также более широкую экономическую, социальную и природную среду, в которую они встроены.

Производство в начале производственно-сбытовой цепочки, конечно, включает в себя фермерские сообщества, но также и участников предпроизводственной стадии, например, производство удобрений или семян. В круг участников также входят субъекты науки, технологий и инноваций, которые являются неотъемлемой частью продовольственной системы и встроены, например, в системы биологических наук и исследований в области здравоохранения. В пищевой промышленности продукты питания и непродовольственные товары являются результатом взаимосвязанных производственно-сбытовых цепочек. С этими производственно-сбытовыми цепочками связан еще один набор участников продовольственных систем, к которым относятся государственные и частные организации по контролю качества и безопасности.

Границы продовольственных систем могут быть определены в разных масштабах (локальном, региональном, глобальном) для разных контекстов (например, городской, сельский) и отделены от других систем, таких как система здравоохранения. Также все чаще появляется понятие устойчивой продовольственной системы, понимаемой как «... продовольственная система, которая обеспечивает продовольственную безопасность и питание для всего населения таким образом, чтобы не подвергать опасности экономические, социальные и экологические основы обеспечения продовольственной безопасности и питания для будущих поколений» (ФАО, 2018). Концепция устойчивой продовольственной системы включает в себя нормативные аспекты, поскольку продовольственные системы используют ресурсы, которые обычно не обеспечивают абсолютного уровня устойчивости. В этой связи рассматривается понятие трансформации продовольственных систем. Для целей анализа и мониторинга мы предлагаем более нейтральную, основанную на фактах терминологию, которая может различать статус и динамику системы, ссылаясь на эволюцию, переход и трансформацию.

Продовольственные системы постоянно меняются и адаптируются. Для Саммита по продовольственным системам это актуализирует вопрос о том, какие меры политики, инновации и институты необходимы для устранения или смягчения негативных побочных эффектов, присущих тому факту, что сельское хозяйство, пищевая промышленность и т. д. исполь-

зуют энергию, забирая питательные вещества из земли и воды, чтобы преобразовать их в пищу, одновременно создавая значительный уровень выбросов парниковых газов в процессе производства. В процессе поиска решений может рассматриваться концепция устойчивой биоэкономики замкнутого цикла как всеобъемлющей системной основы, в которую встроены продовольственные системы.

Сельское хозяйство (включая животноводство и рыболовство) и пищевая промышленность широко представлены в сфере производства. Однако продовольственная система включает в себя также потребление, питание и здоровье, использование ресурсов, продовольственные рынки и услуги, а также рынки доходов и труда, связанные с продовольствием и сельским хозяйством, в единую систему. Концепция продовольственных систем непосредственно связана с соседними системами, такими как система здравоохранения, экологическая и энергетическая системы. Кроме того, на систему могут повлиять внешние факторы, такие как потрясения, связанные с пандемией, климатом или экономическими кризисами.

1.2. Концепция продовольственных систем для Саммита ООН по продовольственным системам и направления его действий

Продовольственная система не отражает всего разнообразия организационных и институциональных моделей. С институциональной точки зрения продовольственная система в значительной степени структурирована субъектами частного сектора, будь то фермеры, производители продуктов питания, предприятия розничной торговли или общественного питания. Кроме того, существуют промышленные кластеры в крупных масштабах. Любая политика и программные предложения Саммита по продовольственным системам должны учитывать реалии институциональных механизмов и организационных структур и включать в обсуждение соответствующих участников.

Как упоминалось выше, систему можно концептуализировать с позитивной или нормативной точек зрения. Первая концепция, описанная в предыдущем разделе, пытается проектировать структуры и функции систем, как они протекают в реальном мире, в качестве основы, на которой позитивная концепция затем определяет точки входа для желательных системных изменений, постулирует набор целей, направленных на формирование системы, служащей заявленным целям. Обе концепции объединяют и упрощают структуры и процессы реального мира.

Оба подхода не обходятся без научных доказательств. Однако для теоретической ясности, лежащей в основе оценочных суждений, необходимо различать эти два подхода. Поскольку Саммит по продовольственным системам основан на заявленных Целях устойчивого развития, то нормативный подход оправдан. Тем не менее, нормативный подход должны быть проверен позитивным подходом, оба эти подхода дополняют друг друга.

Нормативная концепция и определение продовольственных систем на основе Целей устойчивого развития включают пять направлений действий. Особое внимание следует уделять построению моделей продовольственных систем, которые соответствуют намерениям, выраженным в Повестке дня на период до 2030 года [1, с. 10]. Предлагается концепция продовольственных систем, которая определяет повестку дня Саммита и включает пять направлений, а именно: обеспечение доступа к безопасной и питательной пище, позволяющее всем людям иметь полноценное питание и здоровье; переход к рациональным моделям потребления, основанным на создании спроса на здоровое и устойчивое питание, а также сокращение отходов; увеличение объемов производства, благоприятного для природы, в достаточном масштабе (воздействие на изменение климата, сокращение выбросов и увеличение улавливания углерода, восстановление и защита важнейших экосистем и сокращение потерь продовольствия и потребления энергии без ущерба для здоровья или питательного рациона); продвижение справедливых средств к существованию при распределении ценностей (повышение доходов, распределение рисков, расширение инклюзивности, создание рабочих мест); повышение устойчивости к потрясениям и стрессам (обеспечение непрерывного функционирования здоровых и устойчивых продовольственных систем).

Пять направлений действий охватывают различные ключевые возможности и проблемы продовольственных систем и относятся к одному или нескольким компонентам продовольственных систем, но они не определяют концепцию продовольственных систем в целом. Осуществление каждого направления действий изолированно от других приведет к неэффективным решениям, игнорирующим общесистемные эффекты. Таким образом, мы предлагаем подход, который пытается позиционировать пять направлений действий в структуре продовольственных систем. «Обеспечение доступа к безопасной и питательной пище для всех (позволяющее всем людям иметь полноценное питание и здоровье)» — это всеобъемлющая цель системы, поддерживаемая четырьмя другими направлениями действий [1, с. 11].

Системная перспектива не должна упустить из виду некоторые ключевые вопросы и темы, которые требуют должного внимания, например, положение молодежи и пожилых людей; инфраструктура; торговля и ценообразование; финансы; политики, законы и постановления; роль науки и инноваций в устойчивых продовольственных системах (технологии и практики, включая цифровые технологии); системы питания коренных народов и соответствующие знания; социально-экономические и культурные нормы; инклюзивное преобразование мелких землевладельцев; структура и динамика рынка пищевой промышленности.

В общем, для реализации эффектов направления действий Саммита по продовольственным системам необходимо решение следующих задач.

Задача 1: покончить с голодом. Устойчивые продовольственные системы должны обеспечивать всех людей продуктами питания. Хорошо известно, что недостаточно сосредоточиться только на повышении урожайности, потреблении калорий и низких ценах на продукты питания. Само по себе потребление калорий не является здоровым питанием. Снижение цен на продукты питания может нанести ущерб производителям и отбить у них желание инвестировать в технологии для защиты экосистемы, особенно если экосистемные услуги, связанные с продовольственными системами, не стимулируются.

Задача 2: обеспечение здорового питания для всех. Трудно дать универсальное определение качественной и здоровой диеты. Тем не менее, все оценки четко указывают на то, что здоровое питание более разнообразно и дорого, чем рацион, обеспечивающий достаточное количество энергии и питательных веществ. Неспособность обеспечить доступ к высококачественному питанию для всех сдерживает прогресс в достижении Целей устойчивого развития.

Задача 3: достижение целей 1 и 2 не позволяет автоматически обеспечивать устойчивое использование биоразнообразия и природных ресурсов, защиту экосистем и охрану земли, океанов, лесов, пресной воды и климата, которые необходимы для защиты жизни во всех ее формах и которые являются предпосылкой для достижения социальной справедливости и устойчивого экономического развития. Операции продовольственных систем должны быть совместимы с экосистемными услугами. Тем не менее, действия по содействию устойчивому использованию природных ресурсов и смягчению последствий изменения климата могут ограничивать продуктивность сельского хозяйства. Устойчивым продовольственным системам необходимо найти способы решения этой проблемы. Шагами в этом направлении могут быть агроэкологические и агролесомелиоративные методы ведения сельского хозяйства.

Задача 4: искоренение бедности и увеличение благосостояния и доходов для достижения целей 1, 2 и 3. Бедность и голод взаимосвязаны, и сокращение крайней бедности оказывает прямое влияние на искоренение голода и всех форм недоедания. Устранение бедности само по себе не сделает здоровое питание доступным для всех. Кроме того, трудно добиться искоренения бедности, одновременно защищая окружающую среду и сохраняя экосистемы. Изменение продовольственных систем должно обеспечить людям с низким доходом доступ к здоровому питанию, для этого их доход должен соответствовать прожиточному минимуму.

Помимо этих целей необходимо учитывать и другие критерии, поскольку они связаны с более широкими целями Повестки дня на период до 2030 года [1, с. 13]. Они включают вышеупомянутые сквозные темы, а также снижение рисков и повышение устойчивости продовольственных систем и, что немаловажно, уважение к культурным принципам и традициям

питания. Изменения не будут достигнуты без соблюдения этических норм и норм, регулирующих деятельность продовольственных систем.

2. Экономическая доступность продовольствия для населения: ключевая цель устойчивого функционирования продовольственных систем [2]

В концепции Саммита по продовольственным системам подчеркнуто, что проблема обеспечения для всех людей доступа к безопасной и питательной пище является всеобъемлющей целью продовольственной системы любого уровня, включающей решение задач повышения их устойчивости, охраны природы, перехода к рациональным моделям потребления, продвижения справедливых средств существования.

В Институте аграрных проблем РАН в течение многих лет исследуются проблемы обеспечения экономической доступности продовольствия для всех доходных групп населения, формирования стабильного спроса на продукты питания на основе роста реальных располагаемых доходов населения и смягчения их дифференциации в социальном и региональном разрезах, осуществляется мониторинг и прогнозирование основных параметров сферы потребления продовольствия. В ходе исследований обоснован комплекс взаимосвязанных направлений трансформации институтов управления спросом на продовольствие, нацеленных на обеспечение экономического и социального равновесия внутреннего продовольственного рынка как условия наращивания экспортной составляющей агропродовольственного комплекса с помощью системы инструментов государственной доходной, налоговой, ценовой, социальной политики, совершенствования взаимоотношений между торговыми сетями и малым аграрным и торговым бизнесом, расширения институциональных аспектов повышения качества и безопасности продовольственных товаров.

Как отмечается в концепции Саммита по продовольственным системам главным условием для обеспечения доступа к безопасной и питательной пище для всех является искоренение бедности и увеличение благосостояния населения. «Неравенство и дисбаланс сил на уровне домохозяйства, общины, национального и глобального уровня постоянно ограничивают способность продовольственных систем обеспечивать сокращение масштабов нищеты и гарантировать устойчивое и справедливое средство к существованию» [2, с. 3]. Бедность и голод взаимосвязаны, сокращение крайней бедности оказывает прямое влияние на искоренение голода и всех форм недоедания. В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации 2010 года экономическая доступность продовольствия определена как возможность приобретения продуктов питания, обеспеченная необходимым уровнем доходов на уровне, не меньше, чем рациональные нормы потребления [3]. В новой редакции Доктрины продовольственной безопасности 2020 года уточнение формулировки экономической доступности продовольствия касается учета фактора требуемого качества продовольствия [4]. Анализ сферы потребления продовольствия в условиях социально-экономических последствий действия нового глобального вызова COVID-19 позволяет сделать вывод о снижении объема платежеспособного спроса на продовольствие. Как свидетельствуют данные Росстата, реальные располагаемые денежные доходы населения в нашей стране снизились в 2020 году по сравнению с 2019 годом на 3,5% [5]. Оборот розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки и табачные изделия, в 2020 году по сравнению с предыдущим годом снизился на 2,6%. По мнению аналитиков, 70% населения страны вынуждены экономить, более 50% покупателей предпочитают покупать товары по акциям, а среди товаров повседневного спроса доля товаров со скидкой приближается к 70% [6]. В России по существующим оценкам около десяти процентов населения потребляют все основные продукты питания ниже минимальных физиологических норм прожиточного минимума [7]. В научной литературе неоднократно ставился вопрос о необходимости увеличения в 2–3 раза величины прожиточного минимума для покрытия всех насущных потребностей бедного населения. В настоящее время в России осуществляется переход на новую методику определения уровня бедности, в основе которой лежит концепция относительной бедности, широко применяемая

за рубежом. Однако планируемый на первом этапе прожиточный минимум на уровне 44,2% медианного дохода, не может решить назревшие проблемы малообеспеченных слоев населения. Заметим, что по методике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) бедным считается гражданин, доход которого менее 60% медианного дохода. По методике Европейского статистического агентства лица, имеющие доход ниже 50% среднедушевого фактического дохода в стране, входят в зону риска бедности. Переход к концепции относительной бедности является прогрессивным явлением, но он должен сопровождаться реальным повышением минимального уровня дохода, который мог бы обеспечить бедному населению потребление основных продуктов питания на уровне рациональных норм. Сохранение на низком уровне черты бедности ведет к постоянному воспроизведению явления продовольственной бедности. Целесообразно предусмотреть по опыту стран с развитой рыночной экономикой введение необлагаемого налогом на доходы физических лиц минимума дохода. На период пандемической ситуации возможно снижение существующей льготной ставки налога на добавленную стоимость на продовольственные товары, поскольку наиболее болезненно выплата этого налога отражается на бюджете малоимущих слоев населения.

Для оперативного реагирования на явление продовольственной бедности целесообразно использовать программы продовольственной помощи, в том числе программу льготной покупки продуктов питания с использованием специальных дебетовых карт или продовольственных сертификатов. В настоящее время в России идет поиск эффективных форм социальной защиты, в частности, вводится институт социального контракта, в котором целесообразно предусматривать выделение средств на организацию достаточного питания.

Важнейшим инструментом борьбы с бедностью является наличие достойного уровня дохода, снижение различных форм социальной дифференциации: внутриотраслевой и межотраслевой дифференциации заработной платы, региональной дифференциации уровня жизни. Одним из направлений сглаживания региональной дифференциации доходов является совершенствование межбюджетных отношений, посредством, в частности, закрепления в законе о федеральном бюджете нормативов частичного перераспределения федерального налога на добавленную стоимость в пользу регионов для стимулирования их деловой активности и роста доходов региональных бюджетов.

Экономическим инструментом, направленным на обеспечение повышения реальных располагаемых доходов населения и увеличения платежеспособного спроса на продовольствие, является механизм индексации заработной платы, включающий в себя определение порога индексации, формулы выплаты компенсаций, устанавливаемых в государственных нормативно-правовых актах и в коллективных договорах. В нашей стране в современных условиях осуществление индексации доходов опирается на статью 134 «Обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы» Трудового кодекса РФ. Процедуры индексации доходов в бюджетных и коммерческих организациях различаются, имеют разную институциональную основу. Коммерческие организации проводят индексацию заработной платы на основе локальных нормативных актов, разработанных в организации. Бюджетные организации проводят индексацию заработной платы, опираясь на соответствующие распоряжения в данной сфере. Необходимо развитие институциональной составляющей процесса индексации доходов населения посредством принятия нормативно-правового акта об индексации доходов и сбережений, в котором были бы закреплены единые принципы для всех организаций и предприятий независимо от их юридического статуса и формы собственности.

В целях развития конкурентной среды продовольственного рынка, формирования доступных цен на продукты питания необходима государственная поддержка реализации продовольственной продукции малым агробизнесом на основе организации государством системы оптовых продовольственных рынков вокруг крупных городов, создания объединений фермеров как сильной альтернативы крупным агрохолдингам и торговым сетям.

Необходимо реформирование деятельности малых форм торговли продовольствием, связанных с процессами сегментации и узкой специализацией, изучение механизма эффективного взаимодействия малого и крупного торгового бизнеса в сфере продовольствия, в

том числе с использованием покупательского трафика, создаваемого торговыми сетями. Проблема монополизма торговых сетей и сокращения альтернативных торговых объектов должна решаться на основе развития антимонопольного законодательства.

Группа экспертов ООН исследовала факторы, влияющие на распределение продовольствия между группами населения, и обосновала действия, которые обеспечивают его экономическую доступность продовольствия для всех групп населения. Исследовалось влияние экономических и политических факторов института землевладения и труда, глобализации торговли и динамики цен, демографических и социально-культурных факторов [2].

Дальнейшее исследование проблемы экономической доступности продовольствия для населения России, основанное на системном анализе, определяющих ее факторов, представляется перспективным направлением фундаментального обоснования этой проблемы для оценки ее влияния на решение насущных проблем социального, экономического развития страны.

3. Повышение устойчивости продовольственных систем в условиях неблагоприятных и кризисных ситуаций [8]

В условиях глобальных вызовов необходима разработка методологии и механизмов управления долгосрочной устойчивостью развития национальной агропродовольственной системы. Эффективное управление достижением целей устойчивого развития предполагает включение данной тематики в стратегические и программные документы, обеспечение взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами — государством, гражданским обществом и бизнес-сообществом.

Устойчивое сбалансированное развитие агропродовольственного комплекса является важной предпосылкой гарантированного обеспечения качественными и доступными продуктами питания за счет отечественного производства и конкурентного присутствия отечественных производителей на мировых рынках. Более полному использованию имеющегося потенциала роста способствуют процессы структурной перестройки, устранение диспропорций между важнейшими структурными элементами. Важными задачами, решаемыми в ходе структурной перестройки, являются повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства и формирование целостных цепочек добавленной стоимости, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек.

Структурная сбалансированность во многом определяет конкурентную устойчивость развития агропродовольственного комплекса как многоотраслевой системы, оказывает существенное влияние на эффективность взаимодействия отдельных звеньев в цепочках создания стоимости, их координацию с целью повышения общего эффекта и его справедливого распределения между участниками, соответствующего их вкладу в формирование. Исследование межотраслевой структуры участия различных стадий продуктовых цепочек в производстве совокупной добавленной стоимости выявило преобладание сырьевой составляющей, недостаточный уровень глубины переработки, отсутствие эффективного механизма перелива капитала. Для сбалансированности многих национальных продуктовых цепочек создания стоимости требуется достраивание недостающих стадий и формирование вертикальных связей. Такими стадиями являются селекция, семеноводство, научное обслуживание и др.

Общие цели устойчивого развития — наращивание темпов экономического роста, социальные и экологические, отраженные в документах ООН, — являются основными. Их реализация позволит лучше управлять рисками, прогнозировать рынок, выстраивать долгосрочные доверительные отношения с партнерами, создавать конкурентные преимущества и способствовать инвестиционной привлекательности.

Устойчивость конкурентных преимуществ, формирование конкурентных преимуществ более высокого порядка агропродовольственного комплекса предполагает оценку степени устойчивости ресурсных, технологических, инновационных параметров, издержек. Особен-

ность агропродовольственного комплекса в том, что его устойчивость отражает прочность и надежность вертикальных и горизонтальных межотраслевых связей, их способность устоять против внутренних и внешних вызовов. Структурная устойчивость является необходимым условием обеспечения экономической устойчивости такой системы, воплощением ее структурного аспекта. Основной целью достижения устойчивости конкурентных преимуществ комплекса является эффект их реализации и длительность временного периода, в течение которого сохраняется его конкурентоспособность.

Распространение COVID-19 обозначило острые проблемы устойчивого развития агропродовольственного комплекса. Кризисные явления показали неоднозначность и противоречивость традиционных факторов устойчивого развития комплекса. Это относится, например, к агропромышленной интеграции, которая, согласно традиционным теоретическим воззрениям, является фактором устойчивого развития, сбалансированности межотраслевых структур. Она повышает устойчивость тех предприятий, которые не имеют собственной сырьевой базы, испытывают сильное влияние сферы обращения, торговых сетей, сильного бренда на конкурентном поле. Она предоставляет возможность углубления специализации, установления долгосрочных партнерских отношений с другими предприятиями, особое значение среди них имеют высокотехнологичные.

Но риски интеграции, развитие дезинтеграции, создание институциональных формирований нового уровня, преобразование понятия самой интеграции говорят о ее неоднозначном влиянии на устойчивость. Кризисные явления привели к упрощению бизнес-среды. Новые направления развития агропродовольственного комплекса как социо-эколого-экономической системы не могут базироваться лишь на принципах получения максимальной эффективности и максимальной прибыли, они должны включать вектор социального развития сельских территорий, доступность природных ресурсов, достаточный уровень сельской инфраструктуры, качество жизни сельского населения. С позиций системного подхода сосредоточение производства в последние пять лет вокруг крупнейших игроков, четкие тенденции к концентрации отраслей комплекса, сокращение числа мелких товаропроизводителей не способствуют равновесию экономических интересов взаимодействующих субъектов, росту устойчивости жизнедеятельности сельских сообществ.

В новых условиях требует развития теоретическая оценка влияния мер внешнеэкономической политики на устойчивость конкурентных позиций агропродовольственного комплекса. Усиление связи экспортного сегмента с внутренним рынком страны необходимо для уменьшения влияния экзогенных факторов мировой конъюнктуры, недопущения влияния импортируемой инфляции на внутренние цены, учета в регулировании ценовой сбалансированности проявлений эффекта импортных закупок. Целью регулирования этой взаимосвязи является обеспечение сбалансированности рынков экспортируемых продуктов.

Возможности роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России на основе его долгосрочных конкурентных преимуществ связаны с расширением участия страны в глобальных цепочках добавленной стоимости. Это обеспечит рост производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, конкурентоспособной на мировом рынке по издержкам и ценам.

Для оценки перспектив вовлечения страны в глобальные цепочки существенное значение имеет показатель уровня и динамики импорта для экспорта. Он оказывает влияние на рост производительности труда, динамику и структуру производства и экспорта продовольствия с высокой добавленной стоимостью. Однако этот показатель имеет недостаточно высокие значения для эффективного включения агропродовольственного комплекса в глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

Пандемия COVID-19 выявила слабости в системе управления глобальными цепочками поставок продукции. Обеспечение стабильного продовольственного снабжения в мировом масштабе требует как повышения надежности глобальных цепочек поставок, так и принятия мер, стимулирующих развитие локального производства.

Высокие уровни региональной концентрации производства формируют риски уменьшения доступности продовольственных товаров для населения с недостаточным уровнем развития локальных производственных систем при нарушении межрегиональных поставок. Во многих регионах России имеет место сокращение сельскохозяйственного производства, глубина которого не пропорциональна уменьшению численности сельского населения и не компенсируется приростом рабочих мест в несельскохозяйственных отраслях.

Интегральным результатом серьезных структурных изменений восстановления после шока пандемии на мировой арене станет сдвиг траектории экономической и общественной динамики в сторону адаптации концепции ответственного развития (роста). Гарантирование продовольственной безопасности требует смещения акцентов в оценке общественных и коммерческих приоритетов текущей и долгосрочной эффективности функционирования цепочек добавленной стоимости в направлении повышения надежности обеспечения товарами первой необходимости. Критерии коммерческой успешности отдельных фрагментов глобальных производственно-сбытовых цепей не должны доминировать при определении целевых параметров развития агропродовольственного комплекса и выработке мер по обеспечению национальной продовольственной безопасности. Необходима поддержка формирования инклюзивных продовольственных систем для обеспечения долгосрочной устойчивости системы обеспечения продовольственной безопасности. Фактором устойчивого развития является также содействие проразвитию сервисных отраслей в сельских территориях, например, развитие агротуризма как части сферы услуг.

Россия имеет хорошие возможности развивать местное производство и переработку сельскохозяйственной продукции, не разрушая сложившийся тренд на рост региональной специализации. Это позволит снизить риски возможной нестабильности спроса и предложения на рынках отдельных регионов. Реализация государственной программы комплексного развития сельских территорий может способствовать формированию баланса между отраслевым подходом, нацеленным на максимизацию финансовых результатов, и территориальным подходом, требующим согласованности экономических, социальных и экологических параметров регионального развития. Требование рационального использования природно-климатического потенциала территорий, трудовых ресурсов, обуславливает необходимость диверсификации сельскохозяйственного производства. Диверсификация производства в настоящее время связана также с углублением переработки сельскохозяйственной продукции, выявлением существующих на мировом рынке «ниш» для отечественных товаров с высокой добавленной стоимостью и формирование сегментов новых продовольственных товаров.

Глобальный коронакризис обострил необходимость совершенствования механизмов межгосударственного взаимодействия в нестандартных ситуациях, которые проявились в появлении структурных дисбалансов из-за нарушения поставок продукции на мировой рынок. Необходимо исследование новых устойчивых механизмов международного сотрудничества, активизация обсуждения перспектив формирования «зеленых коридоров» в отношении импорта продовольствия.

Соблюдение высоких экологических стандартов производства продуктов питания становится важным трендом развития современного сельского хозяйства. Необходимо совершенствование политики государственных закупок в агропродовольственном секторе на основе расширения зоны использования зеленых государственных закупок. «Зеленым» инструментам ESG (Environmental, Social, and Corporate Governance), учитывающим три ключевых составляющих устойчивого развития (экологическая, социальная и корпоративная управленческая ответственность), придается большое значение в восстановлении национальных экономик стран Евросоюза, что видно из «Руководства Европейской комиссии по использованию системы государственных закупок в чрезвычайной ситуации, связанной с кризисом COVID-19». В соответствии с новой аграрной политикой Евросоюза страны должны будут увязывать минимум 20% прямых выплат из своих аграрных бюджетов с участием фермеров в экологических программах. Важным направлениями совершенствования политики государственных закупок в агропродовольственном секторе является расширение зоны

использования зеленых государственных закупок (GPP, Green Public Procurement), нацеленных на решение экологических проблем, а также устойчивых государственных закупок (SPP, Sustainable Public Procurement), позволяющих при оценке эффективности учитывать позитивное влияние на окружающую среду и решение социальных проблем территории.

Необходимо расширение зоны взаимодействия федерального центра и субъектов Федерации по совместному финансированию мер по развитию и регулированию агропродовольственных рынков, содействия формированию конкурентной специализации регионов на основе капитализации их конкурентных преимуществ.

Стимулирование расширения участия кооперативных структур и малых форм хозяйствования в вертикально-интегрированных межотраслевых цепочках создания стоимости как способа паритетного распределения доходов при ценообразовании в цепочках добавленной стоимости.

Устойчивый рост эффективности предполагает высокую инновационную активность, достигаемую за счет обеспечения приоритетного научно-технологического развития отраслей агропродовольственного комплекса, развитие фундаментальной и прикладной науки, наличие системы коммерциализации результатов НИР и НИОКР. Только обеспечив единство функционирования научно-технологического и производственного комплексов, можно преодолеть отставание и обеспечить технологический суверенитет.

Важным является содействие росту интегративности экономического пространства агропродовольственного рынка. Растущая концентрация звеньев цепочек в регионах с наиболее благоприятными условиями и рост межрегионального обмена становится важной структурной особенностью современного этапа развития. Наличие качественной логистической инфраструктуры является важным фактором роста интегративности экономического пространства страны и повышения эффективности цепочек создания добавленной стоимости. Государственная поддержка процессов формирования взаимосвязанной системы федеральных инфраструктурных агрологистических объектов, включающих в себя агрологистические центры коллективного пользования, оптово-распределительные центры, агропромышленные парки, объединяющие логистические и производственные мощности, позволит придать импульс межрегиональному товарообмену, стимулировать производство и создание инфраструктуры регионального уровня.

Формирование национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем является условием повышения устойчивости агропродовольственных систем. Рост экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России требует формулирования новой модели встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости, которая предполагает обеспечение выхода на более высокий уровень производственной кооперации, формирование национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем. Важной современной тенденцией в мировом разделении и кооперации труда является формирование институционально однородной среды на территории тех стран, которые входят в интеграционные объединения. Институционально однородная среда, в том числе между государствами-членами ЕАЭС, позволит создать равные условия конкуренции для бизнеса по защите прав собственности и интеллектуальных прав, доступа на рынки.

Во многом развитию интеграционных взаимодействий способствует развитие рыночной инфраструктуры, обеспечивающее формирование зоны свободных инвестиций Союза, формирование общего рынка капиталов, а также создание интегрированной транспортно-логистической системы. Большое значение имеет создание условий включения малых и средних предприятий в существующие продуктовые цепочки, углубление их специализации. Условием роста инвестиционной привлекательности является решение проблемы информационной открытости.

Из-за сохранения долгосрочных партнерских соглашений цепочки добавленной стоимости более устойчивы к шокам, чем участие в международной торговле отдельных предприятий. Одним из направлений закрепления на мировых рынках может стать создание совместных предприятий для локализации производства пищевой продукции за рубежом.

Формирование специальных механизмов поддержки партнерств российских экспортеров с зарубежными компаниями также может способствовать развитию российских фрагментов глобальных цепочек создания стоимости. Примером такого партнерства является созданный в 2020 году российско-китайский союз в области соевой промышленности.

Необходимо стимулировать увеличение объемов производства органической продукции, которая выращена без использования пестицидов, химикатов и гормонов роста и является эталоном качества. Спрос на нее как в России, так и во всем мире, постоянно растет. В настоящее время федеральная поддержка органического бизнеса отсутствует. Из 85 субъектов РФ только в 3-х субъектах приняты реальные решения поддержки органических производителей. Еще 11 территорий декларировали такую поддержку. Для создания условий повышения инвестиционной привлекательности органического сельского хозяйства целесообразно применение мер государственной поддержки, в частности, компенсации части затрат на сертификацию продукции.

Устойчивость и перспективы развития агропродовольственного комплекса определяет устойчивость экономической системы в целом. Цели устойчивого развития отражает разработанный экономистами Всемирного экономического форума индекс инклюзивного развития (Inclusive Development Index или IDI) в качестве альтернативной системы оценки экономического развития стран. Этот индекс измеряет, как страны в дополнение к ВВП выполняют одиннадцать измерений экономического прогресса [9].

По индексу глобальной конкурентоспособности Россия занимала в 2019 году 43 место из 143 анализируемых стран. К факторам роста этого показателя относят положительную динамику по субиндексам «доля государства в экономике», «свобода внешней торговли», «регулирование». А к факторам замедления — ухудшение показателей по субиндексам «правовая структура и права на собственность» и «надежность денег». Россия занимала 13 место в числе 78 развивающихся стран по сводному индексу инклюзивного развития. Высокие позиции имеет Россия по субиндексам: равный доступ к образованию, равенство в доходах, экономическое развитие. Слабые стороны: торговля, экологические условия, занятость [10, 11]. Новая система оценки создает возможности для достижения устойчивого экономического развития, реализации концепции инклюзивного роста, решения социальных, экономических и экологических проблем.

Заключение.

Развитие фундаментальных научных исследований в Российской академии наук должно опираться на ключевые доклады Организации объединенных наций, которые определяют перспективы нового сотрудничества в глобальной системе академии наук [1, с. 17]. Объединение усилий направлено на то, чтобы результаты научных исследований оказывали существенное влияние на стратегии развития продовольственных систем любого уровня. В связи с этим необходимо подчеркивать значение Межакадемического партнерства (IAP), которым определены возможности для будущих исследований и инноваций в области глобальной продовольственной безопасности, которое разработано ООН на основе глобальной сети академии наук, формирующей новое сотрудничество. Не менее важное значение для успешного развития фундаментальных исследований научными сотрудниками Российской академии наук имеет использование результатов работы группы экспертов высокого уровня по продовольственной безопасности и питанию (HLPE). Глобальный отчет об устойчивом развитии продовольственных систем (GSDR) был направлен всем заинтересованным организациям мира для реализации «Повестки дня ФАО на период до 2030 года», принятой всеми государствами-членами ООН в 2015 году. Отчет представляет собой долгосрочный план обеспечения мира и процветания для людей планеты, а в его основу положено семнадцать целей в области устойчивого развития, призывающих к действиям все страны по программе глобального партнерства. Повестка дня предусматривает «искоренение голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, а также содействие устойчивому сельскому хозяйству» [1, с. 16].

В исследованиях научных сотрудников Российской академии наук необходимо углубить разработку глобальных проблем обеспечения продовольственной безопасности и обоснования целей развития агропродовольственного комплекса России в составе мировой экономики.

Предстоящий Саммит по продовольственным системам должен помочь трансформировать с учетом новых глобальных вызовов усилия государств по обеспечению ключевых параметров продовольственной безопасности, способствуя тем самым успешной реализации Целей устойчивого развития в глобальном масштабе. В рамках подготовки национального диалога по продовольственным системам сформулированы предложения по направлениям работы Саммита с учетом национальных особенностей состояния агропродовольственного комплекса и социальной сферы национальной экономической системы. Проведенная работа осуществлялась в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) п. 5.6.1.1. «Количественные и качественные характеристики параметров устойчивого развития Российской Федерации» [12, с. 113]. Систематизация теоретико-методологических аспектов формирования потребительского выбора, анализ сложившихся тенденций в сфере потребления продовольствия как результата социально-экономических последствий нового глобального вызова (COVID-19) позволили обосновать комплекс мер институционального характера, направленных на искоренение продовольственной бедности, достижение экономической доступности продовольствия всеми слоями населения на основе совершенствования государственной доходной, налоговой, социальной, региональной политики, расширения конкурентной среды национального продовольственного рынка, развития антимонопольного законодательства.

В соответствии с Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации макроэкономические исследования предполагают разработку основных положений социально-экономической стратегии страны на период до 2050 года в контексте обеспечения национальной безопасности [12, с. 105]. Развитие методологии и методов прогнозирования устойчивости агропродовольственного комплекса, устойчивого роста конечной продукции и формирования добавленной стоимости на фоне нестабильности рыночной конъюнктуры, макроэкономических рисков является одним из условий обеспечения продовольственной безопасности. Дальнейшие исследования направлены на обеспечение перехода к сбалансированной модели роста на основе инновационно ориентированных структурных сдвигов, вовлечения российских товаропроизводителей в мирохозяйственные связи в условиях усиления глобальной конкуренции. Межотраслевой подход к прогнозированию устойчивого развития конкурентоспособного агропродовольственного комплекса, учет взаимосвязей и взаимодействий всех элементов позволит выявить новые возможности осуществления его модернизации, обосновать пути и методы радикального преобразования управления агропродовольственным комплексом как единой системой межотраслевых взаимодействий, обеспечивающего получение синергетического эффекта. Развитие методологии системного моделирования устойчивости агропродовольственного комплекса предполагает исследование взаимодействия макро-, макроэкономических и пространственных факторов, экономических и социальных регуляторов его социально-экономического развития. Особую значимость приобретает исследование устойчивости продовольственной системы во время пандемии COVID-19.

Дальнейшее развитие исследований исходит из понимания продовольственных систем как социо-эколого-экономических систем. В соответствии с Целями устойчивого развития экономическая устойчивость предполагает, что продовольственные системы должны быть справедливыми и обеспечивать равенство экономических условий, социальная — то, что они должны иметь широкие преимущества для всех людей, экологическая — сводить к минимуму вредное воздействие на природную среду [8]. В достижении различных целей устойчивости продовольственных систем может помочь положительный синергизм.

Формирование новых рынков, трансформация отраслевых структур, развитие сетевых взаимодействий и инновационных платформ меняют условия развития и адаптации нацио-

нальных продовольственных систем. Их долгосрочная устойчивость во многом будет зависеть от степени реализации новых инновационно-инвестиционных факторов роста конкурентного потенциала и успешного встраивания в глобальные цепочки создания стоимости. Это обуславливает необходимость исследования системы межрегиональных экономических отношений, в которых национальные товаропроизводители могут эффективно использовать свои сравнительные конкурентные преимущества.

Список литературы:

1. Braun J., Afsana K., Fresco L., Hassan M., Torero M. Food Systems — Definition, Concept and Application for the UN Food Systems Summit: A paper from the Scientific Group of the UN Food Systems Summit. Draft Oct^{26th} 2020 (for discussion) // United Nations Food Systems Summit 2021 Scientific Group. — 26 p. — URL: https://www.un.org/sites/un2.org/files/food_systems_concept_paper_scientific_group_-_draft_oct_26.pdf.
2. Neufeld L., Huang J., Badiane O., Caron P., Sennerby Forsse L. Advance Equitable Livelihoods: A paper on Action Track 4. Draft for discussion. October 26th, 2020// United Nations Food Systems Summit 2021 Scientific Group. — 15 p. — URL: https://www.un.org/sites/un2.org/files/4-action_track_4_scientific_group_draft_paper_26-10-20.pdf.
3. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120. - URL: <http://base.garant.ru/12172719/>.
4. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. - URL: <http://base.garant.ru/73438425/#ixzz6DRr7HCbB>.
5. Информация о социально-экономическом положении России. Январь 2021 года. - URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OmnPvYUx/oper-01-21.pdf>.
6. Исследование Nielsen: новые тренды покупательского поведения и розничной торговли. - URL: <https://marketing.by/novosti-rynka/issledovanie-nielsen-novye-trendy-pokupatel-skogo-povedeniya-i-rozничnoy-torgovli/>.
7. Решетникова Е.Г. Проблемы формирования механизма внутренней продовольственной помощи // Экономические науки. — 2020. — № 4 (185). — С. 149–153.
8. Hertel T.W., Elouafi I., Ewert F., Tanticharoen M. Building Resilience to Vulnerabilities, Shocks and Stresses: A paper on Action Track 5. Draft for discussion. October 26th, 2020 // United Nations Food Systems Summit 2021 Scientific Group. — 16 p. — URL: https://www.un.org/sites/un2.org/files/5-action_track_5_scientific_group_draft_paper_26-10-20.pdf.
9. Рейтинг ВЭФ. - URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.
10. Евразийская экономическая интеграция-2020. — М.: ПУБЛИКАЦИИ ЕАБР, 2020. — 80 с.
11. Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году: международные рейтинги: Аналитический доклад. — Евразийская экономическая комиссия, 2020.
12. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы), утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р. — 149 с. - URL: <http://static.government.ru/media/files/skzO0DEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf>.

ОЦЕНКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАГП РАН

Новые вызовы и риски, связанные с пандемией коронавируса, актуализировали проблемы обеспечения продовольственной безопасности России. В статье проанализированы динамика самообеспеченности и физической доступности основными продуктами питания в условиях реализации импортозамещающей модели развития агропродовольственного комплекса. Обоснованы положительные и негативные последствия реализации стратегии импортозамещения. Выявлено снижение экономической доступности продовольствия, что не соответствует базовым приоритетам Доктрины продовольственной безопасности РФ. Сделан вывод о необходимости взаимодействия импортозамещающей и экспортоориентированной стратегии развития агропродовольственного комплекса.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, стратегия импортозамещения, самообеспечение, физическая доступность, экономическая доступность, продуктовые балансы.

ASSESSMENT OF FOOD SECURITY IN RUSSIA UNDER THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE IMPORT SUBSTITUTION STRATEGY

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,
Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

New challenges and risks associated with the coronavirus pandemic have actualized the problems of ensuring food security in Russia. The article analyzes the dynamics of self-sufficiency and physical availability of basic food products in the context of the implementation of an import-substituting model for the development of the agri-food complex. The positive and negative consequences of the implementation of the import substitution strategy have been substantiated. A decrease in the economic availability of food was revealed, which does not correspond to the basic priorities of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation. The conclusion is made about the need for interaction between import-substituting and export-oriented strategies for the development of the agri-food complex.

Key words: food security, import substitution strategy, self-sufficiency, physical accessibility, economic accessibility, food balances.

Введение.

Дестабилизирующее влияние вызовов и рисков, связанных с процессами глобализации и усилением конкуренции на мировом продовольственном рынке, на развитие национального агропродовольственного комплекса актуализировало проблему продовольственной безопасности России. В свете глобальных экономических тенденций возникает необходимость внедрения новой модели экономического развития, направленной на взаимодействие импортозамещающей и экспортоориентированной стратегии развития агропродовольственного комплекса страны [1, 2, 3].

Стратегия импортозамещения, активно реализуемая в России с 2014 г., предполагает насыщение внутреннего продовольственного рынка основными продуктами питания за счет развития национального производства, сокращение импорта продовольственных товаров до пороговых значений, обозначенных в Доктрине продовольственной безопасности РФ [4]. Импортозамещающая модель развития предполагает высокий уровень протекционистской защиты по отношению к отраслям национальной экономики, стабильный или растущий внутренний платежеспособный спрос. Реализация стратегии импортозамещения на продовольственном рынке страны позволила увеличить объемы производства сельскохозяйственной продукции, диверсифицировать аграрный сектор на основе роста государственной под-

держки, повысить уровень потребления основных продуктов питания. Негативными последствиями политики импортозамещения являются снижение конкурентоспособности и качества производимой продукции, высокая нагрузка на государственный бюджет, изоляция от новых тенденций в мировой экономике и технико-технологических инноваций, необходимость формирования полных продуктовых цепочек независимо от международного разделения труда, капиталоемкости и ресурсоемкости.

Положительные тенденции, сложившиеся в агропродовольственном секторе в результате реализации импортозамещающей стратегии развития, позволили перейти к экспортоориентированной стратегии. Формирование системы мер государственного регулирования и поддержки отраслей агропродовольственного комплекса стимулировало рост конкурентоспособность национальных товаропроизводителей на продовольственном рынке и значительное увеличение объема экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, расширение его ассортимента. Однако риски и вызовы, связанные с пандемией коронавируса и санкционными ограничениями, требуют корректировки вектора развития агропродовольственного комплекса России, обоснования приоритетов государственного регулирования продовольственного рынка.

Целью исследований является оценка физической и экономической доступности продовольствия для населения страны, уровня самообеспечения основными продовольственными продуктами и сбалансированности рациона питания населения страны, исследование оптимизации экспорта и импорта продовольствия.

Методика исследований.

Теоретической основой исследования являются работы российских и зарубежных ученых по проблемам обеспечения продовольственной безопасности, стратегиям развития агропродовольственного комплекса. В качестве информационной базы исследования использованы документы органов законодательной и исполнительной власти, статистические материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за 2012–2019 гг. Для оценки уровня продовольственной безопасности в качестве аналитической базы использованы годовые балансы продовольственных ресурсов по группам продуктов: молоко и молочные продукты, мясо и мясопродукты, овощи и бахчевые культуры, картофель, фрукты и ягоды, сахар, растительное масло, яйцо, рыба и рыбопродукты [5].

Оценка обеспечения продовольственной безопасности России осуществлялась на основе расчета следующих показателей.

Коэффициент самообеспечения отдельными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в процентах рассчитывался как отношение объема отечественного производства i -вида сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему его внутреннего потребления [6].

Коэффициент самообеспечения фактический определялся как отношение объема ресурсов, включая отечественное производство и импорт, i -вида сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему его внутреннего потребления.

Уровень физической доступности показывает соотношение фактического объема продовольствия i -вида, имеющегося в наличии на рассматриваемой территории, и нормативной потребности населения в i -виде продовольствия.

Коэффициент покупательной способности, характеризующий экономическую доступность продуктов питания, представляет собой отношение размера среднегодовых расходов на питание к значению прожиточного минимума.

Результаты исследований.

Продовольственная безопасность и независимость страны – это самообеспечение основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Форсированное наращивание объемов производства отдельных ключевых отраслей агропродовольственного комплекса для самообеспечения основными продуктами питания населения России является одной из основных задач реализации стратегии импортозамещения. В результате исследования выявлена устойчивая тенденция роста самообеспечения стран по

мясу и мясопродуктам, сахару, растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам (табл. 1). С 2012 по 2019 г. коэффициент самообеспеченности по мясу увеличился с 76,1 до 97,4%, по сахару – с 92,2 до 125,4%, по растительному маслу – с 133,8 до 175,9%, по рыбе и рыбопродуктам – с 112,6 до 152,8%. За исследуемый период произошло незначительное снижение коэффициента самообеспеченности овощами, картофелем и яйцами, что не отразилось на продовольственной безопасности страны. Динамика роста самообеспеченности по молоку и молокопродуктам, фруктам и ягодам не соответствует пороговым значениям Доктрины продовольственной безопасности.

Наихудшая ситуация наблюдается по самообеспечению фруктами и ягодами. При пороговом значении продовольственной независимости по фруктам и ягодам не менее 60,0% коэффициент самообеспечения за исследуемый период не превышал 46,2%. Пороговое значение Доктрины продовольственной безопасности по молоку также остается невыполненным. Удельный вес собственного производства молока и молокопродуктов в общем объеме ресурсов для обеспечения продовольственной безопасности страны должен составлять 90%. Данный показатель увеличился с 80,2 в 2012 г. до 83,9% в 2019 г.

Таблица 1 – Динамика коэффициента самообеспеченности основными продуктами питания в России по годам, %

Продукты питания	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мясо и мясопродукты	76,1	78,5	82,8	88,8	90,7	93,3	95,7	97,4
Молоко и молокопродукты	80,2	77,5	78,6	80,4	81,2	82,0	83,9	83,9
Овощи	88,7	88,2	90,2	93,7	94,6	85,9	87,2	87,7
Картофель	97,5	99,4	101,1	102,1	93,2	91,1	95,3	95,1
Фрукты и ягоды	30,5	33,0	33,6	33,7	37,8	32,7	38,8	46,2
Сахар	92,2	86,1	90,0	100,6	105,9	115,1	108,0	125,4
Растительное масло	133,8	130,2	143,3	125,5	142,6	153,5	157,4	175,9
Яйцо	98,0	98,0	97,6	96,7	97,1	97,9	97,7	97,1
Рыбы и рыбопродуктов (в живом весе)	112,6	112,6	115,1	132,8	140,6	138,7	158,5	152,8

Анализ динамики коэффициентов фактической самообеспеченности основными продуктами питания позволил выявить высокий уровень самообеспеченности по растительному маслу – 392, %, картофелю – 175,1%, рыбе и рыбопродуктам – 205,8% (табл. 2). За счет высокой доли импорта в ресурсах коэффициент фактической самообеспеченности по фруктам и ягодам составляет 117,1% и выше коэффициента самообеспеченности на 70,9 п.п. Негативные тенденции выявлены по фактической самообеспеченности молоком и молочными продуктами. Показатель 100% самообеспеченности населения России молоком и молочными продуктами не был достигнут даже с учетом импорта данных видов продуктов. Исследования показали, что в России нет проблем с самообеспечением основными продуктами питания. Низкие темпы снижения объемов импорта не означают во многих случаях недостаточность импортозамещения. За счет реэкспорта отдельных видов продуктов питания обеспечивается увеличение экспортных возможностей страны [7].

Таблица 2 – Динамика коэффициента фактической самообеспеченности основными продуктами питания в России по годам, %

Продукты питания	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мясо и мясопродукты	102,4	102,0	101,4	102,0	102,7	103,8	104,1	104,8
Молоко и молокопродукты	88,7	85,1	85,8	87,5	88,0	89,5	91,2	91,4
Овощи	114,8	115,3	116,7	118,1	116,6	118,9	115,9	116,0
Картофель	182,5	183,0	187,5	197,7	178,4	174,3	180,8	175,1
Фрукты и ягоды	115,1	115,3	109,6	111,4	115,2	114,9	119,4	117,1
Сахар	97,5	93,7	96,9	106,7	111,0	119,6	113,6	129,3
Растительное масло	214,2	200,4	248,0	284,2	308,8	331,4	352,5	392,8
Яйцо	109,8	110,0	109,9	110,9	111,5	112,3	111,7	112,2
Рыбы и рыбопродуктов (в живом весе)	167,1	169,7	170,7	169,6	179,3	180,8	213,0	205,8

Повышение конкурентоспособности и эффективности производства импортозамещающей агропродовольственной продукции стимулирует развитие национального рынка и делает возможным сокращение потребления импортного сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Реализация стратегии импортозамещения предполагает сокращение импорта до пороговых значений и возможность роста экспорта при условии насыщения внутреннего спроса на основные продукты питания. Изменения в структуре экспорта и импорта аграрной продукции оказывают прямое воздействие на продовольственную, экономическую и национальную безопасность страны. В исследуемом периоде наблюдается положительное сальдо внешнеторгового оборота России по растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам, сахару (рис. 1). По остальным продуктам питания выявлено отрицательное сальдо, что показывает сохраняющийся повышенный спрос на импортируемые товары. Критическая ситуация складывается по молоку и молочным продуктам, фруктам и ягодам. Доля импорта в ресурсах фруктов и ягод составляла в 2012 г. 59%, в 2019 г. – 50,8%. По молоку и молочным продуктам в 2012 г. 20,4% ресурсов страны формировалось за счет импорт, в 2019 г. этот показатель составлял 16,9%. За исследуемый период незначительное снижение доли импорта в ресурсах наблюдалось по овощам и бахчевым культурам (с 11,1 до 9,5%), рост – по картофелю (с 1,7 до 1,9%), яйцам (с 3 до 4,4%). Импорт в ресурсах мяса и мясопродуктов снизился с 23,4 до 5,1% соответственно. С 2012 по 2019 г. российский импорт по мясу и мясопродуктам сократился в 3,5 раза, а экспорт вырос в 3,3 раза.

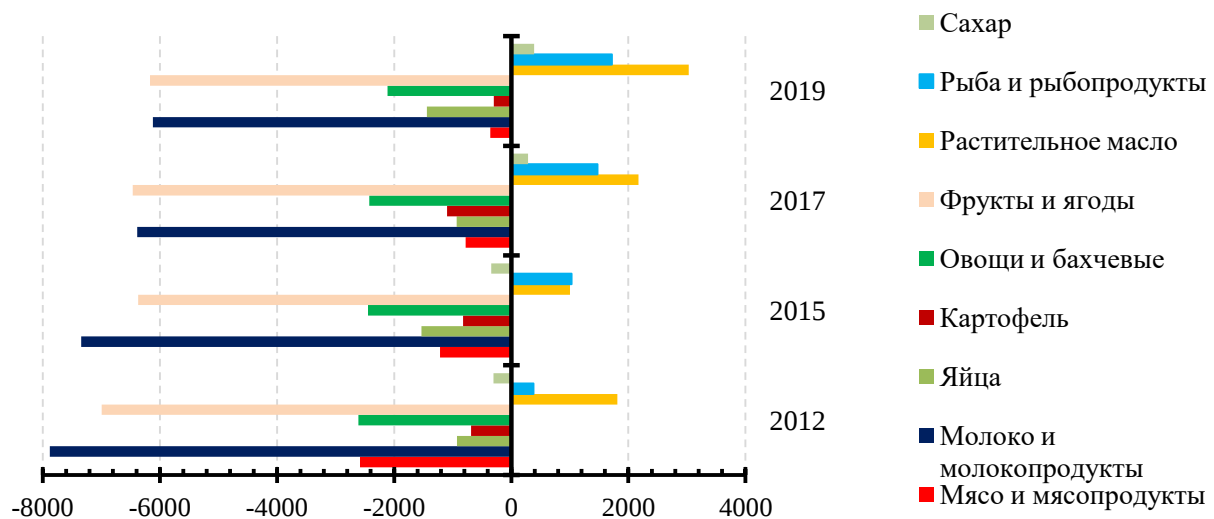

Рисунок 1 – Динамика сальдо внешнеторгового оборота основных продуктов питания в России, тыс. т, млн шт.

Формирование конкурентных преимуществ импортозамещающей продукции по сравнению с импортными аналогами позволяет облегчить переход к развитию экспортных направлений. В последние годы ускорилась динамика роста и диверсификация внешней торговли России, изменилось географическое направление экспорта и импорта, произошли структурные сдвиги в доминировании источников конкурентоспособности. На основе роста конкурентоспособности российских производителей на мировом продовольственном рынке наблюдается положительная динамика экспорта зерновых и масличных культур, картофеля, овощей и мясных продуктов [8].

Рост внутренних ресурсов, развитие логистической инфраструктуры страны связаны с физической доступностью основных продуктов питания. Исследуемый период характеризовался высоким уровнем физической доступности по мясу и мясопродуктам, овощам и бахчевым культурам, сахару, растительному маслу и яйцам (табл. 3). В 2019 г. коэффициент физической доступности по мясу и мясопродуктам составлял 104,1%, по овощам и бахчевым культурам – 108,0%, сахару – 162,5%, растительному маслу – 116,7%, яйцу – 109,6%. За тот

же период выявлен низкий уровень физической доступности по молоку и молокопродуктам, фруктам и ягодам. В 2019 г. физическая доступность молока и молокопродуктов составляла 72,0%, фруктов и ягод – 44,3%. С 2012 по 2019 г. наблюдается снижение физической доступности картофеля с 123,3 до 98,9%, рыбы и рыбопродуктов с 124 до 96% соответственно.

Таблица 3 – Динамика коэффициентов физической доступности основных продуктов питания в России по годам, %

Продукты питания	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мясо и мясопродукты	93	95	101	100	101	103	103	104
Молоко и молокопродукты	77	76	75	72	71	71	70	72
Овощи	109	109	111	102	102	104	107	108
Картофель	123,3	123,3	123,3	101,1	100,0	100,0	98,9	98,9
Фрукты и ягоды	43,6	45,7	45,7	42,9	42,9	42,1	43,6	44,3
Сахар	166,7	166,7	166,7	162,5	162,5	162,5	162,5	162,5
Растительное масло	114,2	114,2	115,0	113,3	114,2	115,8	116,7	116,7
Яйцо	106,2	103,5	103,5	105,0	106,5	108,5	109,2	109,6
Рыбы и рыбопродуктов (в живом весе)	124	124	117	101	101	104	92	96

Рост объемов производства и ресурсов основных продуктов питания не гарантируют продовольственную безопасность страны. Экономическая доступность продовольствия является одним из главных требований продовольственной безопасности. Показатель характеризует возможность приобретения пищевой продукции должного качества по сложившимся ценам в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления. Экономическая доступность в современной трактовке предполагает усиление учета качества и безопасности продовольственной продукции национального агропродовольственного комплекса. С 2015 г. в России наблюдается снижение экономической доступности основных продуктов питания (рис. 2). Это связано как с падением доходов населения, так и с ростом цен на продукты питания.

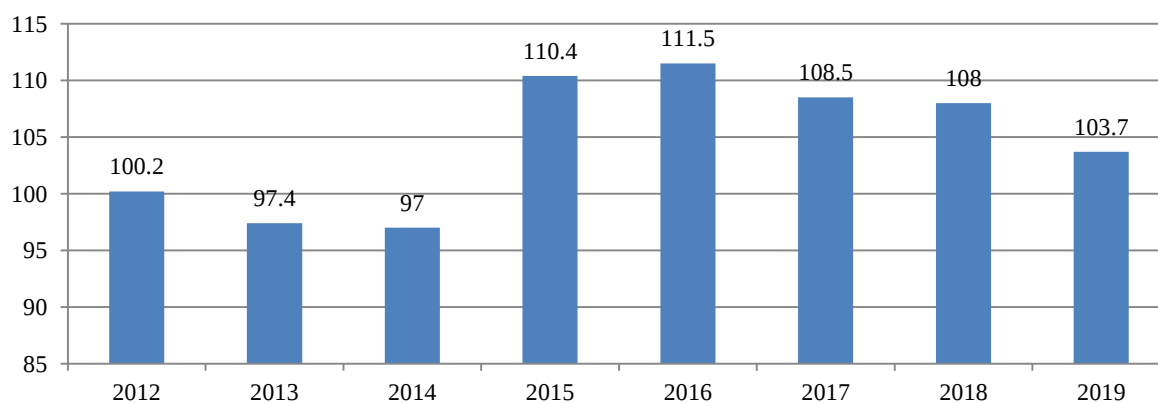

Рисунок 2 – Динамика коэффициентов экономической доступности основных продуктов питания в РФ в 2012–2019 гг., %

За исследуемый период доля расходов на питание выросла с 28,1% в 2012 г. до 32,9% в 2019 г. В последние годы увеличивается степень поляризации населения по уровню располагаемых доходов. Это отражается на структуре потребления продовольствия в различных социальных группах. При положительных показателях физической доступности продовольствия в Российской Федерации существуют группы граждан, которые испытывают ограничения в экономическом доступе к полноценному питанию [9]. Категории населения с более низким уровнем доходов в гораздо меньшем количестве потребляют мясо, фрукты, молочную продукцию, рыбу [10]. Это свидетельствует о необходимости разработки мер государственного регулирования продовольственного рынка, направленных на рост реальных доходов населения, сокращение их дифференциации.

Заключение.

Исследование показателей, характеризующих обеспечение продовольственной безопасности России, позволяет оценить результаты импортозамещения на рынке продовольственных товаров и продовольственную независимость страны, выявить проблемные точки и разработать эффективные меры, направленные на рост уровня жизни населения.

Количественная оценка коэффициентов самообеспеченности и физической доступности основных продуктов питания показала соответствие их критериям обеспечения продовольственной безопасности. Политика аграрного протекционизма стимулировала рост сельскохозяйственного производства. Положительная динамика прослеживается практически по всем основным продуктовым группам. Критическая ситуация сохраняется по молоку и молочной продукции, фруктам и ягодам. Среднедушевое потребление молочных продуктов в 2019 г. составляла 72% от рациональной нормы потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, потребление фруктов и ягод – 62%. Дальнейшее сохранение ряда протекционистских мер может привести к снижению конкурентоспособности и качества продовольственных товаров. В условиях бюджетных ограничений, связанных с пандемией коронавируса, возможно сокращение уровня государственной финансовой поддержки товаропроизводителей агропродовольственного комплекса. Новая ситуация, складывающаяся на продовольственном рынке России, настоятельно требует модернизации форм и методов поддержки российских товаропроизводителей для снижения продовольственной зависимости страны от импорта. Проведение государством активной структурно-промышленной и социальноориентированной политики делают востребованным межотраслевой подход в определении структуры агропродовольственного комплекса, природы межотраслевого обмена, инвестиционного процесса в реальном секторе экономики. Метод исследований экономических процессов на основе межотраслевого анализа и механизма мультипликации позволяет оценить совокупные выгоды от государственных вложений.

При сохранении положительных темпов развития агропродовольственного комплекса в России в последние годы наблюдается падение экономической доступности основных продуктов питания, что усиливает дифференциацию потребления, негативно отражается на объеме и структуре потребления низкодходными группами населения. Риски, связанные с пандемией коронавируса, показали необходимость смещения акцентов в направлении повышения надежности обеспечения товарами первой необходимости, роста самообеспеченности основными продуктами питания и сбалансированности продовольственных рынков, формирования локальных продуктовых цепочек.

Дальнейшая реализация модели импортозамещения предполагает объективную оценку внутреннего потенциала развития отраслей агропродовольственного комплекса. Необходимо учитывать условия успешности стратегии импортозамещения, включая встроенность страны в международное разделение труда и глобальные продуктовые цепочки, уровень участия в международной интеграции и интеграционных сообществах, конкурентоспособность и экспортоориентированность.

Список литературы:

1. Алтухов А.И. Продовольственная безопасность страны: проблемы и возможные пути их решения / Экономика региона. – 2008. – Прил. к № 2. – С. 33–48.
2. Анфиногентова А.А. Инновационная агропродовольственная политика как фактор обеспечения глобальной продовольственной безопасности // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 10. – С. 3–7.
3. Крылатых Э.Н., Проценко О.Д., Дудин М.Н. Актуальные вопросы обеспечения продовольственной безопасности России в условиях глобальной цифровизации // Продовольственная политика и безопасность. – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 19–38.

4. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/
5. Балансы продовольственных ресурсов. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main-/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/
6. Об утверждении методики расчета уровня самообеспечения сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием: Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 30 сентября 2020 года N 582. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/566006410>
7. Николаева М.А., Дуканич Л.В. Экспортоориентированность и импортозамещение как стратегические направления развития агропромышленного комплекса России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 11. – С. 106–117.
8. Яковенко Н.А., Иваненко И.С., Воронов А.С. Диверсификация агропродовольственного экспорта России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 5. – С. 69–73.
9. Редчикова Н.А., Семенова А.Г. Экономическая доступность продовольствия в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2015. – № 4 (32). – С. 71–87.
10. Решетникова Е.Г. Условия достижения критериев продовольственной безопасности в период нового глобального вызова // Вестник НГИЭИ. – 2021. – № 1(116). – С. 105–114.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОРА СТАБИЛИЗАЦИИ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОГО СПРОСА НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАГП РАН

В статье обоснована необходимость совершенствования национальной налоговой системы как существенного фактора увеличения объема платежеспособного спроса на продовольствие наряду с динамикой доходов населения и цен на продовольственные товары. Рассмотрены основные подходы теории экономики предложения к использованию налогов в регулировании макроэкономических пропорций. Проанализированы спорные с методической точки зрения моменты при взимании налога на добавленную стоимость, сформулированы предложения по совершенствованию применения этого важного косвенного федерального налога.

Ключевые слова: платежеспособный спрос на продовольствие, теория экономики предложения, прогрессивная шкала налогообложения, косвенные налоги, налог на добавленную стоимость, льготная ставка налогообложения.

IMPROVEMENT OF THE TAX SYSTEM AS A FACTOR OF STABILIZING PAYMENT-PROPER FOOD DEMAND

Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, IAoP RAS

The article substantiates the need to improve the national tax system as a significant factor in increasing the volume of effective food demand, along with the dynamics of household income and prices for food products. The main approaches of the theory of supply economics to the use of taxes in the regulation of macroeconomic proportions are considered. The controversial issues when levying value added tax are analyzed; proposals to improve the application of this important indirect federal tax are formulated.

Key words: effective demand for food, supply economics theory, progressive taxation scale, indirect taxes, value added tax, preferential tax rate.

Введение.

Главным фактором, детерминирующим величину и структуру платежеспособного спроса на продовольствие, является объем реальных располагаемых доходов населения [1]. Реальные располагаемые доходы населения представляют собой важный статистический показатель, в котором номинальные денежные доходы скорректированы на индекс цен и объем уплачиваемых налогов. Величина налогов оказывает существенное влияние на осуществление потребительского выбора, на количественные и качественные характеристики платежеспособного спроса, в том числе покупательского спроса на продовольствие. Налоговая система, призванная выполнять перераспределительную функцию доходов, принимая участие в формировании бюджетов всех уровней, включает в зависимости от применяемого признака классификации – прямые и косвенные налоги, а также федеральные, региональные и местные налоги. Соотношение различных видов налогов может оказывать сильное воздействие на экономические процессы, а также решение возникающих социальных проблем. Потенциал социальной функции налоговой системы в нашей стране использовался не в полной мере, прежде всего, из-за отсутствия до 2021 г. прогрессивной шкалы налогообложения. Большинство исследователей ратовали за целесообразность использования прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц. Вопросы, связанные с индивидуальным подходом к налогообложению, включающие и стимулирующий характер данного налога и его справедливость, традиционно являются объектом значительного внимания ученых-экономистов и практиков. Следует отметить, что с 1 января 2021 г. в этом направлении предприняты определенные шаги: в России отменена плоская шкала налогов на доходы физических лиц, вводится ставка в 15% для граждан с доходами от 5 млн руб. в год. Повышен-

ный налог будет взиматься с доходов, связанных непосредственно с трудовой деятельностью (зарплата, дивиденды и т. п.), в отношении выручки от продажи личного имущества (за исключением ценных бумаг), страховых и пенсионных выплат будет применяться существующая ставка налогообложения на уровне 13% [2]. Если обратиться к опыту стран с развитой рыночной экономикой, то можно использовать опыт расширенного использования принципа прогрессивного налогообложения с необлагаемым минимумом на уровне прожиточного минимума. Главная задача настоящего момента состоит в том, чтобы сложилась единая сбалансированная налоговая система, работающая на принципах прогрессивного налогообложения, поскольку государство нуждается в дополнительных финансовых источниках для финансирования многочисленных социальных программ, значение которых так велико в условиях пандемии Covid – 19.

Цель исследований – выявить проблемы и обосновать предложения по совершенствованию национальной налоговой системы как существенного фактора увеличения реальных располагаемых доходов и роста платежеспособного спроса населения на продовольственные товары на основе систематизации теоретико-методологических подходов и конкретно-экономических разработок в данной сфере.

Методика исследований.

Проведенное исследование теоретико-методологических и конкретно-экономических аспектов трансформации налоговой системы как важного фактора стабилизации платежеспособного спроса на продовольствие и обеспечения устойчивости агропродовольственных систем разного уровня в условиях нового глобального вызова опиралось на абстрактно-логический и монографический методы, а также метод группировок.

Результаты исследований.

Налоги представляют собой мощный рычаг косвенного регулирования складывающихся макропропорций в экономике. Чтобы в полной мере реализовывать свое предназначение налоговая система должна отличаться гибкостью, учитывать особенности функционирования экономической системы в целом и ее социального блока в условиях кризиса и стабильного развития национального хозяйственного механизма. Если прямые налоги представляют собой обязательные взносы, которые уплачивает любой гражданин, обладающий соответствующим имуществом и доходами, то косвенные налоги представляют собой финансовые поступления в бюджет государства, формируемые по принципу надбавки на реализуемый объект или услугу. Продавец в данном случае является посредником между государством и потребителем. Наряду с многочисленными сильными сторонами косвенного налогообложения (стабильность, слабая реакция на действие различных факторов, закрытость и т.д.), существуют и слабые стороны в силу того, что косвенные налоги, будучи одинаковыми для всех граждан, являются наиболее ощутимыми для малообеспеченных групп населения в условиях наиболее выраженной социально-экономической дифференциации. В исследованиях крупных ученых-экономистов неоднократно высказывалась мысль о негативном влиянии на экономику значительных параметров дифференциации доходов. Так, Дж.Стигниц выявил, что с 1950 по 1970 г. имевшее место сокращение показателей неравенства в США, явившееся следствием государственной политики, стимулировало значительный экономический рост [3]. По мнению некоторых отечественных исследователей, сложившаяся дифференциация заработной платы и современная система налогообложения физических лиц наряду с политикой санкций и снижения цен на энергоносители являются факторами, провоцирующими экономические кризисы и оказывающими негативное влияние на устойчивое развитие национальной экономической системы. Они прогнозируют возрастание отрицательного влияния данных факторов на экономическое развитие и социальную стабильность [4]. По мнению специалистов, дифференциация доходов в России является не только избыточной в количественно плане, но и играет мощную дестимулирующую роль в экономике [5]. При этом слабо применяемая перераспределительная функция налогообложения доходов физических лиц не трансформирует в лучшую сторону, а усугубляет социальные диспропорции. По мнению специалистов, существующая доходная и налоговая политика с низкой результативностью свидетельствует об актуальности ее принципиальных изменений. По мнению аналитиков, в

современной ситуации нарушается один из принципов налогообложения, провозглашенный А. Смитом – принцип справедливости. При относительно небольшой заработной плате значительной части работников 13 % подоходного налога представляет собой серьезный вычет. По-прежнему актуальным моментом является расширение прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц, поскольку установленные 15% на высокие доходы не могут решить все проблемы кризисного времени. Назрело и введение необлагаемого налогом минимума дохода по опыту стран с развитыми рыночными отношениями. В современных условиях социально-экономической нестабильности сложно надеяться на значительные иностранные инвестиции, поэтому особенно важно стимулирование внутреннего платежеспособного спроса путем повышение уровня заработной платы и проведение продуманной дифференцированной налоговой политики. Для малообеспеченных групп населения характерна высокая предельная склонность к потреблению, поэтому повышение доходов лиц, относящихся к малообеспеченным, оказывает большее влияние на увеличение совокупного спроса на продовольствие[6]. В условиях современного состояния национальных экономик и действию нового глобального вызова объективно назрела трансформация многих устоявшихся институтов, в том числе требуют совершенствования теоретико-методологические и конкретно-экономические подходы к индивидуальному подоходному налогообложению. Все его основные функции: фискальная, стимулирующая и социальная должны быть модернизированы в направлении усиления влияния индивидуального налогообложения на стимулирование экономического роста [7].

Большое значение исследованию роли налогов для поступательного развития экономической системы придают теоретики экономики предложения, для которых главным для обеспечения устойчивого функционирования экономики является поддержание совокупного предложения. Они, в отличие от представителей кейнсианства, придерживаются мнения о том, что обеспечение высокого уровня совокупного спроса может спровоцировать негативные результаты в долгосрочной перспективе, при этом считают главенствующим фактором экономического роста совокупное предложение, из чего следует важность оказания поддержки факторам, стимулирующим совокупное предложение. Теория экономики предложения основывается на идеях, заложенных в законе рынков Сэя, обобщенных им в монографии «Трактат политической экономии», вышедшей в 1803 г. Жан-Батист Сэй, являясь последователем основоположника классической политической экономии А. Смита, в своем научном труде отмечал, что экономическое богатство страны зависит в подавляющей степени от величины создаваемого общественного продукта, именно общее изобилие продуктов, по его мнению, способствует увеличению продаж. Закон рынков Сэя был направлен против позиции меркантилистов, отдающих главенство количеству денег. В основе указанного закона лежит мысль о том, что производство товаров способно создать спрос. Однако данная позиция порождала многочисленные споры и выдвижение различных экономических контрдоводов. В 18–19 вв. основными критиками данного закона Сэя были Ж.-Ш. Симон де Сисмонди и Т. Мальтус [8]. Их позиция заключалась в том, что капиталистический способ производства не может обеспечить совокупный спрос, необходимый для реализации всего общественного продукта, поскольку в условиях интенсивного накопления капитала величина производства увеличивается быстрее роста доходов.

Экономика предложения ставит на главное место производство и предложение товаров, покупательная способность, по мнению представителей данного течения экономической мысли, возникает в процессе самого производства. Задача государства заключается в стимулировании предложения, главным инструментом при этом является снижение налогов, налоговая политика представляет собой мощный инструмент государственного регулирования. Основным тормозом увеличения товарного предложения, по мнению теоретиков рассматриваемого направления экономической теории, выступает объем и структура налогов. Слишком высокие налоговые ставки снижают величину инвестиций, оказывают отрицательное воздействие на стимулы к труду. Сокращение налогов ведет к росту сбережений, способствует повышению эффективности капиталовложений, устойчивости экономического развития. Высокие налоговые ставки имеют следствием рост издержек и инфляцию. Сторонника-

ми теории экономики предложения разработана теория «инфляции налогов». Знаменитый график и концепция А. Лаффера свидетельствуют о том, что сокращение налоговых ставок ведет к кратковременному уменьшению поступлений в бюджет. В долгосрочном же периоде эта мера способствует увеличению массы сбережений, инвестиций, объемов производства, занятости, доходов, которые подлежат налогообложению. Такой сценарий предполагает использование прогрессивной шкалы налогообложения и осуществление такой налоговой политики, при которой происходит сокращение ставок в основном на высокие доходы и прибыли корпораций. Критерием оптимальности налоговой политики выступает в данной теории максимум государственных налоговых доходов. Ряд концептуальных моментов теории экономики предложения, касающихся, в частности, стимулирующей функции налогов, необходимо использовать применительно к положению малообеспеченной части населения в условиях кризисной ситуации, что, в конечном счете будет способствовать устойчивости продовольственного рынка.

В формировании федерального бюджета России особо значимую роль играет поступление следующих налогов: налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость на товары (работы, услуги), акцизы по подакцизным товарам, налог на добычу полезных ископаемых. В первом полугодии 2019 г. удельный вес перечисленных налогов в формировании федерального бюджета выглядел следующим образом: налог на добычу полезных ископаемых – 50,2%; налог на добавленную стоимость на товары (работы, услуги) – 34,6%; налог на прибыль организаций – 8,9%; акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимых на территории РФ – 3,3% [9]. Как видно из рисунка в структуре налогов и сборов, поступающих в федеральный бюджет, важное место занимает налог на добавленную стоимость.

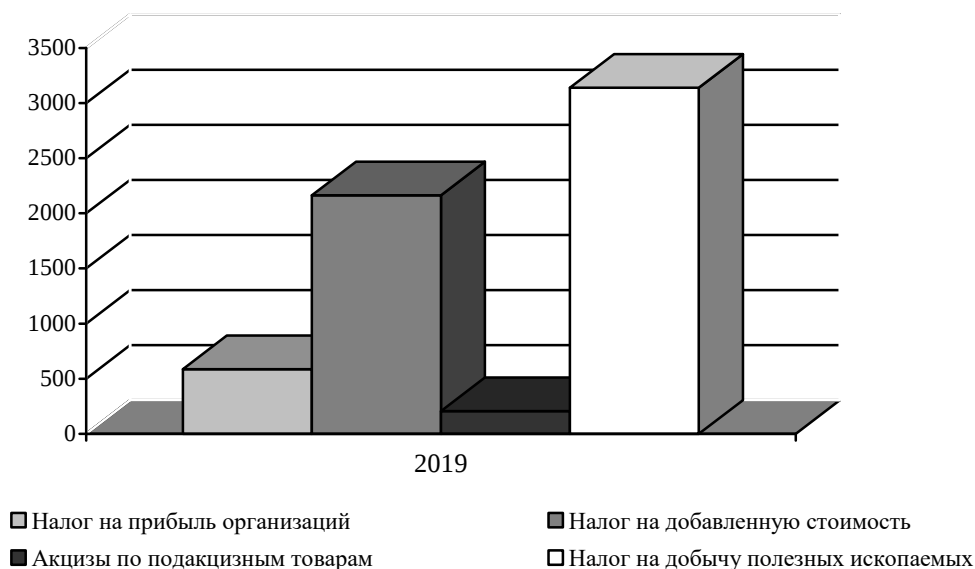

Рисунок – Соотношение величины налогов, поступивших в федеральный бюджет РФ в первом полугодии 2019 г., млрд руб.

Источник: составлено на основе данных [9].

Налог на добавленную стоимость (НДС) является важным федеральным косвенным налогом, полностью поступающим в федеральный бюджет, он взимается с покупателя сверх цены товара. Налог на добавленную стоимость является косвенным многоступенчатым налогом, берется с каждого акта продажи, которые имеют место в процессе производственного цикла и реализации товаров (работ, услуг) конечному потребителю. Добавленная стоимость представляет собой разность стоимости реализованной готовой продукции и стоимости сырья, материалов, продуктов, которые были использованы при ее производстве. Данный налог был предложен французом М. Лоре и впервые апробирован в 1954 г. в одной из французских колоний, в 1958 г. после успешной апробации был введен по всей Франции.

В 70-е гг. двадцатого столетия данный налог был введен на всей территории Европейского Союза (ЕС), при его введении важной задачей было осуществление гармонизации ставок НДС во всех странах Европейского Союза для свободного передвижения товаров. В настоящее время НДС используется в более 130 странах мира. В то же время существуют страны, которые отказались от использования данного налога. Например, в США и Японии используется другой налог – налог с продаж.

В нашей стране налог на добавленную стоимость существует с 1992 г., первоначально ставка налога равнялась 28%. Законом РФ от 16.07.1992 г. № 3317-1 ставка налога на добавленную стоимость была снижена до 20% (кроме товаров, облагаемых по льготной ставке 10%), которая функционировала до 2003 г., после чего была уменьшена до 18%. Данная ставка использовалась до 2019 г., когда была вновь увеличена до 20%, при этом сохраняется льготная ставка 10% на ряд товаров. Следует отметить, что величина ставки налога на добавленную стоимость в России занимает срединное положение по сравнению со странами, применяющими данный вид налога. Более высокие ставки используются, например, в Венгрии (27%), Финляндии (24%), а более низкие – в Германии (19%), Китае (17%) и в Австралии (10%).

Важные изменения в направлении зачисления налога на добавленную стоимость произошли в 2001 г., когда он перестал зачисляться в бюджеты разных уровней и стал поступать исключительно в федеральный бюджет. До этого времени норматив перечисления в федеральный бюджет изменялся в интервале от 75 до 85%. Следует подчеркнуть, что в России существуют определенные особенности исчисления налога на добавленную стоимость по сравнению с другими странами. Специалисты утверждают, что существующая методика определения уровня налога на добавленную стоимость приводит к тому, что его название не совпадает с его сущностью, а сумма НДС, уплачиваемая в бюджет, является завышенной [10]. Как известно, добавленная стоимость представляет собой разность между стоимостью проданного товара и издержками на его производство, то есть расходами на покупку необходимых материалов, сырья, других видов ресурсов, используемых при производстве данного товара. Классическое определение добавленной стоимости заключается в том, что она измеряет стоимость, созданную на производстве, включает оплату труда и прибыль, но не включает налоги. В реальной экономической практике величина налога на добавленную стоимость рассчитывается путем умножения налоговой базы на размер ставки налога. Налоговая база представляет собой стоимость товаров, рассчитанная на основании цен с учетом акцизов (для подакцизных товаров). Таким образом, по подакцизным товарам возникает двойное обложение. Достаточно спорным моментом является обложение данным налогом амортизации, которая в мировой практике относится к оборотному капиталу. В нашей стране в налоговую базу попадают все налоги, относимые на себестоимость продукции. Для устранения двойственности налогообложения приобретаемых у поставщиков сырья, материалов и других ценностей в процессе производства товара налоговое законодательство предусматривает налоговые вычеты по НДС, однако арбитражная практика свидетельствует о постоянных налоговых спорах между предприятиями одной производственной цепочки, что свидетельствует о недостаточной отработанности всех институциональных аспектов функционирования данного налога.

По мнению специалистов, повышение ставки НДС до 20% было связано с тем, что если увеличение ставок прямых налогов, например, налога на доходы физических лиц (НДФЛ), может спровоцировать появление теневых зарплат, то уход от уплаты НДС проблематичен в условиях ввода и успешного функционирования система АСК НДС - 2 (автоматизированная система контроля за возмещением НДС из бюджета), с помощью которой сопоставляются данные налоговой отчетности конкретного субъекта по НДС с данными налоговой отчетности по НДС его контрагентов [11]. Повышение ставок НДС в большей степени влияет на положение малообеспеченных слоев общества, поскольку они расходуют гораздо большую часть своих средств на уплату НДС по сравнению с представителями более обеспеченных доходных групп [12]. По мнению аналитиков, рост НДС может способствовать сокращению ВВП на 0,4% и росту инфляции [13]. Для того чтобы поддержать платежеспособный спрос

на продовольствие малообеспеченных слоев населения, по которым наиболее сильно ударяет повышение ставки НДС, важно не только сохранять существующую льготную ставку НДС [14] на большинство продовольственных товаров, но и рассмотреть возможность ее снижения до окончания пандемии.

Заключение.

В условиях сложной ситуации в сфере потребления продовольствия из-за действия нового глобального вызова – Covid -19 важно комплексно использовать весь арсенал инструментов государственного регулирования совокупного спроса на продовольственные товары, направленного на обеспечение устойчивости функционирования агропродовольственных систем разного уровня, реализацию важнейших принципов продовольственной безопасности и сохранение равновесия в социальной сфере. Одним из таких инструментов является гибкое использование налоговой системы, в частности, расширение применения принципа прогрессивного налогообложения к сверхвысоким доходам, введение необлагаемого налогового минимума, сокращение льготной ставки НДС на продукты питания для поддержания платежеспособного спроса малообеспеченных групп населения в условиях современной кризисной ситуации.

Список литературы:

1. Решетникова Е.Г. Институциональная составляющая обеспечения продовольственной безопасности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Экономика. Информатика. – 2015. – № 1 (198). – С. 61– 67.
2. В России начала действовать прогрессивная шкала НДФЛ. – URL: https://ria.ru/20210101/ndfl-1591769829.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
3. Стиглиц Дж. Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М: Эксмо, 2015. – 564 с.
4. Курбатова И.А., Пермякова Н.П. Перераспределение доходов в контексте современного экономического кризиса // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 17 (59). – С. 29–32.
5. Салмина А. Избыточное неравенство и экономический рост: Россия и БРИКС. – URL: <http://neravenstvo.com/?p=1091>
6. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентов [и др.]; под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Изд-во Саратовский источник, 2018. – 413 с.
7. Погорлецкий А.И. Тенденции в индивидуальном подоходном налогообложении в современном мире: вопросы теории и практики // Вестник СПбГУ. Серия 5. – 2014. – Вып. 1. – С. 105–122.
8. Фролова Т.А. История экономических учений. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 555 с.
9. Налоговая статистика в первом полугодии 2019 года. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance
10. Зотиков Н.З. Добавленная стоимость: практика обложения // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 3. – Т. 11. – URL: <https://esj.today/PDF/73ECVN319.pdf/>
11. Смирнов С.В. Увеличение ставки НДС. Положительные и отрицательные последствия // Молодой учёный. – 2018. – № 36. – URL: <http://vsenauki.ru/publications/offer/2452/#.YArBLdSLRkg/>
12. Решетникова Е.Г. Метод «Затраты – Выпуск» и прогнозирование развития сферы потребления продовольствия // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2016. – № 1. – С. 3.
13. Землякова А.В. Повышение налога на добавленную стоимость // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2018. – № 2. – С. 31–36.
14. С 01.07.2020 некоторые продукты облагаются по пониженной ставке НДС. – URL: <https://buhguru.com/news/s-01-07-2020-nekotorye-produkty-oblagayutsya-po-ponizhennoj-stavke-nds.html/>

ОБОСНОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ ПИЩЕВОЙ И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАГП РАН

Представлен анализ состояния и перспектив развития отдельных отраслей пищевой промышленности с учетом текущей ситуации в мировой экономике. Рассмотрена динамика экспорта и импорта отдельных продовольственных товаров с 2010 до 2019 г. Отмечены перспективные отрасли пищевой промышленности для развития и реализации экспортного потенциала отечественного АПК. Разработаны сценарные варианты развития экспорта продукции пищевой промышленности России: оптимистический, консервативный и умеренно-прогрессивный, последний из которых принят в качестве наиболее вероятного для реализации в долгосрочной перспективе. Уточнена роль государства в процессе роста как внутреннего производства отечественной пищевой отрасли, так и развития экспорта на международном продовольственном рынке.

Ключевые слова: экспорт, импорт, пищевая и перерабатывающая промышленность, государственная поддержка, сценарии развития экспорта.

JUSTIFICATION OF THE PERSPECTIVE SCENARIO OF DEVELOPMENT OF EXPORT OF PRODUCTS OF THE FOOD AND PROCESSING INDUSTRY OF RUSSIA

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article analyzes the state and prospects of certain branches of the food industry, taking into account the current situation in the world economy. The dynamics of exports and imports of certain food products for the period from 2010 to 2019 is analyzed. The promising branches of the food industry for the development and implementation of the export potential of the domestic agro-industrial complex are identified. Scenario variants of development of export of food industry products of Russia are developed: optimistic, conservative, and moderately progressive, the latter of which is justified as the most likely to be implemented in the long term. The role of the state in the development of both domestic production of the Russian food industry and the development of exports in the international food market is clarified.

Keywords: export, import, food and processing industry, state support, export development scenarios

Введение.

В настоящее время одной из приоритетных целей развития отечественного АПК, наравне с обеспечением продовольственной безопасности страны, является наращивание и реализация экспортного потенциала отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности, способной обеспечить прирост продукции промышленной переработки с высокой добавленной стоимостью. В качестве целевых ориентиров принято достижение объема экспорта продукции агропромышленного комплекса до уровня 45 млрд долл. к 2024 г. [1]. В связи с чем требуется разработка стратегии развития государственной поддержки отечественной пищевой промышленности, учитывающей как внутренние потребности отрасли, так и цели, зафиксированные в федеральном проекте «Экспорт продукции АПК».

Целью настоящего исследования является разработка альтернативных сценариев развития экспорта продукции пищевой и перерабатывающей промышленности с учетом текущей экономической ситуации, а также уровня государственной поддержки отрасли.

Методика исследований.

В качестве методологической базы исследования использованы абстрактно-логический метод, метод статистического анализа и сценарного прогнозирования.

Результаты исследований.

С целью оценки существующего экспортного потенциала отечественной пищевой и перерабатывающей промышленности целесообразен отраслевой анализ соотношения объемов внутреннего производства и экспорта основных видов продукции АПК. В частности, внутреннее производство молока и молочных продуктов ориентировано, прежде всего, на внутренний рынок. Экспорт молочных продуктов практически не изменился за последние 10 лет [2]: в 2019 г. он составил 151 тыс. т, тогда как в 2010 г. он был равен 155 тыс. т. В разрезе отдельных товарных групп так же не прослеживается принципиальных изменений в объемах как экспорта, так и импорта молочных продуктов (рисунки 1, 2). Основными экспортными позициями при этом являются сыры, творог и кисломолочные продукты. Традиционно на внутреннем рынке наблюдается торговый дефицит молочных продуктов, что компенсируется за счет импорта. Совокупный импорт молочной продукции в 2020 г. снизился на 3% в сравнении с предыдущим годом. Данное снижение произошло, в основном, за счет сокращения поставок сырья: по предварительным данным импорт сухого обезжиренного молока сократился на 35%, сухого цельного молока – на 25%, молочной сыворотки – на 7%. При этом зафиксирован стремительный рост поставок на российский рынок переработанной молочной продукции. Так, импорт сливочного масла вырос на 7%, сыров и творога – на 14%, питьевого молока, сливок и кисломолочной продукции – на 16% [3]. В качестве основных причин подобной ситуации называют [4] дефицит отечественных молочных жиров, а также реструктуризацию поставок молочной продукции из Республики Беларусь, которая является крупнейшим поставщиком данного вида товаров в Россию: вместо сырья увеличились объемы ввезенной готовой продукции. Подобная ситуация является, своего рода, вызовом отечественной молочной отрасли, поскольку вынуждает пересматривать внутреннюю систему производства, начиная от стадии изготовления сырья до создания конечного продукта высокого качества по конкурентоспособным ценам. На сегодняшний день уже заметны результаты в данном направлении. В 2020 г. намечился рост внутреннего производства некоторых молочных продуктов. В частности, в сравнении с 2019 г. выпуск молока (кроме сырого) увеличился на 1,5% (до 5,4 млн т), сливочного масла — на 4,7% (до 282 тыс. т), сыров – на 4,8% (до 566 тыс. т) [5].

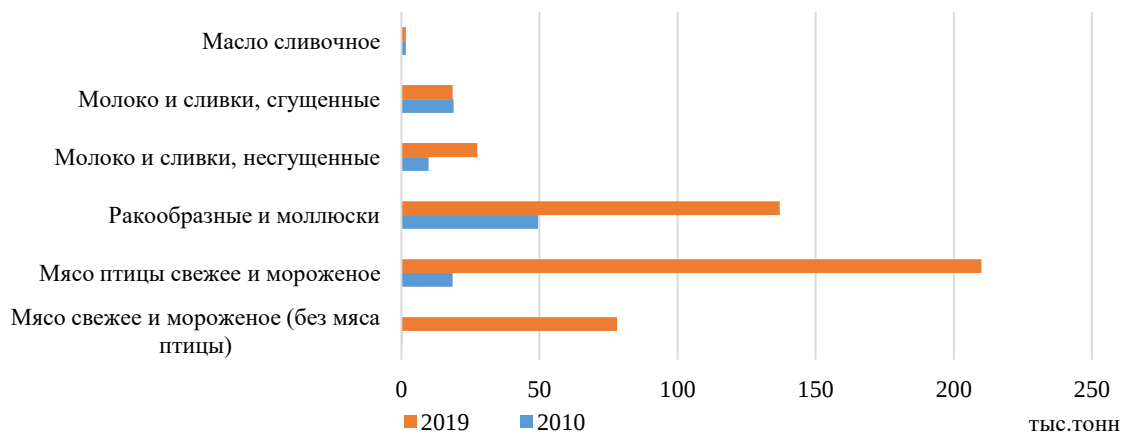

Рисунок 1 – Динамика экспорта России некоторых продовольственных товаров (2019–2020 гг.), тыс. т [под данным 6]

Значительных результатов пищевая отрасль добилась и по показателям экспорта мяса (см. рисунок 1). Безусловным драйвером роста российского экспорта стало мясо птицы. За последние 10 лет объем вывоза товара увеличился более чем в 11 раз (с 18,5 тыс. т в 2010 г. до 210 тыс. т в 2019 г.). Существенное значение в расширение экспорта российского мяса птицы приобрел допуск отечественных производителей на китайский рынок, что обеспечило годовой прирост экспорта продукции в 2019 г. на сумму 0,14 млрд долл. Стоит отметить, что эксперты также ожидают существенного увеличения экспортных показателей свинины, если

будет обеспечен доступ на китайский рынок и для данного вида товара. По свинине так же зафиксировано увеличение объемов экспорта, в том числе вследствие открытия в конце 2019 г. для российских производителей вьетнамского рынка. Импорт же мяса и мясных продуктов за рассматриваемый период существенно снизился – почти в 4 раза [7] (с 2785 тыс. т в 2019 г. до 711 тыс. т в 2020 г.). Подобная ситуация складывается благодаря планомерному развитию внутреннего производства мяса, при этом, как отмечают эксперты [8], на рынке переработанного мяса существует довольно высокая конкуренция, что для многих производителей является стимулом к распространению модели взаимодействия сырьевой и перерабатывающей базы внутри одной компании.

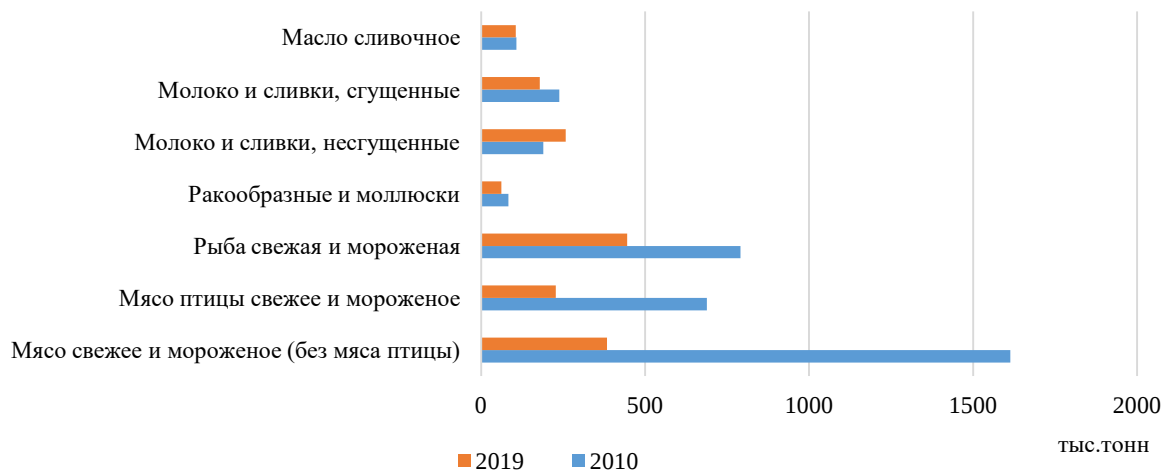

Рисунок 2 – Динамика импорта России некоторых продовольственных товаров (2019–2020 гг.), тыс. т [под данным 6]

Одним из лидеров по экспорту сельхозпродукции (за исключением зерна) уже долгое время является рыбная отрасль, где ведущую роль играет экспорт мороженой рыбы. С 2010 по 2019 г. экспорт свежей и мороженой рыбы вырос на 24,1% (с 1566 тыс. т до 1944 тыс. т). К 2019 г. значительно выросла доля экспорта ракообразных: в 2,7 раза за последние десять лет. При этом экспорт ракообразных представлен, в основном, продукцией премиум-класса [2], экспортные цены на которую выше среднемировых на данный товар. Импорт свежей и мороженой рыбы за аналогичный период снизился на 43,7%, а ракообразных и моллюсков – на 25,4%. В целом у рыбной отрасли имеются весьма широкие перспективы для дальнейшего развития. К 2019 г. совокупный годовой улов составил порядка 5 млн т. Однако проблема заключается в том, что деятельность отрасли ориентирована, прежде всего, на экспорт, хотя, существует потребность в насыщении внутреннего рынка. При нормативах годового потребления рыбы порядка 22 кг в год, по данным Рыбного союза [9], среднестатистический россиянин потребляет ее на уровне 13,5 кг в год. При этом серьезным ограничением для заполнения рыбной продукцией внутреннего рынка является низкая покупательная способность населения страны на фоне существующих цен на рыбу, сопоставимых с мясной продукцией. На экспорт отправляется в основном сырье, доля продукции глубокой переработки ничтожно мала.

Перспективными отраслями для развития и реализации экспортного потенциала являются также производство растительных масел (подсолнечного, рапсового и соевого), свекловичного сахара, маргарина, безалкогольных напитков, а также кондитерских изделий. Кроме того, ряд отраслей обладает существенным потенциалом для уверенного выхода на внешние рынки, при этом в среднесрочной перспективе стоит рассчитывать не на наращивание физических объемов экспорта, а скорее на выход в, так называемые нишевые сегменты международного рынка. В частности, сюда можно отнести винодельческую отрасль, у которой есть все предпосылки для того, чтобы не только наращивать экспорт вина, но и представлять Россию на мировом рынке как уникальную винодельческую провинцию со своей школой и тра-

диями [10]. Однако необходима поддержка отрасли на законодательном уровне, а также время и существенные инвестиции для создания собственной сырьевой базы, поскольку это является важным условием для обеспечения конкурентных преимуществ.

Для наращивания экспорта продукции пищевой промышленности видится, прежде всего, два наиболее перспективных пути. Первый путь связан с физическим наращиванием объемов производимой продукции, излишки которой после удовлетворения внутреннего спроса возможно реализовать на внешних, уже освоенных рынках. Второй путь связан с расширением географии вывоза продовольственной продукции. Например, резкий скачок в объемах экспорта мяса птицы и свинины в 2019 г. эксперты связывают с выходом отечественных производителей на китайский и вьетнамский рынки. В последние годы наблюдается рост экспорта агропродукции (за первые 9 месяцев 2020 г. на 13% [11] в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года). При этом товарами-лидерами по приросту объемов вывоза является продукция мясной и молочной промышленности. Однако, учитывая ограниченность возможностей сырьевого экспорта, а также количества основных партнеров, приобретающих продовольствие у России, необходима разработка стратегии развития экспорта продукции, прошедшей промышленную переработку, исходя из различных сценариев развития ситуации в отрасли.

Таблица - Сценарные варианты развития экспорта продукции пищевой промышленности России

Показатель	Сценарии развития экспорта продукции пищевой промышленности		
	оптимистический	консервативный	умеренно-прогрессивный (базовый)
Среднегодовые темпы прироста объемов производства в отраслях пищевой промышленности	10–12%	4–5%	5–6% и выше
Рынки сбыта	- расширение географии рынков сбыта; - расширение экспортного продуктового ассортимента	отсутствие принципиальных изменений	- качественное расширение существующих партнерских отношений; - постепенный выход на международные нишевые рынки
Структура экспорта	увеличение доли продукции глубокой переработки	преимущественно сырьевой экспорт	увеличение доли продукции глубокой переработки
Специфика государственной поддержки отраслей пищевой промышленности	дифференцированная регионально-отраслевая; экспортно-ориентированная	базовая регионально-отраслевая с минимальной ориентацией на экспорт	дифференцированная регионально-отраслевая; «точечная» экспортно-ориентированная
Объем государственной поддержки отраслей пищевой промышленности	увеличение	сохранение на прежнем уровне; снижение	сохранение на прежнем уровне; увеличение
Достижение целей ФП «Экспорт продукции АПК» (45 млрд долл.) к 2024 г.	да	нет	нет

Нами предложено три основных варианта развития экспорта продукции пищевой промышленности (таблица), в процессе разработки которых были приняты во внимание сценарии развития пищевой промышленности, предусмотренные Стратегией развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 г. [12]. В качестве количественного ориентира реализации того или иного сценария развития экспорта использованы среднегодовые темпы прироста объемов производства в отраслях пищевой промышленности, а также факт достижения целевой отметки в 45 млрд долл. экспорта продукции агропромышленного комплекса к 2024 г., что зафиксировано в ФП «Экспорт продукции АПК». Предложенные сценарии развития экспорта опираются на достаточно узкий диапазон критериев, которые, по нашему мнению, являются принципиально важными ключевыми

элементами, параметры которых поддаются корректировке соответствующими субъектами хозяйственной деятельности и органами управления и затрагивают уровень развития отраслей переработки, а также специфику и объем государственной помощи, направляемой на поддержку производителей. Нами сознательно исключены из процесса моделирования не поддающиеся регулированию критерии, такие как общий уровень благосостояния населения, волатильность экономики и т.п.

Оптимистический сценарий развития экспорта продукции пищевой промышленности предполагает полную реализацию целевой установки, заложенной в ФП «Экспорт продукции АПК», а именно, выход к 2024 г. на уровень экспорта продукции АПК в размере 45 млрд долл. В более ранних исследованиях было показано [13], что данная цель может быть достигнута в том случае, если начиная, с 2019 г. среднегодовые темпы прироста объемов производства в отраслях пищевой промышленности будут составлять порядка 10–12%, что в отсутствии радикальных сдвигов в развитии отечественного пищевого сектора является практически недостижимой целью. При этом немаловажная роль в данном процессе отводится государству, что предполагает не только увеличение объемов господдержки, но и трансформацию подхода к ее осуществлению: увеличение гибкости механизма распределения помощи, основанной как на дифференцированном регионально-отраслевом подходе, так и экспортно-ориентированной направленности ее реализации. Кроме того, важно принципиальное изменение структуры экспорта продукции агропромышленного комплекса со смещением фокуса с сырьевого компонента экспорта на увеличение реализации товаров глубокой промышленной переработки с высокой добавленной стоимостью, что, безусловно, потребует как расширения географии экспорта, так и поиска путей выхода на новые ранее неосвоенные международные рынки сбыта. В связи с этим можно предположить, что простое увеличение физических объемов производства продукции в пищевой отрасли не решит проблему расширения экспорта продовольственных товаров. Необходимо выстраивание комплексной системы продвижения продукции на международные рынки с максимальной включенностью в процесс государственных органов власти на законодательном уровне.

Консервативный сценарий развития экспорта продукции пищевой промышленности предполагает стагнацию ситуации в политике как государственной поддержки производства, так и продвижения товаров на международных рынках. В качестве базового сценария развития ситуации нами принят умеренно-прогрессивный подход, количественные и качественные параметры реализации которого отражают промежуточное положение между двумя вышеназванными. С одной стороны, предполагаемые темпы развития пищевой отрасли, по нашему мнению, не обеспечат в сроки окончания действия ФП «Экспорт продукции АПК» достижения целевых показателей агроэкспорта, с другой – наметившийся вектор развития в целом пищевой отрасли с ориентацией на поддержку экспорта способен в долгосрочной перспективе вывести отечественный агропромышленный комплекс в лидеры на международных рынках по объемам продаж и качеству продукции глубокой переработки.

Заключение.

Представленные нами сценарии развития экспорта продукции пищевой и перерабатывающей промышленности ориентированы, прежде всего, на долгосрочную перспективу, реализация которых потребует качественного изменения подхода к государственной помощи как отраслей пищевой промышленности, так и к системе поддержки экспортных отношений России на внешних рынках. В настоящее время уже предпринимаются действия, направленные на формирование целостной структуры экспортно-ориентированной поддержки отраслей АПК на государственном уровне. В частности, осуществляется ряд программ субсидирования экспорта [14], а именно, программа, направленная на повышение конкурентоспособности, увеличение объемов производства и экспорта продукции; компенсация затрат на патентование за рубежом; компенсация части затрат на транспортировку продукции. Существенны изменения в налоговой части поддержки экспорта (возмещение налога на добавленную стоимость при экспорте товаров, освобождение от уплаты налога на добавленную стоимость при экспорте услуг и ряд других), а также в разработанных административных мерах

воздействия государства (информационно-консультативная поддержка экспортеров, устранение тарифных и нетарифных барьеров для экспорта продукции и т.п.). Однако необходим комплексный подход к поддержке производителей пищевой продукции, затрагивающий все аспекты деятельности от производства до реализации товаров, предполагающий разработку понятных и «прозрачных» критериев распределения господомощи, учитывающих не только принцип эффективности, но и необходимость социальной поддержки бизнеса. Немаловажным аспектом является также возможность установления границ перехода от непосредственной государственной помощи предпринимателям к созданию благоприятных условий для привлечения частных инвестиций.

Список литературы:

1. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК»: утв. протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5. – URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport/>
2. Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2019 году // Министерство экономического развития Российской Федерации от 9 июля 2020 года. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/itogi_vneshneekonomicheskoy_deyatelnosti_rossiyskoy_federacii_v_2019_godu.html
3. Россия снизила импорт молочной продукции / «Агробук» от 25.01.2021. – URL: https://agrobok.ru/news/70071/rossiya-snizila-import-molochnoy-produkcii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
4. Импорт молочных продуктов рекордно вырос после эмбарго / Национальное аграрное агентство от 25.01.2021. – URL: <https://rosng.ru/post/import-molochnyh-produktov-rekordno-vyros-posle-embargo>
5. Производство продуктов в России увеличилось на 3,5% / Агентство экономической информации «ПРАЙМ» от 25 января 2021 года. – URL: https://1prime.ru/Financial_market/20210215/833041773.html
6. Российский статистический ежегодник. 2020: стат.сб. / Росстат. – М., 2020. – 700 с.
7. Анализ импорта мяса и мясопродуктов в Россию в 2001–2019 гг. // Экспертно-аналитический центр агробизнеса "АБ-Центр". – URL: <https://ab-centre.ru/news/analiz-importa-myasa-i-myasoproduktov-v-rossiyu-v-2001-2019-gg>
8. Обзор российского и мирового рынков мяса и мясной продукции по состоянию на 11.12.2020 г. – URL: http://www.kaicc.ru/sites/default/files/myaso_rf_11.12.2020.pdf
9. Уплыла за дальний рубеж. В России снижается объем переработки рыбы // Российская газета от 22.09.2020 г. – URL: <https://rg.ru/2020/09/22/reg-szfo/v-rossii-zafiksirovano-snizhenie-obemov-pererabotki-ryby.html>
10. Эксперт: Какое вино купить к новому году // Российская газета от 31.12.2020 года. – URL: <https://rg.ru/2020/12/31/ekspert-kakoe-vino-kupit-k-novogodnemu-stolu.html>
11. Восток и выход. Экспорт агропродукции в 2020 году может быть рекордным // Российская газета от 16.08.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/08/16/eksport-rossijskoj-agroprodukcii-v-2020-godu-mozhet-stat-rekordnym.html>
12. Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года (проект). – URL: <https://barley-malt.ru/wp-content/uploads/2019/11/proekt-strategyu-razvytyja-pyshevoj-y-pererabatyvajuschej-promyshlennosti-rf.pdf>
13. Трифонова Е.Н. Оценка перспектив реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК» с учетом существующих тенденций развития пищевой промышленности РФ // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 64–69.
14. Государственная поддержка экспорта // Государственная информационная система промышленности. – URL: <https://gisp.gov.ru/invest/de/ru-RU/article/group/6>

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ

Пашков В.П., к.э.н., ИАГП РАН

В статье рассматривается история возникновения понятия «социализация земельной собственности». Анализируются вопросы социализации собственности как общемировой тенденции общественного развития, вопросы создания коллективных и общественных благ, роль общественного сектора как поставщика общественных благ, новых форм коллективной собственности.

Подчеркивается, что социализация собственности может проводиться по многим направлениям. Это и регулирование государством отношений владения, пользования и распоряжения у частных собственников земли, различные формы налагаемых обременений, укрепление государственной и муниципальной собственности, увеличение площадей их земли и др.

Рассматриваются типы государств-регуляторов: социальное и социализированное, социалистическое и капиталистическое. Указывается на развитие производительных сил как причину социализации.

Ключевые слова: социализация, собственность, земельная, частная, государственная, блага, обременение, социальное, социализированное государство.

LAND OWNERSHIP AND ITS SOCIALIZATION IN RUSSIA

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAGP RAS

The article examines the history of the concept of socialization of land ownership, and gives a definition. The article analyzes the issues of socialization of property as a global trend of social development, the creation of collective and public goods, the role of the public sector as a supplier of public goods, and new forms of collective property.

It is emphasized that the socialization of property can be carried out in many directions. This includes the regulation by the state of the relations of ownership, use and disposal of private land owners, various forms of encumbrances imposed, strengthening of state and municipal property, increasing the area of their land, etc.

The types of regulatory states are considered: social and socialized, socialist and capitalist. The author points to the development of productive forces as the reason for socialization.

Keywords: socialization, ownership, land, private, state, goods, encumbrance, social, socialized state

Введение.

В России понятие «социализация земли» пришло из программы партии эсеров (социалистов-революционеров). Опираясь на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, на их убеждение, в 1906 году они записали, «земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд», партия будет стоять за «социализацию земли», за ее «обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние». В.И. Ленин считал, что программа эсеров построена на теоретически ошибочных понятиях. Он писал, что земля из частной собственности должна быть переведена в государственную. Однако под давлением эсеров в 1917 и 1918 годах в стране были приняты законодательные акты: Декрет о Земле и Основной закон о социализации земли. Эти акты почти полностью воспроизводили партийную программу эсеров. Позже в законодательство СССР было введено единое понятие государственная собственность на землю, вместо множества существовавших ранее.

В настоящее время в мире вновь широко обсуждается явление и соответствующее ему понятие «социализация земли». Вскрываются общие для всех стран мировые тенденции, анализируются коллективные и общественные блага и их роль в развитии. Организация Объ-

единенных Наций в лице ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация) принимает соответствующие правовые международные документы с использованием данного понятия.

Цель исследования состоит в раскрытии содержания экономического явления «социализация земельной собственности», а также в разработке предложений по активизации соответствующих действий государства, совершенствованию существующего в России земельного законодательства.

Метод исследования состоит в использовании исторического подхода к возникновению явлений и понятий о них, мировых тенденций исторического развития, таких принципов диалектического метода классической экономической теории, как соотношение общего и особенного, инверсия понятия.

Результаты исследования.

В России понятие «социализация земли» и требование социализации земли пришло от партии эсеров, как ее главного программного принципа проведения аграрной реформы. Программа создавалась на идее народного общинного социализма. «Все земли поступают в заведование местных и центральных органов народного самоуправления... Земля обращается в общенародное достояние без выкупа» [1, 297].

Ленин В.И. на эту проблему отвечал так: «Социализация земли, проведенная в России, фактически означала «национализацию земли» [2, 326].

«Проводя закон о социализации земли, - закон, «душой» которого является лозунг уравнительного землепользования... Эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, но считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян» [2, 321]. «Перейдем к вопросу о национализации земли. Наши народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически не правы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму» [2, 324]. «При самой полной свободе крестьянского хозяйства, при самом полном равенстве мелких хозяев... - мы имеем перед собой строй товарного производства. Мелких производителей связывает и подчиняет себе рынок» [3, 273].

Декрет о Земле, пункт 4: «Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить ... крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов ...» [4,24]. «Все содержащееся в Крестьянском наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом ...». «Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий» [5,407].

27 января 1918 г. был принят Основной закон о социализации земли, в котором нет ни слова о социализации, о земле как о достоянии, как о государственной собственности, тем более как об исключительной. В первой статье Закона записано так: «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда». Во второй статье записано: «Земля без всякого (явного или скрытого) выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа» [3].

В.И. Ленин ответил народникам и эсерам, что перевод земли из частной собственности в государственную является и национализацией, и социализацией земли. Это теоретически верно. Однако в этом заключении не содержится определение понятия социализации земли. Социализация может проходить по множеству направлений. Во всех существующих сегодня научных работах ссылаются на определение, якобы принадлежащее В.И. Ленину, что социализация есть переход из частной собственности на землю в государственную, в достояние. Этого В.И. Ленин никогда и нигде не писал. Методологически диалектическая проблема состоит в понимании соотношения общего и особенного. Социализация это общее, а перевод в

государственную собственность есть лишь одна из множества особенных форм социализации.

Этот упрек теоретического характера относится ко всем теоретикам социализации, которые не видят либо не понимают диалектического соотношения общего и особенного. Необходимо различать начальные и конечные пункты социализации, полную и неполную или частичную социализации. Полная социализация - то перевод земли не только в государственную собственность, но и превращение последней в общенародную или социалистическую собственность. Это конечный пункт социализации. Он предполагает, что государство должно быть не буржуазным, а общенародным или социалистическим.

В мире объективно по историческим законам идет процесс социализации земли и в буржуазных государствах. Однако этот процесс идет замедленными темпами, и в данном случае можно говорить лишь о неполной или частичной социализации. Полной социализации земли в буржуазном государстве не произойдет.

В связи с этим необходимо различать типы государств. Социальное, социалистическое и социализированное государство. Социализация собственности не происходит по воле и желанию собственников или простых владельцев земли (например, арендаторов). Объективный исторический процесс вынуждает их приспосабливаться к историческим тенденциям. Однако больше социализация собственности зависит от усилий государства. А какое оно государство? Просто социальное? А какое государство не является социальным? Феодальное, капиталистическое, социалистическое? Но каждое из таких государств является социальным. Каждое общество, при любой его классовой структуре, является социальным. Государство это есть правящая организация господствующего в обществе класса, и оно в своих законах выражает волю такого класса. Поэтому понятие социализированное государство теоретически предпочтительнее понятию социальное государство.

В России сегодня идет процесс неполной или частичной социализации земли. Полной социализации земли, даже в случае перевода всего земельного фонда страны в государственную или муниципальную собственность, не произойдет. В последнем случае уровень социализации будет высок, сопоставим с уровнями социализации в Китае и Белоруссии. В этих двух странах уровни социализации земли являются наивысшими в мире.

Формы собственности, в том числе земельной, играют важную роль в социальном и экономическом развитии каждого общества. Среди множества их различных форм важнейшее место принадлежит базовым или родовым – общественной и частной. В процессе тридцатилетней земельной реформы в России в форме приватизации земли возникло множество трудно решаемых социальных и экономических проблем. В связи с этим в стране вновь широко обсуждается тема определения наиболее эффективной формы земельной собственности. Выясняется, что частная собственность сегодня во всем мире социализируется, причем, по множеству направлений. В первую очередь по линии перехода от абсолютно индивидуальной частной собственности к частной собственности малых, средних и крупных коллективов. Тема социализации собственности вообще и всех ее форм, в частности, отражает новую общемировую тенденцию общественного развития - постепенную социализацию всех форм собственности.

В научной среде экономистов России первыми обратили на это внимание В.Я. Ельмеев, Д.З. Мутагиров [6]. Более широко развил эту тему Мутагиров Д.З. в своей работе по социализации собственности и общественных отношений как тенденции мирового развития [7, 29-34.].

Тенденция к социализации собственности проявляется в возрастании общественной роли государства, общественного сектора экономики (транспорт, связь, энергетика, оборона, образование, здравоохранение и т.д.). В этих отраслях создаются общественные блага с такими свойствами: минимизация ограничений к доступу людей к использованию благ, а в отдельных случаях их отсутствие или исключение; отсутствие взаимного соперничества или конкуренции в потреблении, поскольку рост последнего не ведет к снижению полезности создаваемого блага или росту дополнительных издержек на его поддержание.

Общественные блага не связывают работника со средствами производства и результатами своего и коллективного труда напрямую, а влияют лишь опосредованно через систему налогообложения. Этот недостаток в значительной степени удается преодолеть в рамках другой тенденции, которая выражается в том, что в настоящее время в индустриально развитых странах Запада получила значительное развитие собственность работников в коллективном управлении, как еще одно подтверждение процессов социализации собственности в современных условиях. Возникли новые формы трудовой коллективной собственности в форме акционерных обществ работников рабочих и служащих.

В США существуют акционерные общества собственности работников в рамках ряда государственных законов об ЭСОП (Employee Stock Ownership Plans). Основная идея программы ЭСОП - сделать работников фирмы ее совладельцами. Производство на таких фирмах растет вместе с доходами совладельцев.

Сегодня правительства в развитых странах придерживаются центристских позиций в отношении социально-экономического развития. В России социально-экономический курс также меняется, идет переход от недавнего крайне правого к более или менее центристскому. Например, в России сегодня возрастают доля государственной собственности, государственного сектора и роль государства в управлении. В государственном секторе возрастает и доля занятого населения. Однако такая тенденция имеет место лишь в отдельных отраслях промышленности, она отсутствует в сельском хозяйстве, в АПК в целом.

В развитых странах, помимо государства, важна роль и крупного капитала с его контролем за производительными силами, природными богатствами или природными ресурсами. Он будет расти в формах укрепления и расширения его частной собственности на богатства природы, в том числе на землю. Он будет наращиваться в формах укрепления и расширения ограничений в отношении других форм частной собственности на богатства природы, в том числе на землю, в первую очередь, мелкой и средней (под видом социализации).

Какое явление и, соответственно, какое понятие является противоположностью собственности. Собственность и достояние — это парные, но противоположные друг другу формы. Достояние - это форма природного или общественного положения объекта с возможностью его прямого присвоения субъектом. Так сегодня воздух, вода в океанах находятся в положении достояния для всех людей и государств. Общественное положение всякого объекта присвоения сводилось ранее и сегодня к формам либо достояния, либо собственности [8, 122].

В Конституции СССР 1977 г. было указано, что земля, ее недра, воды, растительный и животный мир являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории, и находятся в ведении Советов народных депутатов. Земля, не находясь в собственности народа, являлась его неотъемлемым достоянием. При этом весь земельный фонд был объявлен собственностью государства.

Реформы по приватизации, проведенные в последние 30 лет, привели к тому, что земля не стала «народным достоянием», в собственности государства осталось лишь десять процентов сельскохозяйственных угодий.

Социализация земельной собственности означает рост общественного характера или обобществления в интересах всего народа по линиям ее субъектов, земельных участков как объектов, процессов присвоения и форм реализации. Причина социализации состоит в развитии производительных сил.

Социализация может проводиться по линиям: государственного управления процессами присвоения; укрепления государственной и муниципальной собственности, увеличения площадей их земли. Сегодня социализацию земли по этим двум направлениям необходимо проводить на территории Европейской части страны. В районах Восточной Сибири, Дальнего Востока, Севера, Арктики свыше 90 процентов сельскохозяйственных угодий принадлежит государству, здесь необходимо переходить к экономической реализации государственной собственности на землю в форме ее сдачи в аренду.

Изменение структуры форм собственности на средства производства, в том числе на землю, и изменение форм экономической реализации означает изменение экономического способа производства, изменение социально-экономического курса развития страны.

Формы собственности делятся на общие и особенные или специфические. Последние являются разновидностями общей формы. Парными и противоположными друг другу являются общественная и частная формы. Внутри каждой из них существуют особенные или специфические формы. В следующей цитате профессора Бодрунова С.Д. содержится абзац с правильной, с нашей точки зрения, классификацией форм собственности. «Существенно, что при политико-экономическом подходе обращается внимание не только на формы собственности (частная, общественная и их производные), но и на конкретно-историческое содержание этих отношений. Так, за формой частной собственности «капитал» может скрываться и рабовладение, и наемный труд, а за формой общественной собственности – государственно-бюрократическое отчуждение народного достояния от граждан или безграничное присвоение общественных благ, принадлежащих каждому (как, например, в общедоступной библиотеке) [9, 27].

Частная форма подразделяется на частную индивидуальную без использования наемного труда и на частную капиталистическую с использованием наемного труда.

Общественная форма собственности в ее развитой форме – это форма собственности, при которой субъектом владения, пользования и распоряжения должно являться общество в целом, т.е. народ страны (строго теоретически это и есть публичная форма, часто упоминаемая в литературе). Однако в чистом виде такая форма никогда и нигде в истории мира не существовала и не существует сегодня. Она может существовать лишь в форме государственной собственности, как особенной ее формы с реализацией в интересах всего общества: бесплатная передача в пользование, сдача в аренду на платной основе или временно бесплатная аренда.

В капиталистическом обществе государственная собственность может реализовываться и чисто капиталистически, работая на максимизацию дохода от владения собственностью. В этом случае государство сдает в аренду землю по максимально возможной арендной плате всем без исключения пользователям.

Реализация государственной собственности может иметь место и в интересах определенного класса, например, сдача в аренду по заниженной арендной плате крупной, средней или мелкой буржуазии. В этом случае государство является буржуазным, а его собственность и формы реализации являются государственно-буржуазными.

Социализация собственности может проводиться по многим направлениям. Усиление функции регулирования государством отношений владения, пользования и распоряжения у частных собственников является одной из сторон социализации. Социализация может проводиться одновременно и по линии укрепления государственной и муниципальной собственности, увеличения площадей их земли.

Государство может решиться полностью или частично социализировать в интересах общества свою недавно государственно-буржуазную собственность. Полной демократизации собственности и форм ее экономической реализации как власти народа здесь нет.

Мелкая собственность частных граждан может ассоциироваться в коллективную. Совместная и кооперативные формы, по сути, одно и то же. Коллективная форма остается частной, поскольку субъектами владения, пользования и распоряжения остается определенная группа граждан. Но она существенно отличается от акционерной формы в крупных компаниях.

Профессор Бодрунов С.Д. так пишет о социализации собственности, в том числе земельной: «Даже на современном этапе развития общества... можно заметить тенденции в эволюции отношений собственности, ведущие к их социализации и «размыванию» [9]. Отношения собственности, в особенности частной, должны были закреплять за собственником бесспорное право владения, пользования и распоряжения экономическими ресурсами. Однако уже давно эволюция экономических отношений привела к обрастанию собственности

различными обременениями, призванными обеспечить социальную ответственность собственника.

Взять хотя бы многочисленные сервитуты земельной собственности, дающие возможность третьим лицам осуществлять в определенных пределах права пользования земельным участком (право прохода и проезда, право доступа к источникам воды, право прогона скота, право доступа к участкам побережья, право прокладки коммуникаций и т.д.). Существуют многочисленные ограничения и обременения права собственности, касающиеся строительной, транспортной и промышленной деятельности, связанные с обязанностями обеспечения требований безопасности, санитарного режима, соблюдением определенных стандартов качества, экологическими требованиями и т.п.

Особое внимание следует обратить на эволюцию отношений интеллектуальной собственности как регулирующих экономический оборот ресурса современного и особенно перспективного производства – знания. Здесь видны такие явления, как краудсорсинг, викиномика, free software, open source, copyleft и т.д. Все это ведет к развитию режимов свободного доступа к интеллектуальным ресурсам. Вместе с тем, происходит достаточно жесткая борьба за «огораживание» интеллектуальной собственности. Это соответствует в развитии отношений собственности двум прямо противоположным тенденциям, которые можно проследить в современной экономической системе: интенсификации приватизации и размыванию права собственности вплоть до полного отказа от нее» [9, 27-28].

«Под влиянием генезиса нового качества технологий вследствие начала перехода к новому индустриальному обществу второго поколения и далее – к ноономике, началась трансформация отношений собственности и капитала. Эта трансформация, еще раз подчеркнем, противоречива. С одной стороны, присутствует тренд отчуждения собственности от большинства, концентрации богатства в руках 1% населения – то, что Харви обозначил категорией «dispossession», что можно перевести как «лишение собственности». Но, с другой стороны, есть и прямо противоположная тенденция – отказ от отношений присвоения, распоряжения и даже использования посредством развития форм совместного выполнения этих функций потенциально неограниченно широким кругом акторов. Первая тема в данном случае не затрагивается, а вторая – обозначается как проблема «отказа от собственности».

Проявления и формы последнего тренда хорошо известны и активно развиваются в современной экономике. Это различные примеры совладения, соиспользования, сопотребления, соработы (большинству в настоящее время более известны англоязычные термины: «sharing», «coworking», «coliving» и др. Эта тенденция получила разные наименования, – collaborative consumption, collective consumption, gige economy – но наиболее широко употребляется термин «sharing economy» (шеринговая экономика)» [9, 28-29].

В целях воздействия на социализацию земельной собственности и поземельных отношений в мире развивается практика отслеживаемости производства на земле, переработки, хранения, транспортировки и реализации не только первичных продуктов, например, зерна, но и продуктов их переработки. В связи с этим в стране создается федеральная информационная система, куда будет вноситься информация о компаниях, участвующих в производстве, переработке, хранении, транспортировке и реализации продукции. На участников таких рынков добавляется новая нагрузка, что может привести к росту их издержек. Поэтому государственные ограничения и обременения производителей, особенно собственников, имеют двойственный характер. С одной стороны, они работают на социализацию, т.е. на общественный интерес, а с другой, – ограничивают действия производителей.

В последние годы в России постепенно сокращалось количество проверок бизнеса. Тема сокращения проверок была прописана в общенациональном плане восстановления экономики, а Правительство РФ в 2016 году ввело даже мораторий на плановые проверки малого бизнеса. Генпрокуратура, как общий надзорный орган, принимала меры по защите бизнеса от лишних проверок, составляла сводный план проверок на каждый год с учетом их постепенного сокращения. В 2015 году в сводный план было включено 900 тыс. проверок, в 2016 году – 700 тыс. В начале 2020 года действовал «мягкий мораторий», который ограничивал

проведение проверок в отношении субъектов малого предпринимательства по видам контроля. Однако Минэкономразвития России планирует вновь возвратиться к росту числа проверок бизнеса в 2021 году. Проверки будут проводить многие министерства и агентства, но большую их часть будут проводить Роспотребнадзор, Роструд, МЧС и Россельхознадзор.

Сегодня правительство РФ работает на укрепление государственного сектора. «...в России огромное количество брошенной и неэффективно-используемой земли. Если земля «простаивает», то для экономики это минус... В ближайшее время будет принят целый комплекс мер по её развитию» [10]. Земля будет сегментирована по уровню плодородия. Это важно, потому что чем плодороднее земля, тем дороже она должна стоить при продаже новому собственнику. На данный момент это не учитывается и распродаётся за бесценок всем заинтересованным лицам. Впоследствии новые собственники перепродают эту землю новым собственникам, но уже дороже. По сути, происходит спекуляция. Выигрывает посредник, а не государство или конечный собственник. Когда зарабатывает спекулянт, экономика от этого не растёт.

Система контроля над брошенными землями будет пересмотрена. Если собственник не развивает свой надел сельскохозяйственной земли, то она будет передаваться обратно в муниципалитет по купленной цене, а далее через торги новому собственнику, который готов развивать участок.

В России существуют не востребуемые земли, неиспользуемые владельцами земли и отказные земли, от которых бывший владелец отказался. Решено упростить передачу не востребуемых угодий в пользу государства. На данный момент в стране имеется 15-20 млн гектаров таких земель. Процедура их перевода в собственность государства или местных властей очень сложна.

Чтобы решить обе эти проблемы разом, в законодательство необходимо внести понятие «бесхозная земля». Таковыми будут считаться те участки, собственники которых неизвестны либо отказались от права владения [11]. Также в разряд бесхозных необходимо отнести и земли, которые до определенной обозначенной даты не пройдут регистрацию в Едином государственном реестре прав недвижимости.

В стране уходят от ответственности нерадивые собственники земель сельскохозяйственного назначения. Статья 8.8 КоАП РФ требует использовать земельный участок по целевому назначению. Все земельные участки подлежат проверке в рамках контроля муниципального и Россельхознадзора. Если земельный участок имеет собственника и не используется (брошен, зарастает сорными травами, деревьями), то это основание для составления акта проверки и наложения на собственника административного штрафа. Сегодня в стране спрос на землю растет. В этой связи отдельные мелкие собственники сознательно не обрабатывают землю и ждут повышения цен на землю с целью ее выгодной продажи. Борьба с этим трудно. Проверку можно производить только в случае, когда собственник владеет земельным участком три года. Собственник может не являться на составление акта осмотра земельного участка. Отдельные собственники обрабатывают лишь малую часть (10-20%) участков. Суды выносят отказ, поскольку нет подтверждения факта неиспользования земельного участка.

Соответственно каждые три года земельный участок перепродаётся, но не муниципалитетам. Предлагается земли, не используемые в течение двух лет, продавать на аукционах, чтобы муниципалитеты могли их выкупить. Контролирующие органы должны ставить в известность собственников об организации аукционов по продаже неиспользуемых ими земельных участков.

Предлагается государственную поддержку сельских хозяйств разделять на поддержку по фактически используемой земельной площади и на поддержку по фактическому производству той или иной продукции. Первая форма поддержки направлена на компенсацию затрат, вторая на стимулирование производства продукции. Выделяемые государством бюджетные средства на обе формы поддержки в денежном выражении должны быть равны. По всем хозяйствам - крупным, средним, малым и микропредприятиям - средства выделяются

равно в расчете на 1 га используемых сельхозугодий. Стимулирующая поддержка уже дифференцируется по крупным, средним, малым и микропредприятиям. Причем дифференциация должна проводиться не снизу-вверх со снижением поддержки, а сверху вниз по ее наращиванию, т.е. от крупных к малым.

Производство на земле специфично, производительные силы в сельском хозяйстве отстают в своем развитии от таковых в других отраслях. Необходимо использовать опыт развитых стран по мерам господдержки сельского хозяйства: льготные кредиты, госзакупки продукции, развитие сельскохозяйственной инфраструктуры, бесплатное обучение работников прогрессивным методам производства и т.п. Объемы господдержки могут достигать до 70% стоимости произведенного в стране сельскохозяйственного продукта.

В Государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий», реализуются 132 проекта со строительством, ремонтом и реконструкцией социальных объектов и инфраструктуры, благоустройством сельских территорий, обеспечением транспорта и др. Это проекты поддержки сельских поселений, в целом сельских территорий. Предлагается данную Программу связать с государственной поддержкой отрасли растениеводства на земле, в первую очередь, с увеличением прямой погектарной поддержки по используемым землям во всех формах хозяйств.

Предлагается государству интенсивнее развивать процессы укрепления и расширения площадей земли в государственной и муниципальной собственности с их экономической реализацией в различных формах аренды. Обозначена долговременная конечная или стратегическая цель реформы земельной собственности – это установление государственной монополии на землю. Одновременно государству рекомендуется расширять спектр методов контроля и регулирования деятельности крупных предприятий. Крупные предприятия, находящиеся под контролем государства и регулируемые им, должны в перспективе стать основными производителями продукции в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе в целом.

Сегодня государство участвует в экономике сельского хозяйства в форме оказания финансовой поддержки, субсидирования. Однако государство может принять прямое участие в решении задачи использования земель сельскохозяйственного назначения, в том числе и вовлечении в производство неиспользуемых. Сегодня государственные хозяйства существуют лишь на сортоиспытательных участках земли. В растениеводстве государство может принять участие в долевой форме, в животноводстве – создавать государственные предприятия по молочному или мясному направлениям.

В АПК, в сельском хозяйстве можно создавать компании, корпорации на основе государственно-частного партнерства. Создание таких организаций может стать одним из условий обеспечения реализации поставленных государством целей, задач, регулирования и контроля производства на земле. Инвестиционная и производственная активность государственных и частных предприятий в сельском хозяйстве без государственной поддержки нереализуема. В связи с этим предлагается создавать систему их льготного кредитования.

Государственные и государственно-частные компании, корпорации могут быть эффективными. Это зависит от построения в них системы управления, менеджмента.

В стране в последние два года развивается цифровизация экономики, отраслей. С 2019 года Минсельхоз РФ развивает ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». В связи с тем, что состояние земельного фонда страны ежегодно изменяется (по количеству земельных участков, полей, районов, категорий и площадей земель в них) предлагается следующее: систему цифровизации состояния земельного фонда страны сделать системой динамических моделей ежегодных изменений. Предлагается все земли помимо их регионального зонирования сегментировать по уровню плодородия земельных участков. Это позволит местным органам точнее определять цены продаж и арендные платы, что сократит число спекулятивных перепродаж участков посредниками. Взять под контроль все как заброшенные, так и временно неиспользуемые участки. Первые, в случае неиспользования свыше двух лет, возвращать в собственность местных органов без судебных процедур. Предоставить

всем физическим и юридическим лицам, эффективно использующим землю, право на получение земельных участков в аренду без проведения торгов и аукционов.

В России сегодня приватизация земельных участков на аукционах и тендерах нередко происходит «по договоренности». Чиновники на местах ищут варианты для «личной выгоды», что мотивирует распродажу муниципальной земли, порождает взяточничество, посредничество.

Коррекция земельной реформы в направлении укрепления государственной и муниципальной собственности на землю и ее реализации в форме сдачи в среднесрочную и долгосрочную аренду будет работать на снижение коррупции в сфере земельных отношений, на рост бюджетных доходов государства и муниципалитетов.

В консолидированном бюджете расходов государства на 2021-2023 годы определены финансовые средства на поддержку и развитие сельского хозяйства и АПК. Однако в документе на трехлетний период не прописаны цели и формы изменений, развития земельных отношений, их финансирование.

В России в последние годы во многих отраслях укрепляется и расширяется доля государственной собственности. Изменилась и финансовая политика, произошел переход от укрепления и расширения финансового капитала к укреплению и расширению производственного капитала в сфере материального производства. Существует мнение, что Россия начала переход к системе государственного капитализма. На данном этапе предлагается развивать государственный сектор и в сфере АПК, в первую очередь, по линии укрепления и расширения государственной и муниципальной собственности на землю.

Заключение.

Исследование нового явления в мировой практике «социализация земельной собственности» привело к следующим выводам. Социализация земельной собственности означает рост общественного характера или обобществления в интересах всего народа по линиям ее субъектов, земельных участков как объектов, процессов присвоения и форм реализации. Усиление функции регулирования государством отношений владения, пользования и распоряжения у частных собственников является одной из сторон социализации. Социализация может проводиться одновременно и по линии укрепления государственной и муниципальной собственности, увеличения площадей их земли. Причина социализации состоит в развитии производительных сил.

Предлагается государству использовать мировой опыт социализации всех форм земельной собственности, в том числе государственной и муниципальной.

Социализация собственности, в том числе земельной, может проводиться по многим направлениям. Деятельность государства по регулированию отношений владения, пользования и распоряжения в форме ограничений и обременений, особенно собственников, имеют двойственный характер. С одной стороны, они работают на социализацию, т.е. на общественный интерес, а с другой стороны, они ограничивают действия производителей, являются дополнительной нагрузкой. В связи с этим необходимо учитывать и двойственные результаты деятельности государства.

Список литературы:

1. Наши противники: сборник материалов и документов. М.:Изд-во Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. - 1928. - Т.1. - 364с.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 37. М.: Изд-во Политической литературы, 1973.
3. Ленин В.И. Что такое национализация земли? ПСС. М, 1973. - Т.16.
4. Ленин В.И. Декрет о Земле. ПСС. Т. 35. М., 1974.
5. Декреты Советской власти. Т.1. М.: Изд-во Политической литературы, 1957.
6. Социология развития: современные теории и проблемы / Под ред. А.О. Боронбаева, В.Я. Ельмеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. – 343 стр.

7. Мутагиров Д.З. Социализация собственности и общественных отношений как тенденция мирового развития // Проблемы собственности в России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

8. Пашков В.П. К вопросу о земельной собственности и классификации ее форм. /В.П. Пашков// Вестник Института Экономики РАН. -2014. - № 1.- С. 120-131.

9. Бодрунов С.Д. На пути к ноономике: человек, технологии, общество // Мир перемен. - 2020. - № 2. - С.24-39.

10. Правительство Мишустина занялось земельным вопросом. Либералы будут недовольны. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/pinchprofit/pravitelstvo-mishustina-zanialos-zemelnyum-voprosom-liberaly-budut-nedovolny-60375017700da52db2b25764>. 26.02.21.

11. Изъятие невостребованных земель в пользу государства упростят в России. – URL: <https://agronews.com/ru/ru/news/agrosfera/2021-03-01/49465>. 01.03.21.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

Блинова Т.В., д.э.н., ИАГП РАН

Глобальная тенденция демографического старения экономически развитых и некоторых развивающихся стран в разной степени затронула сельские территории России. Цель исследования – провести сравнительный анализ межрегиональных различий демографического старения российского села. Для оценки пространственных различий выполнена типология регионов России по уровню и темпам старения сельского населения на основе кластерного анализа, методом k-средних. Результаты исследования показали, что наиболее демографически старыми являются регионы пятого кластера, где доля населения старше 65 лет, составляет около 20%, старше 70 – 13%, старше 80 – 6%. Глубина старения в большей степени нарастает в пятом и первом кластерах. Сельское население второго и третьего кластеров, где углубление старения происходит менее интенсивно, отличается более низкой долей лиц населения старше восьмидесяти лет. Лишь в регионах четвертого кластера доля населения старше 80 лет не повышается, составляя всего 1% на протяжении последних девяти лет. Нельзя не заметить, что лица старше 80 лет становятся всё более значимой группой в структуре сельского населения, их доля повысилась до 4% в первом и 6% (2019 г.) в пятом кластерах.

Ключевые слова: сельские территории, демографическое старения, межрегиональные различия, кластерный анализ.

INTERREGIONAL DIFFERENCES OF DEMOGRAPHIC AGING IN RURAL RUSSIA

Blinova T.V., doctor of economic sciences, IAGP RAS

The global trend of demographic aging in economically developed and some developing countries has affected the rural areas of Russia to varying degrees. The purpose of the study is to carry out a comparative analysis of interregional differences in the demographic aging of the Russian countryside. To assess the spatial differences, a typology of Russian regions was carried out in terms of the level and rates of aging of the rural population on the basis of cluster analysis using the k-means method. The results of the study showed that the most demographically old are the regions of the fifth cluster, where the share of the population over 65 is about 20%, over 70 - 13%, over 80 - 6%, respectively. The depth of aging increases to a greater extent in the fifth and first clusters. The rural population of the second and third clusters, where the deepening of aging is less intense, is distinguished by a lower proportion of people over eighty years of age. Only in the regions of the fourth cluster the share of the population over 80 years old does not increase, amounting to only 1% over the past nine years. It should be noted that people over 80 are becoming an increasingly important group in the structure of the rural population, their share increased to 4% in the first and 6% (2019) in the fifth clusters.

Key words: rural areas, demographic aging, interregional differences, cluster analysis.

Введение.

Демографическое старение, выступающее одним из глобальных вызовов современного развития государств, актуализирует исследование межрегиональных различий в возрастной структуре населения. По прогнозам ООН доля населения мира в возрасте 65 лет и старше увеличится с 9% (2019 г.) до 12% (2030 г.) и 16% (2050 г.) [1]. Необратимый демографический сдвиг к старшим возрастам в структуре населения отражает фундаментальные изменения, происходящие в ходе демографического перехода, затрагивающие не только экономически развитые, но и развивающиеся страны. Как отмечают исследователи, «старение населения является результатом длительных демографических изменений, сдвигов в характере воспроизводства населения, в рождаемости и смертности и их соотношении, а также частич-

но миграции» [2]. В научной литературе обсуждается два взаимодополняющих типа демографических изменений – «старение сверху» и «старение снизу». Первый тип, связанный с закономерным снижением смертности населения старших возрастов и ростом продолжительности жизни, в большей степени характерен для экономически развитых стран Европы. В России доминирующей причиной демографического старения является спад рождаемости, что означает «старение снизу». Демографы обеспокоены тем, что процесс старения населения оказывает влияние на все стороны жизни общества: трудовые и финансовые рынки, спрос на товары и услуги, в том числе жилищное строительство, транспорт и здравоохранение, социальную защиту [3].

Сельские территории России отличаются более высоким уровнем демографической старости, чем городские. Экономическими последствиями демографического старения сельских территорий могут быть не только обострение «дефицита кадров», но и снижение восприимчивости к инновациям, ограничения профессиональной, квалификационной и социальной мобильности [4]. Демографическое старение обостряет как экономические, так и социальные проблемы. Вместе с выходом на пенсию изменяется стиль жизни человека, меняется социальный статус, сужается набор ролевых функций, ухудшается материальное положение. В связи с этим. По мнению И.М. Айзиновой, одним из важнейших направлений социальной политики государства является поддержка старшего поколения, которая должна базироваться на всестороннем анализе сложившейся ситуации и возможных перспективах ее развития [5]. Одной из особенностей демографического старения сельских территорий России является высокая региональная дифференциация. Скорость, глубина и масштабы старения населения имеют значительные межрегиональные различия. Российские ученые подчеркивают, что разные территории находятся на разных стадиях демографического перехода [6]. Так, доля населения старше 65 лет, проживающего в сельской местности, колеблется от 5,33% (Республика Тыва) до 23,16% в Псковской области. Наиболее высокая доля лиц старше 80 лет, отражающая глубину старения, в Рязанской области составляет 7,51%, тогда как в Чукотском автономном округе и Республике Тыва лишь 0,48% и 0,56%.

Цель исследований – провести сравнительный анализ межрегиональных различий демографического старения российского села. Информационная база исследования основана на данных Росстата, представленных на официальном сайте [7].

Методика исследований.

Для оценки межрегиональных различий в уровне старения сельских территорий России, включенных в выборку ($N = 78$), применялся метод кластерного анализа. Преимущество данного метода заключается в возможности проводить классификацию объектов по одному или нескольким типологическим признакам за определенный интервал времени. При выполнении процедуры кластеризации использована программа Statistica 13.1. Применялся дивизимный кластерный анализ, позволивший классифицировать 78 регионов России, включенных в выборку, по доле сельского населения старше 65 лет за 2000–2019 гг. При выполнении кластерного анализа использовался метод k -средних.

Качество кластеризации проверено измерением межкластерных расстояний с использованием евклидовой метрики (таблица 1).

Таблица 1 – Евклидовы расстояния между кластерами

Кластеры	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
1-й	-	0,001	0,003	0,010	0,002
2-й	0,027	-	0,001	0,005	0,005
3-й	0,058	0,031	-	0,002	0,010
4-й	0,098	0,071	0,041	-	0,019
5-й	0,042	0,068	0,100	0,139	-

Матрица евклидовых расстояний свидетельствует о том, что различия между регионами каждого кластера при сравнении попарно не слишком высоки. Максимальные различия

динамики значений показателя отмечены в регионах, входящих в 4-й и 5-й, а также 1-й и 4-й кластеры.

Результаты исследований.

Выполнена типология регионов по доле сельского населения старше 65 лет, проведены межкластерные и межрегиональные сопоставления. По результатам кластерного анализа методом к-средних были выделены 5 типологических групп (кластеров). Первый кластер включает 16 регионов, характеризующихся умеренно высоким удельным весом населения старше 65 лет (таблица 2).

Таблица 2 – Межкластерные различия демографического старения сельского населения, 2019 г., %

Кластеры	Число регионов в кластерах	Доля населения старше, лет		
		65	70	80
1-й	16	17,04	10,63	4,41
2-й	16	14,21	8,51	3,47
3-й	14	12,36	6,86	2,35
4-й	7	6,89	3,88	1,35
5-й	25	19,52	12,95	5,83

В состав первого кластера входят сельские территории таких субъектов Российской Федерации, как Архангельская, Волгоградская, Кировская, Курганская, Ленинградская, Московская, Новосибирская, Ростовская, Саратовская, Самарская, Свердловская области; республики Адыгея, Башкортостан, Карелия; Алтайский и Краснодарский края. Доля населения старше 65 лет изменяется от 15,15% (Республика Адыгея) до 20,23 % (Кировская область). Удельный вес населения старше 80 лет колеблется между 3,81% (Новосибирская) и 5,25% (Кировская область).

Второй кластер состоит из 16 субъектов РФ, в том числе области: Омская, Астраханская, Кемеровская, Пермская, Оренбургская, Томская, Челябинская; республики: Карачаево-Черкесская, Коми, Марий Эл, Северная Осетия-Алания, Хакасия, Удмуртская; края: Красноярский, Приморский и Ставропольский. Доля населения старше 65 лет изменяется от 11,83% в Карачаево-Черкессии до 15,58% в Кемеровской области. Межрегиональные различия удельного веса населения старше 70 лет невелики, в пределах 7,20–9,71%. Доля населения старше 80 лет колеблется незначительно, составляя 2,84–4,30%.

В регионах третьего кластера средний удельный вес населения старше 65 лет составляет 12,36%. Третий кластер образован 14 регионами: Амурская, Иркутская, Калининградская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская, Тюменская, Читинская области; Еврейская АО; республики: Кабардино-Балкарская, Алтай, Бурятия, Калмыкия; Хабаровский край. Межрегиональный разброс рассматриваемых показателей здесь наиболее высок, так, доля лиц старше 65 лет изменяется от 9,59% (Республика Алтай) до 16,05% (Сахалинская область). Однако удельный вес населения старше 80 лет колеблется незначительно: от 1,69% (Камчатская обл.) до 2,82% (Кабардино-Балкарская Республика).

Четвертый кластер состоит из 7 регионов с максимально низкими показателями демографического старения села: Мурманская область; Чукотский автономный округ; республики: Дагестан, Ингушетия, Саха, Чеченская, Тыва. Он отличается не только малочисленностью состава и максимально низкими показателями демографического старения села, но и невысокой глубиной старения. Так, максимальная доля лиц старше 65 лет достигает 9,10% (Республика Саха), а минимальная – 5,33% (Республика Тыва). Межрегиональные колебания доли населения старше 70 и 80 лет также невелики, а средние их значения являются наиболее низкими среди всех кластеров (3,88% и 1,35%).

Наиболее многочисленный пятый кластер включает 25 регионов РФ: Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Пензенская, Тверская, Ульяновская, Ярославская, Тульская, Тамбовская, Псковская области;

республики: Мордовия, Татарстан, Чувашская. Регионы пятого кластера отличаются наиболее высокими значениями показателей демографического старения сельских территорий России. Так, удельный вес населения старше 65 лет колеблется от 17,18% (Брянская обл.) до 23,16% (Псковская область). Высоким является и удельный вес населения старше 70 лет, который изменяется от 11,35% (Волгоградская обл.) до 15,76% (Рязанская обл.). Доля населения старше 80 лет составляет от 4,87% (Костромская обл.) до 7,51% (Рязанская обл.).

Процесс демографического старения села проявляется не только в увеличении удельного веса старших возрастных групп в структуре сельского населения, а также старении лиц трудоспособного возраста, но и повышении доли очень старого населения. Углубление старения статистически измеряется долей лиц 80 лет и старше в структуре старого населения. Однако для целей нашего исследования доля лиц старше 65, 70 и 80 лет оценивалась в общей структуре сельского населения (таблица 3, данные округлены до целых значений).

Таблица 3 – Показатели старения сельского населения в разрезе выделенных кластеров, 2000–2019 гг., %

Год	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер	4-й кластер	5-й кластер
Старше 65 лет					
2000	14	12	8	5	20
2005	16	13	9	5	21
2010	14	12	9	5	18
2015	15	12	10	6	18
2019	17	14	12	7	20
Старше 70 лет					
2000	10	8	5	3	14
2005	10	8	5	3	14
2010	11	9	6	4	14
2015	10	8	6	4	13
2019	11	9	7	4	13
Старше 80 лет					
2000	2	2	1	1	3
2005	2	2	1	1	4
2010	3	3	2	1	5
2015	4	3	2	1	5
2019	4	3	2	1	6

Как показывают данные таблицы, пятый кластер в 2000–2019 гг. сохранил позиции максимально старого, однако доля населения старше 65 лет изменялась нелинейно: в 2000–2015 гг. она сократилась с 20 до 18%, затем вновь выросла до 20% (2019 г.). Удельный вес лиц старше 70 лет уменьшился с 14% (2000 г.) до 13% (2019 г.), а доля населения старше 80 лет удвоилась, увеличившись с 3 до 6% за тот же период. Согласно шкале демографического старения ООН, молодым является население страны (региона), где лиц 65 лет и старше менее 4% в общей структуре населения. Таких регионов нет ни в одной типологической группе. Территориями со зрелым населением считаются те, в которых лица 65 лет и старше составляют от 4 до 7%. В указанную категорию входили регионы четвертого кластера, где значение показателя демографической старости колебалось от 5% (2000 г.) до 7% (2019 г.), а лица старше 80 лет составляли всего 1%. По шкале ООН территории, где население старше 65 лет превышает 7%, называются демографически старыми. Именно к этой категории относятся регионы первого, второго, третьего и пятого кластеров, отличаясь масштабами, интенсивностью и глубиной старения.

По данным таблицы 3, глубина старения в большей степени нарастает в пятом и первом кластерах. Сельское население второго и третьего кластеров, где углубление старения происходит менее интенсивно, отличается более низкой долей лиц населения старше 80 лет. В четвертом кластере доля населения старше 80 лет не повышалась, составляя всего 1% на протяжении последних девяти лет. Нельзя не заметить, что лица старше 80 лет становятся

всё более значимой группой в структуре сельского населения, их доля повысилась до 4% (2019 г.) в первом и 6% (2019 г.) в пятом кластерах. Наиболее высокие темпы старения населения отмечены в регионах 3-го кластера.

Учитывая интенсивное старение населения, Правительство России разработало «Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», где подчеркивается, что около 80% лиц старшего поколения страдают множественной хронической патологией [8]. По мнению исследователей, потребность в первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи у граждан старшего поколения выше, чем у лиц трудоспособного возраста, что обуславливает создание принципиально новой системы гериатрической медицинской помощи [9]. Эксперты ВОЗ считают, что большинство систем здравоохранения в мире не подготовлены для удовлетворения потребностей пожилых людей, которые часто страдают множественными хроническими состояниями [10].

Расчеты ученых Стэнфордского университета показали, что снижение смертности в возрасте старше 65 лет в США и других экономически развитых странах обеспечивало 20% общего прироста ожидаемой продолжительности жизни в начале XX века и 80% в начале XXI века [11]. В условиях современной пандемии коронавируса COVID-19 смертность населения России, в особенности старших возрастных групп увеличилась, а продолжительность жизни сократилась, что замедляет процесс старения населения. Зарубежные исследователи выявили положительную связь смертности от COVID-19 и возрастом, отметив наиболее высокие риски для людей старше 65 лет, особенно мужчин, причем риски возрастают при наличии гипертонии, сердечно-сосудистых заболеваний, диабета, хронических болезней легких и др. [12].

Анализ возрастной структуры смертности в разрезе типологических групп, включенных в выборку, свидетельствует о зависимости роста смертности от масштабов и глубины старения населения. Вместе с возрастом резко увеличиваются риски заболеваемости и смертности населения от болезней системы кровообращения, новообразований и болезней органов дыхания. Что касается внешних причин смерти, то обращает на себя внимание нелинейная динамика. Смертность от внешних причин лиц в возрасте 60–80 лет сокращается во всех выделенных кластерах, однако затем несколько увеличивается. Демографы обращают внимание на то, что структура смертности от внешних причин пожилых граждан имеет свои особенности, проявляющиеся в том, что увеличивается смертность от таких причин, как случайные падения, самоубийства, несчастные случаи при пожарах, транспортные происшествия со смертью пешехода [13].

У категории лиц сельского населения до 70 лет наиболее распространенными классами смертности являются заболевания системы кровообращения, новообразования и болезни органов пищеварения, по которым за последние годы число умерших значительно снижается. Для населения старше 70 лет повышаются риски смертности от болезней органов дыхания. Наиболее значительное снижение смертности населения старше трудоспособного возраста наблюдается по двум классам причин – болезни системы кровообращения и органов дыхания, наименее – заболевания органов пищеварения и новообразования. У населения старше 80 лет по последним двум классам причин смерти отмечен незначительный рост.

В первом кластере регионов отмечены более низкие коэффициенты смертности населения старше 65 лет от болезней органов дыхания и системы кровообращения. Во втором кластере крайне высок уровень смертности от новообразований и болезней органов пищеварения. Особенностью третьего кластера является наиболее высокий уровень смертности «от всех причин смерти». В четвертом кластере максимально низкие показатели смертности от болезней органов пищеварения. В пятом кластере высок уровень смертности от внешних причин и новообразований.

Смертность сельского населения старше трудоспособного возраста от болезней системы кровообращения имеет высокие показатели в таких регионах, как Чукотский автономный округ, Камчатская и Иркутская области, Хабаровский и Приморский края. В 2014–2019 гг. наблюдался ежегодный рост числа умерших от болезней системы кровообращения в Ростов-

ской, Калининградской областях, республиках Ингушетия и Карачаево-Черкессия. За этот же период отмечен рост числа лиц старше трудоспособного возраста, умерших от новообразований, в Чукотском автономном округе, Республике Тыва, Калужской, Астраханской, Мурманской и других областях. Смертность населения старше трудоспособного возраста от внешних причин увеличилась в Республике Кабардино-Балкария, Еврейской автономной области, Белгородской, Смоленской, Ленинградской областях. Однако наиболее высокий уровень смертности лиц старше трудоспособного возраста от внешних причин сохраняется в Чукотском автономном округе, Еврейской автономной области, Магаданской и Читинской областях, Республике Тыва.

Старение населения порождает новые требования к социальному обеспечению и медицинскому обслуживанию пожилых и старых людей [2]. Однако, как считают многие авторы, необходимо учитывать, что пожилые люди представляют неоднородную социальную группу, часть которой является объектом социальной политики, защиты и обеспечения, а другая – активным субъектом социальных взаимодействий [14]. Есть пенсионеры, которые готовы работать, поэтому повышение уровня занятости пожилых выступает долгосрочной тенденцией развития сельской России. Главным стимулом для продолжения трудовой деятельности для населения после выхода на пенсию остается востребованность и включенность в социальные и профессиональные отношения [15]. Одним из источников создания новых рабочих мест является развитие сегмента «серебряной экономики», в том числе в сельских регионах. В контексте развития «серебряной экономики» представители «третьего возраста» выступают не только потребителями социальных услуг и товаров, но и гражданами, активно занимающимися различными видами экономической деятельности. В связи с этим необходим комплекс мер, направленных на диверсификацию структуры занятости и источников доходов сельского населения [16]. Пространственные колебания масштабов и глубины старения предполагают дифференцированный подход к разработке стратегий социально-экономического развития сельских территорий и поддержки пожилых [17].

Заключение.

Классификация регионов России с помощью пространственного-временного кластерного анализа позволила выявить, с одной стороны, сельские территории России с максимально высоким уровнем демографического старения, с другой, – регионы с относительно низким, максимально низким и умеренно высоким уровнем старения сельского населения. Население старше трудоспособного возраста оценивается обществом в большей степени как «растущая группа риска» и в меньшей – как ресурс развития. Вместе с тем демографический сдвиг к старшим возрастам в структуре населения формирует предпосылки развития «серебряной экономики», которая является источником создания новых рабочих мест и диверсификации занятости в сельской местности. Изменение отношения общества к пожилым, ведущим активный образ жизни, расширение их трудовой занятости являются предпосылками повышения качества жизни населения «серебряного возраста». Исследование проблем и социальных последствий старения населения, выступающего фактором как демографических, так и экономических, а также социальных изменений, требует комплексного междисциплинарного подхода. При этом возникает необходимость в программах и эффективных механизмах экономического и социального регулирования процесса демографического старения сельских территорий России.

Список литературы:

1. United Nations. World Population Prospects: The 2019 Revision. – URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Down-load/Standard/Population/>
2. Кабашова Е.В. Сравнительный анализ демографического старения населения в регионах Российской Федерации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2013. – № 3 (116). – Т. 2. – С. 22–27.
3. Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в аспекте гендерных проблем современной России // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 2. – С. 5–13.

4. Блинова Т.В., Потапов А.П. Трудовой потенциал модернизации российского села // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2011. – Т. 2. – 1 (55). – С. 313–323.
5. Айзинова И.М. Социально-экономические проблемы старшего поколения: качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4. – С. 121–131.
6. Петросян А.Н., Шевчук Е.И., Кириллов П.Л., Мозгунов Н.А. Географические особенности старения населения России // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – №2. – С. 55–83.
7. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru>
8. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. – URL: <http://government.ru/media/files/7PvwlIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf>
9. Русанова Н.Е. Здоровье населения: от индивидуальной ценности до базового фактора общественного развития // Народонаселение. – 2018. – Т. 21. – № 1. – С. 109–121.
10. Всемирная организация здравоохранения. 10 фактов о старении и здоровье. Май 2017 г. – URL: <http://www.who.int/features/factfiles/ageing/ru/>
11. Eggleston K.N., Fuchs V.R. The new demographic transition: most gains in life expectancy now realized late in life // Journal of economic perspectives. – 2012. – Vol. 26 (3). – P. 137–156.
12. Parohan M., Yaghoubi S., Seraji A., Javanbakht M.H., Sarraf P., Djalali M. Risk factors for mortality in patients with Coronavirus disease 2019 (COVID-19) infection: a systematic review and meta-analysis of observational studies // The Aging Male. – Vol. 8. – P. 1–9.
13. Данилова И.А. Смертность пожилых от внешних причин в России // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 57–84.
14. Кошарная Г.Б., Щанина Е.В. Факторы депривации пожилых людей в социальнотрудовой сфере: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 481–493.
15. Зорина Е.Н. Старение населения и уровень жизни населения третьего возраста // Вестник Института экономических исследований. – 2017. – № 4(8). – С. 102–108.
16. Блинова Т.В., Русановский В.А. Теоретические подходы к исследованию межрегиональных различий российского рынка труда // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – №5. – С. 17–21.
17. Блинова Т.В. Демографическое старение сельских территорий России // АПК: экономика, управление. – 2021. – № 2. – С. 76–80.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Былина С.Г., к.э.н., ИАГП РАН

Исследована связь между демографическими и экономическими факторами, действующими в сельской местности Саратовской области. В качестве экономических факторов рассмотрены показатели платежеспособности: отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму и отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму. Предложены эконометрические модели для оценки демографических параметров сельского населения в зависимости от экономических факторов. Определено, что с 2013 г. по настоящее время уровень рождаемости сельского населения области более детерминирован не финансовыми, а иными причинами. Выявлена связь между динамикой смертности сельского населения Саратовской области и его уровнем платежеспособности. Обоснованы первоочередные меры региональной политики по снижению уровня смертности сельского населения области.

Ключевые слова: сельское население, рождаемость, смертность, доходы, прожиточный минимум, эконометрические модели.

INFLUENCE OF ECONOMIC FACTORS ON DEMOGRAPHIC PARAMETERS OF THE RURAL POPULATION OF THE SARATOV REGION

Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The relationship between demographic and economic factors operating in rural areas of the Saratov region has been investigated. The indicators of solvency are considered as economic factors: the ratio of average per capita income to the subsistence minimum and the ratio of the average wage to the subsistence minimum. Econometric models for assessing the demographic parameters of the rural population depending on economic factors are proposed. It has been determined that from 2013 to the present, the birth rate of the rural population of the region is more determined not by financial, but by other reasons. The relationship between the dynamics of mortality of the rural population of the Saratov region and its level of ability to pay is revealed. The first-priority measures of the regional policy to reduce the mortality rate of the rural population of the region have been substantiated.

Key words: rural population, birth rate, mortality, income, subsistence minimum, econometric models.

Введение.

Демографическая ситуация в Российской Федерации уже второй десяток лет находится под пристальным вниманием государства. С 2006 г. постоянно принимаются меры государственной политики, направленные на стимулирование рождаемости, снижение показателей смертности, увеличение продолжительности жизни. Следует отметить, что подавляющее большинство мер пронаталистской политики, осуществляемые в рамках национальных проектов и государственных программ, имеют экономическую направленность. Как показывает практика, сельское население оказалось более восприимчиво к мерам поддержки семей с детьми и в большей степени, чем горожане откликнулось на введение материнского капитала, увеличение размеров ежемесячного пособия по уходу за ребенком; предоставление льгот, поддержку молодых и многодетных семей. С 2005 по 2012 г. общий коэффициент рождаемости сельского населения РФ вырос на 33,6%. Снизились и показатели смертности сельского населения РФ с 2005 по 2019 г. на 28,5%. Однако последние годы (2012–2019) наблюдается снижение общих коэффициентов рождаемости с 14,7 чел. на 1000 населения в 2012 г. до 9,8 чел. на 1000 населения в 2019 г. Новые государственные инициативы, направленные на изменение создавшейся ситуации, отражены в Указе Президента Российской Федерации «О

национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» от 7 мая 2018 года № 204 [1], национальном проекте «Демография» [2], Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 года [3]. На реализацию мероприятий Национального проекта «Демография» с 2019 по 2024 г. предполагается выделение более 4,6 млрд руб., рассчитывая на соответствующие положительные изменения в демографических параметрах населения.

В научном сообществе проблема влияния различных экономических факторов на демографические параметры населения поднимается достаточно давно. В отношении влияния экономических факторов на показатели рождаемости единого мнения нет. Большинство исследователей находят обратную связь между доходом и числом рожденных детей, однако часть работ устанавливает наличие прямой зависимости рождаемости от уровня благосостояния семьи. В качестве фактора благосостояния исследователи используют различные характеристики. Так, В.Н. Архангельский предлагает использовать не только величину дохода, а удовлетворенность материальным положением, уровнем жизни, которая зависит не только от объективных характеристик, но и от значимости материального благополучия, уровня притязаний в отношении его [4]. П.Г. Абдулманапов считает, что влияние экономических факторов на процесс рождаемости происходит в виде доходов населения, жилищных условий семьи, профессионального статуса родителей, уровня занятости женщин, экономической выгоды от детей [5]. И.А.Кулькова, М.И.Плутова [6] при исследовании зависимости влияния характеристик качества жизни населения на уровень рождаемости, естественное воспроизводство, продолжительность жизни использовали более двадцати показателей, которые рассмотрены авторами как характеристики качества жизни. В данном исследовании наличие прямой связи демографических показателей с уровнем доходов населения на материалах Свердловской области не подтвердилось. Демографы Е.М. Андреев и В.М. Школьников выявили отсутствие зависимости продолжительности жизни от экономического положения региона [7]. К противоположным выводам пришла команда исследователей из университетов штатов Миссури и Оклахомы, изучавшая влияние различных социальных и экономических процессов на показатели воспроизводства населения [8]. Сделан вывод о важности фактора общей финансовой стабильности в период демографического перехода. Авторы [9] на основании исследования зависимости коэффициентов рождаемости от уровня доходов населения в субъектах РФ пришли к выводу о разнонаправленности данных зависимостей в различных федеральных округах. Отсюда следует необходимость дифференциации мер государственной социально-экономической политики не только по федеральным округам, но даже по отдельным субъектам РФ с учетом современного состояния, сложившихся тенденций и сохраняющихся традиций населения.

Существование взаимосвязи между показателями смертности и экономическими факторами, напротив, подтверждается многими исследователями. Например, в исследованиях И.А. Денисовой [10] доказывается влияние самооценки статуса, определяемого серией показателей дохода, власти и уважения на показатели смертности. В.С. Тапилиной доказывается прямое влияние величины доходов, неравенства в их распределении на состояния здоровья населения [11]. Данным автором установлена положительная зависимость уровня смертности от размеров доходов [12]. В.В. Власов [13] обосновывает связь между низким доходом населения, особенно сельского, и высокой смертностью.

В настоящей работе поставлено *целью* изучение влияния некоторых экономических факторов на параметры рождаемости и смертности сельского населения Саратовской области.

Методика исследований.

Большая часть исследователей пользуется социологическими (М.К. Shenk, М.С. Towner, Н.С. Kress, N.Alam), в том числе, с использованием данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (И. Денисова, В.С. Тапилина), а также аналитическими методами (В.В. Власов, R. Chetty, M. Stepner, S. Abraham et all [14]).

Но достаточно распространены и методы математического моделирования. Например, в работе [15] использованы статистические методы обработки данных, математическое моделирование с применением корреляционно-регрессионного и дисперсионного анализов. Наилучшие результаты получены с использованием логистических моделей. Для выявления связи между показателями уровня жизни и здоровья населения различных регионов страны В.С. Тапилиной использовались многофакторные регрессионные модели [12]. Е.Я. Пастуховой [16] выявлена взаимосвязь между материальным благосостоянием граждан и показателями смертности трудоспособного населения, младенцев на основании корреляционно-регрессионного анализа. И.М. Бурыкиным и Р.Х. Хафизьяновой показан положительный вклад бедности населения в рост общей смертности и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин на основании полученных регрессионных моделей [17]. В работе [18] авторами представлены результаты корреляционного анализа между уровнем смертности от болезней системы кровообращения и уровнем среднедушевого дохода в 12 регионах Российской Федерации (РФ), достоверно подтверждающие наличие отрицательной корреляционной связи независимо от пола. В. Печеневским и др. [19] предложено использовать зависимость демографических параметров от уровня платежеспособности населения для демографических прогнозов и представлены модели зависимости числа рождений и естественного прироста сельского населения от данного показателя.

В настоящем исследовании также применены методы математического моделирования с использованием кластерного и регрессионного анализов в пакете статистических программ Statistica 10.

Поскольку изменение уровня благосостояния населения является одним из основных внешних проявлений экономических перемен, поэтому необходимо исследовать зависимость динамики демографических параметров от данного показателя в определенные периоды времени. В качестве аргумента, определяющего уровень благосостояния, предлагается также взять платежеспособность – отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму и отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму. Использование данных показателей в значительной мере снимает проблему несопоставимости структуры потребностей различных социальных групп и трудностей учета динамики цен на товары первой необходимости.

Исследование состоит из следующих этапов:

- анализ динамики исследуемых показателей за период с 2000 по 2019 г.;
- определение временных интервалов с однонаправленной динамикой изменения показателей;
- корреляционный анализ показателей рождаемости и смертности с параметрами платежеспособности населения на выбранных временных интервалах для определения тесноты связи между параметрами и возможности построения регрессионных зависимостей;
- регрессионный анализ зависимости показателей рождаемости и смертности от уровня платежеспособности на определенных временных интервалах;
- анализ результатов исследования.

В качестве информационной базы исследования использовались официальные статистические материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области [20], а также данные официальных публикаций Росстата [21, 22].

Результаты исследований.

Анализ динамики общих коэффициентов рождаемости сельского населения Саратовской области с 2000 по 2019 г. (рис. 1) позволяет утверждать следующее.

Очевидно два значимых периода: роста с 2000 по 2013 г. (с кратковременным снижением в 2010–2011 гг.) и резкого снижения с 2014 по 2019 г. Соответственно зависимость коэффициента рождаемости сельского населения Саратовской области от платежеспособности населения исследована на двух временных отрезках: с 2000 по 2013 г. и с 2013 по 2019 г.

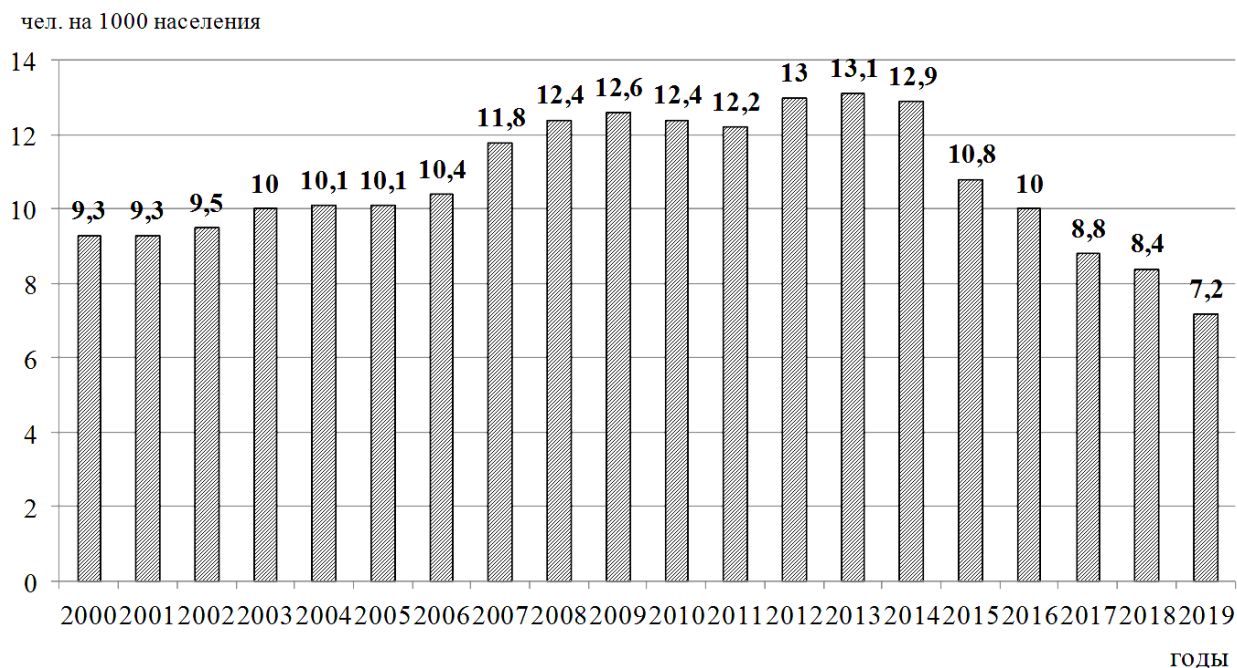

Рисунок 1 – Динамика коэффициентов рождаемости сельского населения Саратовской области, чел. на 1000 населения

Динамика платежеспособности населения рассчитана как отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму (платежеспособность 1) и как отношение среднемесячной заработной платы к прожиточному минимуму (платежеспособность 2) (рис. 2).

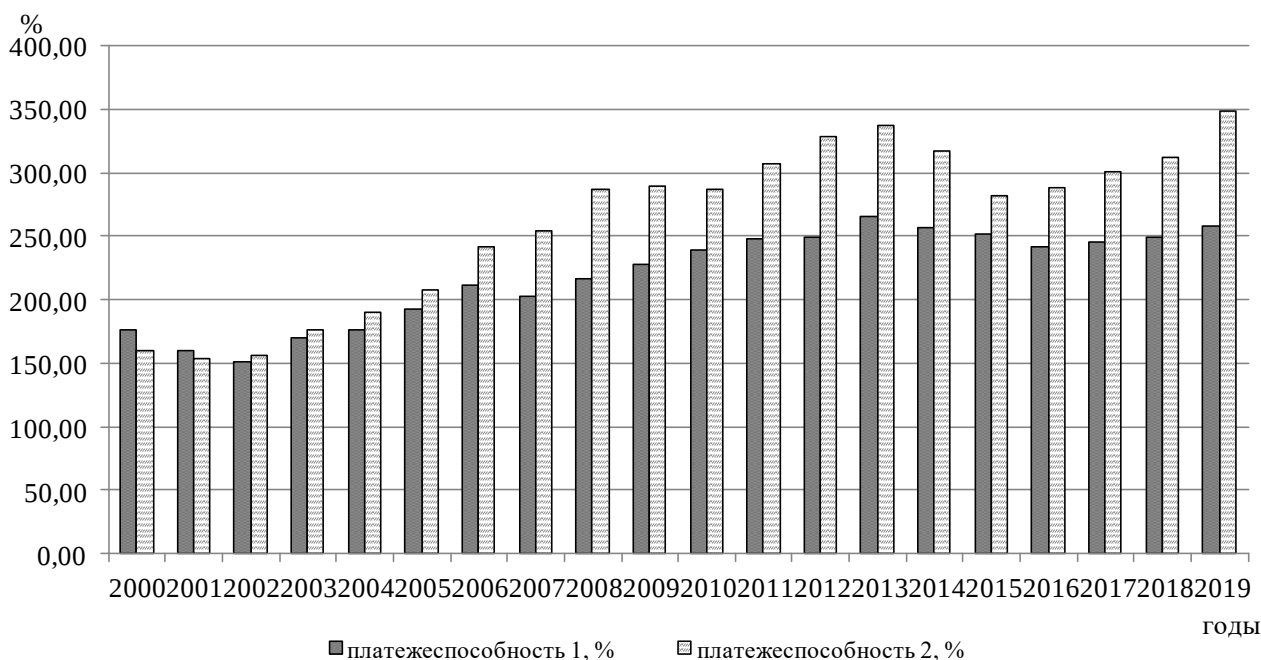

Рисунок 2 – Динамика уровня платежеспособности сельского населения Саратовской области, %

Очевидна возрастающая динамика показателей платежеспособности населения области с 2002 по 2013 г., снижение значения показателей к 2015–2016 гг. и новый виток роста с 2017 г.

Исследованы матрицы корреляций коэффициента рождаемости с показателями платежеспособности в двух временных интервалах. Введенные обозначения:

RG – общий коэффициент рождаемости сельского населения;

PL₁ – отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму;

PL₂ – отношение среднемесячной заработной платы к прожиточному минимуму.

Таблица 1 – Матрица корреляций между коэффициентом рождаемости сельского населения Саратовской области и уровнем платежеспособности в 2000–2013 гг.

	RG	PL ₁	PL ₂
RG	1	0,921	0,974
PL ₁	0,921	1	0,974
PL ₂	0,974	0,974	1

Расчеты показали, что между уровнем платежеспособности и показателем рождаемости на данном временном отрезке имеется тесная прямая связь с коэффициентами корреляции Пирсона 0,921 и 0,974, значимыми на 5%-м уровне. Полученный результат позволяет построить регрессионные зависимости коэффициента рождаемости от рассчитанных показателей платежеспособности сельского населения Саратовской области на временном интервале с 2000 по 2013 г.

Наилучшие результаты приближения получены с помощью линейной, квадратичной и экспоненциальной функций:

$$RG = 3,539 + 0,037 \cdot PL_1,$$

$$R^2 = 0,849$$

$$RG = 2,114 + 0,051 \cdot PL_1 - 0,00003 \cdot PL_1^2,$$

$$R^2 = 0,850.$$

Относительная ошибка расчетов составляет соответственно 4,13% и 4,10%.

$$RG = 6,9393 \cdot e^{0,0019 \cdot PL_2}$$

$$R^2 = 0,950.$$

Относительная ошибка расчетов составляет 2,4%.

Очевидно, что наибольшей точностью обладает зависимость коэффициента рождаемости от отношения среднемесячной заработной платы к прожиточному минимуму.

Полученные зависимости позволили сделать следующие расчеты. На восходящей динамике показателя рождаемости сельского населения Саратовской области рост платежеспособности населения на 10% может привести к увеличению коэффициента рождаемости от 7,2 до 9,6%, увеличение благосостояния на 25% может способствовать росту рождаемости на 18–20%. При падении уровня платежеспособности сельского населения Саратовской области на 10% уровень рождаемости снижается на 5,7%, снижение благосостояния на ¼ уменьшает рождаемость на 14,3%, уменьшение показателя платежеспособности наполовину ведет к снижению рождаемости на 27 %.

Анализ матрицы корреляций между коэффициентом рождаемости сельского населения Саратовской области и уровнем платежеспособности в 2013–2019 гг. (табл. 2) показывает отсутствие значимой корреляционной связи между данными показателями.

Таблица 2 – Матрица корреляций между коэффициентом рождаемости сельского населения Саратовской области и уровнем платежеспособности в 2013–2019 гг.

	RG	PL ₁	PL ₂
RG	1	0,456	-0,057
PL ₁	0,456	1	0,771
PL ₂	-0,057	0,771	1

Следовательно, на снижающемся тренде показателей рождаемости сельского населения их динамика не может быть описана статистически значимой зависимостью от уровня платежеспособности.

Общий коэффициент смертности сельского населения Саратовской области (рис. 3), начиная с 2005 г. постепенно снижается. Период с 2006 по 2009 г. характеризуется практически стагнацией данного показателя, так же как и 2015–2016 гг. Вследствие этого процесс снижения коэффициента смертности сельского населения области выглядит ступенчато, тем не менее, для анализа выбран период с 2004 по 2019 г.

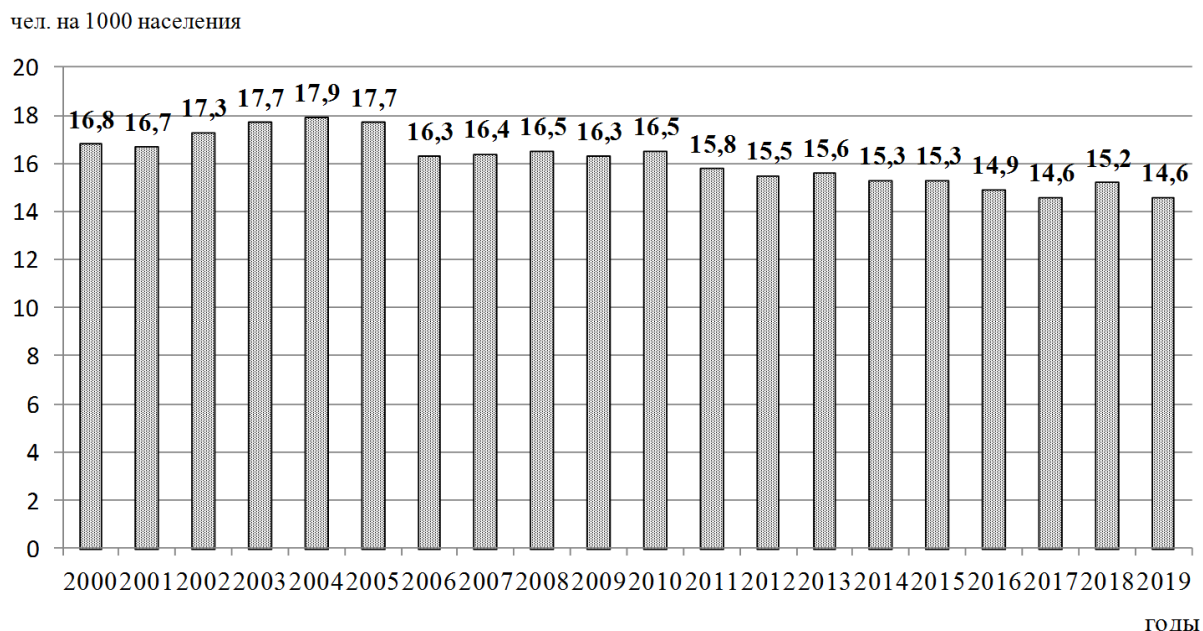

Рисунок 3 – Динамика коэффициентов смертности сельского населения Саратовской области, чел. на 1000 населения

Результаты корреляционного анализа коэффициента смертности сельского населения Саратовской области и использованных показателей платежеспособности представлены в таблице 3, где SM – коэффициент смертности.

Таблица 3 – Матрица корреляций между коэффициентом смертности сельского населения Саратовской области и уровнем платежеспособности в 2004–2019 гг.

	SM	PL ₁	PL ₂
SM	1	–0,865	–0,828
PL ₁	–0,865	1	0,933
PL ₂	–0,828	0,933	1

Очевидно, что коэффициенты корреляции отрицательны, достаточно велики и значимы на 5%-м уровне, что означает наличие обратной высокозначимой взаимосвязи между исследуемыми параметрами. Поэтому на следующем этапе исследования построены регрессионные зависимости уровня смертности сельского населения области от показателей платежеспособности.

Из всех протестированных функций наилучший результат получен с использованием логарифмических зависимостей:

$$SM = 55,347 - 7,241 \cdot \ln PL_1,$$

$$R^2 = 0,761.$$

Средняя относительная ошибка составляет 2,41%.

$$SM = 43,710 - 4,926 \cdot \ln PL_2,$$

$$R^2 = 0,704.$$

Средняя относительная ошибка составляет 2,76%.

Исходя из полученных зависимостей, можно рассчитать возможные изменения коэффициентов смертности сельского населения области в соответствии с динамикой уровня платежеспособности.

Так, снижение уровня платежеспособности на 10% может увеличить значение коэффициента смертности на 5,4–8,8%, снижение данного показателя на четверть увеличит показатели смертности на 12–17%, при падении платежеспособности наполовину смертность может вырасти на 25–30%. Напротив, рост благосостояния на 10% может привести к снижению коэффициента смертности на 1,1–1,4%, увеличение уровня платежеспособности на четверть приведет к снижению показателя смертности на 5,7–7,4%. Рост платежеспособности сельского населения области в 1,5 раза уменьшит показатели смертности на 12–16,5%.

Заключение.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что для сельского населения Саратовской области существовала прямая нелинейная связь между уровнем рождаемости и платежеспособности: отношением среднедушевых доходов и средней заработной платы к прожиточному минимуму в регионе до 2013 г., когда наблюдалась восходящая динамика показателей рождаемости. Учитывая восходящий этап цикла рождаемости, наблюдаемый в России в это время [23], можно предположить, что меры государственной пронаталистской политики наложились на восходящую динамику рождаемости и получился действенный кумулятивный эффект. Снижение показателей рождаемости после 2013 г. обусловлено целым рядом причин, одной из наиболее значимых среди которых является уменьшение численности сельских женщин репродуктивного возраста, которая снизилась в Саратовской области с 1 января 2013 г. по 1 января 2020 г. практически на 25 тыс. человек. Как показывают результаты исследования, с 2013 г. по настоящее время финансовые причины не являются основной детерминантой уровня рождаемости сельского населения области. Следовательно, лишь экономическая направленность мер государственной политики для повышения уровня рождаемости не даст ожидаемого результата. Необходимо более детальное изучение причин, определяющих репродуктивное поведение сельского населения Саратовской области, где наиболее информативными могут быть социологические методы.

Результаты проведенного исследования указывают также на наличие обратной связи между показателями смертности сельского населения Саратовской области и его уровнем платежеспособности, которая актуальна и в настоящее время. Как показали расчеты, влияние снижения уровня благосостояния сельского населения области на рост коэффициентов смертности гораздо существенней, чем эффект снижения коэффициентов смертности при аналогичном росте платежеспособности. Таким образом, можно заключить, что улучшение материального положения сельских жителей Саратовской области может способствовать снижению показателей смертности. Как считают многие исследователи, неблагоприятное материальное положение ведет к накоплению стрессовых состояний, ограничивает возможности получения своевременной и высококвалифицированной медицинской помощи из-за отсутствия возможности добраться до областного центра. По мнению В.В. Власова, сокращение сельских больниц и фельдшерско-акушерских пунктов после 2005 года носит катастрофический характер [13]. Только с 2015 по 2019 г. число фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности Саратовской области снизилось на 12 единиц [20]. В региональных задачах Национального проекта «Здравоохранение» предполагается открытие не менее 8 новых и ремонт не менее 40 устаревших ФАПов в населенных пунктах области с численностью населения свыше 100 человек [24].

Таким образом, снижение уровня смертности сельского населения Саратовской области возможно только при росте реальных доходов населения и обеспечении его доступной и качественной медицинской помощью. На решение данных вопросов, в первую очередь, и должны быть направлены меры региональной социально-экономической политики.

Ограниченность данного исследования лишь поиском взаимосвязи между демографическими параметрами сельского населения Саратовской области и их уровнем платежеспособности не исключает возможную зависимость данных демографических параметров от це-

лого ряда социальных и экономических факторов, не затронутых в данной работе, что может явиться целью дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
2. Национальный проект «Демография». – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>
4. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. – М.: ТЕИС, 2006. – 399 с.
5. Абдулманапов П.Г. Влияние экономических факторов на демографические процессы // Вопросы структуризации экономики. – 2019. – № 1. – С. 5–13.
6. Кулькова И.А., ПлUTOва М.И. Влияние качества жизни населения на демографическую ситуацию в регионе на примере Свердловской области // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 12–1. – С. 201–206.
7. Андреев Е., Школьников В. Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и ее регионах // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. – № 1. – С. 6–24.
8. Shenk M.K, Towner M.C, Kress H.C, Alam N. A model comparison approach shows stronger support for economic models of fertility decline // Proc. Natl Acad. Sci. USA. – 2013. – 110, P. 8045–8050 (10.1073/pnas.1217029110).
9. Полулях Ю.Г., Мамаш Е.А., ОйдуП Т.М. Анализ зависимости общего коэффициента рождаемости от среднедушевых денежных доходов населения в Федеральных округах // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 18(111). – С. 44–51.
10. Denisova Irina. Adult Mortality in Russia: A Microanalysis // Economics of Transition. – 2010. – Vol. 18. – Is. 2. – P. 333–363. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1558063> or <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0351.2009.00384.x>
11. Тапилина В.С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 126–137.
12. Тапилина В.С. Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России // ЭКО. – 2002. – № 2. С. 114–124.
13. Власов В.В. Доступность медицинской помощи для бедных в Российской Федерации // Правовые вопросы в здравоохранении. – 2013. – № 7. – С. 72–82.
14. Chetty R., Stepner M., Abraham S. et all. The association between income and life expectancy in the United:10.1001/jama.2016.4226.
15. Полулях Ю.Г., Мамаш Е.А., ОйдуП Т.М. Анализ зависимости общего коэффициента рождаемости от среднедушевых денежных доходов населения в Федеральных округах // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 18(111). – С. 44–51.
16. Пастухова Е.Я. Материальное благосостояние как фактор влияния на здоровье населения российских регионов // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 7. – С. 38–41.
17. Бурыкин И.М., Хафизьянова Р.Х. Влияние социальных факторов на смертность населения // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 1. – С. 704–711.
18. Анализ смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в 12 регионах Российской Федерации, участвующих в исследовании «Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний в различных регионах России» / А.С. Шальнова [и др.] // Российский кардиологический журнал. – 2012. – № 5 (97). – С. 6–11.
19. Печеневский В., Загайтов И., Яновский Л. Методология расчета прогнозирования демографической ситуации // АПК: экономика и управление. – 2008. – № 8. – С. 17–22.

20. Статистический ежегодник Саратовской области 2019 год: стат. сб. в 2 т., т.1 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. – Саратов, 2020. –198 с.
21. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2006: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 685 с.
22. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2020: стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 766 с.
23. Блинова Т.В., Кутенков Р.П., Шабанов В.Л. Моделирование среднесрочных послевоенных демографических циклов в России // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. – № 5. – С. 36–61.
24. Национальный проект «Здравоохранение». – URL: <http://saratov.gov.ru/gov/nationprojekt/zdravo/>

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА СТУДЕНТОВ

Блинова Т.В., д.э.н., Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье представлен анализ отношения студентов к пандемии COVID-19 в зависимости от ценности здоровья. Информационную базу исследования составляют результаты прикладного социологического пилотажного исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН в ноябре 2020 года. Выявлено, что высокая ценность здоровья обуславливает не только превентивную модель самосохранительного поведения, но и значительную социальную ответственность молодых людей. Низкая ценность здоровья, напротив, связана с недооценкой ее возможных негативных последствий, а также более слабым следованием мерам профилактики распространения COVID-19. Результаты исследования могут использоваться при совершенствовании стратегий борьбы с эпидемиями и при разработке направлений преодоления ее социальных последствий.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, самосохранительное поведение, ценность здоровья, социологическое исследование.

THE COVID-19 PANDEMIC AND THE VALUE OF HEALTH: STUDENT SURVEY RESULTS

Blinova T.V., doctor of economic sciences,
Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article presents an analysis of students' attitudes towards the COVID-19 pandemic, depending on the value of health. The information base of the study is made up of the results of an applied sociological pilot study conducted by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in November 2020. It was revealed that the high value of health determines not only a preventive model of self-preserving behavior, but also a significant social responsibility of young people. The low value of health, on the other hand, is associated with an underestimation of its possible negative consequences, as well as a weaker adherence to measures to prevent the spread of COVID-19. The research results can be used to improve strategies to combat epidemics and to develop ways to overcome its social consequences.

Key words: COVID-19 pandemic, self-preservation behavior, value of health, sociological research.

Введение.

Пандемия COVID-19 оказала огромное влияние на все сферы жизни общества, обострив риски функционирования экономики, сферы занятости и рынков труда, системы здравоохранения, социальной защиты населения, образования и миграции. Пандемия и последовавший за ней локдаун трансформировали возможности занятости, повысив уязвимость доходов населения, что в дальнейшем повлияло на изменение моделей трудового, самосохранительного, потребительского и репродуктивного поведения людей в большинстве стран мира. Ее глобальными последствиями являются возросшие риски бедности, уязвимости и голода; рост социального неравенства и ухудшение положения уязвимых групп населения (пожилых, молодежи, детей, женщин); недостаточность социальной поддержки и ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию отдельных категорий населения. В этих условиях особое значение приобретают исследования влияния пандемии на различные сферы жизнедеятельности населения и выявление новых факторов уязвимости благополучия.

Анализ отношения различных социальных групп населения России к пандемии COVID-19 и выявление особенностей их самосохранительного и трудового поведения позволит глубже понять возможности эффективного преодоления последствий пандемии. Следование мерам профилактики распространения COVID-19 способствует не только замедлению темпов распространения инфекции, но и расширяет возможности населения по использованию

ресурсов для стабилизации благополучия жизнедеятельности в условиях экономического спада.

Индивидуальные убеждения, установки и ценности ежедневно определяют человеческое поведение. Каждый из нас обладает уникальным набором личных ценностей, которые укоренились в нас с самого раннего детства. Некоторые из них являются бессознательными ценностями, а другие мы осознаем. Ценности представляют собой абстрактные цели, являющиеся важными руководящими принципами в жизни людей, предсказывающими их поведение.

Многочисленные исследования показывают, что здоровье имеет как терминальную ценность, так и инструментальную, когда оно важно с точки зрения его использования для получения других ценностей, важных для человека. Индивиды воспринимают ценность здоровья либо как фактор, определяющий все остальные сферы жизни, или акцентируют внимание на конкретных нюансах понятия «здоровье». Отдельные исследователи эмпирически доказали наличие четырех общих концепций для определения здоровья [1]. К ним относятся, во-первых, клиническая концепция, когда здоровье воспринимается как отсутствие болезни или неблагоприятных симптомов; во-вторых, ролевое представление, при котором здоровье рассматривается как способность выполнять социально значимые роли; в-третьих, адаптивная концепция, при которой здоровье воспринимается индивидом как фактор гибкого приспособления к изменяющимся обстоятельствам; и, в четвертых, метафизическая (нравственная) концепция, согласно которой здоровье понимается как активное благополучие, полноценное воплощение потенциала индивида.

Целостное восприятие индивидами понятия здоровья с точки зрения его ценности зачастую связано с другими значимыми благами, когда его рассматривают как включающее в себя физическое, умственное и духовное благополучие. При хорошем здоровье становится возможным реализовать другие ценности и достичь целей, которые считаются важными. Быть здоровым позволяет достичь независимости (как способности самостоятельно удовлетворять свои собственные потребности), активности (как возможность поддержания интенсивности ежедневных функций), качественно проводить время со своей семьей и обходительность (возможность что-то делать для других). Считается, что люди не могут наслаждаться жизненными благами без хорошего здоровья. Хорошее здоровье означает, что другие цели и удовольствия будут иметь более богатый и глубокий смысл. Индивиды могут стремиться прожить долгую, продуктивную, качественную жизнь, но могут сделать это только в том случае, если у них будет хорошее здоровье.

Отдельным аспектом рассмотрения здоровья как ценности заключается в его связи с ответственностью. Индивиды считают, что обладание хорошим здоровьем напрямую связано с ответственностью, когда необходима регулярная активная деятельность (определенное поведение), требующее от человека ответственности в уходе за собой и заботе об окружающих. Взрослые, которые придают важное значение своему здоровью и убеждены в своем влиянии на его состояние, зачастую демонстрируют поведенческие установки, направленные на поддержание и улучшение состояния своего здоровья.

Влияние личностных ценностей на реализуемое индивидом здоровьесберегающее поведение недостаточно исследовано. Поэтому изучение роли ценностей индивидов в понимании и прогнозировании поведенческих реакций является одной из перспективных областей исследования. С одной стороны, ценности выражают желания индивидов и отражают глубоко укоренившиеся в обществе стандарты, которые могут определять направления будущих действий и оправдывать прошлые действия. С другой стороны, ценность – это сугубо индивидуальный психологический конструкт, который определяет выбор действий или поведение в повседневных жизненных ситуациях конкретных людей. Более того, ценности связаны с другими психологическими особенностями человека, такими как личностные характеристики, интересы, установки. Личностные ценности – это кросс-ситуативные цели, определяющие мотивацию деятельности, они выражаются через поведение и могут представлять собой последовательный предиктор той или иной модели поведения.

Люди часто заявляют, что ценят свое здоровье. Однако связь между декларируемой ценностью здоровья и самосохранительным (здоровьесберегающим) поведением не так однозначна. Например, высокая ценность здоровья является хорошим предиктором соблюдения всех медицинских рекомендаций в случае угрозы здоровью [2]. Аналогичным образом лица, которые высоко ценили свое здоровье, легче снижают интенсивность и уровень потребления сигарет. Как показывают результаты отечественных исследований последних лет, в нашей стране также наблюдается «значительный разрыв между декларацией высокой ценности здоровья и ее практической реализацией на поведенческом уровне» [3, 4].

Целью исследований являлся анализ отношения молодежи к пандемии COVID-19 в зависимости от ценности здоровья. Объектом исследования являлись молодые люди 17–25 лет (студенты СГАУ им. Н.И. Вавилова). Предмет исследования – выявление особенностей отношения к пандемии у молодежи с различной ценностью здоровья. Основные задачи исследования: 1) анализ личного отношения студентов с разной ценностью здоровья к пандемии COVID-19; 2) выявление тревог и опасений молодых людей, связанных с пандемией, в зависимости от ценности здоровья; 3) оценка различий в моделях самосохранительного поведения в период пандемии у разных групп молодежи. Ключевой гипотезой исследования является предположение о том, что личное восприятие пандемии, наличие беспокойств относительно происходящего и их количество, а также следование определенным моделям самосохранительного поведения зависят от ценности здоровья в системе жизненных ценностей молодых людей.

Методика исследований.

Информационную базу статьи составляют результаты прикладного поискового социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН, на тему «Дети в современной семье». Основным методом сбора информации являлся дистанционный анкетный опрос в электронном виде. Всего опрошено 216 студентов, в том числе 78 мужчин (36,1%) и 138 женщин (63,9%). В составе опрошенных 65 человек в возрасте 17–19 лет (30,1%), 106 лиц 20–21 года (49,1%) и 45 человек в возрасте 22–25 лет (20,8%). Обработка результатов осуществлялась путем анализа многомерных распределений ответов респондентов с использованием пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Методологической основой исследований являлось разделение всех респондентов на группы в зависимости от указанного места ценности здоровья в системе жизненных ценностей (рейтинговая шкала). Респонденты, поставившие здоровье на 1–5-е места иерархии, были отнесены к группе с высоким значением ценности здоровья. Лица, поставившие ценность здоровья на 6–10-е места, – в среднюю группу; поставившие здоровье на 11–14-е места – составили группу тех, для кого здоровье не очень важно. Также в отдельную группу были выделены те студенты, которые не составили рейтинг из предложенных в анкете ценностей (группа «не указавших ценности»).

Результаты исследований.

Среди лиц, не указавших ценности, самый высокий удельный вес тех, кто имеет личный опыт COVID (14,9%, в том числе положительный тест у 1,1%); среди тех, кто указал среднюю ценность здоровья, выше остальных доля лиц с положительным тестом (2,9%, имеют личный опыт заболевания 11,5%). Минимальная доля переболевших COVID у лиц, указавших высокую ценность здоровья (1,4% имеют положительный тест и еще 7,1% думают, что переболели, но тест не делали). Среди лиц с низкой ценностью здоровья доля переболевших составляет 11,8% (положительного теста нет ни у кого).

Среди респондентов, указавших на низкую ценность здоровья, максимальная доля тех, кто считает пандемию COVID раскрытым СМИ феноменом (17,6% при средней по выборке 11,6%), с ними единодушны 12,8% тех, кто не указал ценности. Напротив, лица, ценящие здоровье, гораздо реже так считают (10,0% с высокой ценностью здоровья и 8,6% со средней ценностью) (таблица 1). Наиболее настороженное восприятие пандемии с высокой тревогой характерно для лиц со средней ценностью здоровья. Среди них максимальная доля тех, кто опасается за свое здоровье и здоровье близких (48,6%), а также тех, кто на грани па-

нических настроений (выбор альтернативы «я очень боюсь заболеть» – 14,3%). Интересно, что респонденты, указавшие на низкую ценность здоровья, тем не менее выражают высокую степень беспокойства о здоровье близких в пандемию (47,1%). Лица, не указавшие ценности, характеризуются высоким удельным весом тех, кто рационально воспринимает пандемию (40,4% считают, что при разумном подходе ее можно преодолеть), возможно, потому что в этой группе высока доля мужчин. А вот респонденты, указавшие на высокую ценность здоровья, воспринимают пандемию COVID несколько тревожнее по сравнению со средним по выборке.

Таблица 1 – Восприятие пандемии COVID -19 в зависимости от ценности здоровья, % от соответствующей группы

Вариант ответа	Высокая ценность здоровья	Средняя ценность здоровья	Низкая ценность здоровья	Не указали ценности	Среднее значение по выборке
Пандемия COVID – это раскрученный СМИ феномен	10,0	8,6	17,6	12,8	11,6
Это опасная быстро распространяющаяся инфекция, которую при разумном подходе можно победить	35,7	28,6	35,3	40,4	36,6
Я опасюсь за свое здоровье и здоровье близких	44,3	48,6	47,1	39,4	43,1
Я очень боюсь заболеть	10,0	14,3	0,0	7,4	8,8

Респонденты, указавшие среднее значение ценности здоровья, больше остальных групп сами боятся заболеть или что заболеют их близкие (34,3% и 80,0% соответственно – это максимальные значения по всем группам). Среди них около 42,9% опасаются отсутствия эффективных схем лечения и препаратов. Лица, указавшие на высокую ценность здоровья, тоже опасаются сами заболеть или что заболеют близкие (24,3% и 74,3% соответственно), но среди них высока доля опасующихся не получить своевременную диагностику (27,1% при средней 25,0%) и не попасть вовремя в стационар (17,1% при средней 13,8%) (таблица 2).

Таблица 2 – Наличие страхов и беспокойств из-за пандемии COVID -19 в зависимости от ценности здоровья, % от соответствующей группы

Вариант ответа	Высокая ценность здоровья	Средняя ценность здоровья	Низкая ценность здоровья	Не указали ценности	Среднее значение по выборке
Ничего не боюсь	4,3	2,9	5,9	6,4	5,1
Боюсь заболеть	24,3	34,3	17,6	14,9	21,3
Опасюсь, что заболеют близкие	74,3	80,0	64,7	73,4	74,1
Боюсь не получить назначения на тестирование	10,0	0,0	5,9	7,4	6,9
Не попасть вовремя в стационар	17,1	8,6	5,9	13,8	13,4
Не получить своевременную диагностику	27,1	17,1	29,4	25,5	25,0
Неграмотных действий врачей	40,0	34,3	64,7	45,7	43,5
Отсутствия эффективных лекарств и схем лечения	35,7	42,9	35,3	48,9	42,6
Нехватки лекарств и средств индивидуальной защиты	22,9	14,3	35,3	35,1	27,8
Боюсь потерять регулярный доход	7,1	5,7	5,9	17,0	11,1
Боюсь одиночества во время самоизоляции	2,9	5,7	11,8	7,4	6,0

Больше всего тревог и опасений демонстрируют респонденты, указавшие на низкое значение ценности здоровья. Они сами мало боятся заболеть (17,6%, меньше этого опасаются только не указавшие ценности – 14,9%) и меньше остальных групп опасаются, что заболеют близкие (64,7% при средней по выборке 74,1%). Однако они больше других боятся неграмотных действий врачей (64,7% при средней 43,5%), нехватки лекарств и средств

индивидуальной защиты (35,3% при средней 27,8%), отсутствия своевременной диагностики (29,4% при средней 25,0%), а также одиночества во время самоизоляции (11,8% при средней 6,0%). В составе лиц, не указавших ценности, максимальная доля тех, кто опасается отсутствия эффективных схем лечения (48,9% при средней 42,6%) и потери регулярного дохода (17,0% при средней 11,1%).

Больше остальных от экономических последствий пандемии пострадали респонденты, указавшие среднее значение ценности здоровья (около 28,5% из них столкнулись с потерей работы родственниками и 62,9% с потерей части дохода), а также не указавшие ценности (26,6% потеряли работу и 64,9% – ту или иную часть дохода). Причем у первых выок удельный вес потерявших работу из-за закрытия организации в период ограничений (50,0%), а также по причине сокращения сотрудников вследствие снижения объемов работы (40,0%). Среди них 42,9% указали на потерю незначительной части дохода, 17,1% – существенной и еще 2,9% потеряли весь доход. Этим обусловлено то, что 40,0% респондентов этой группы указали на ухудшение доступности основных необходимых товаров и услуг (при средней 32,4%). У лиц, не указавших ценности, около 79,2% в качестве главной причины потери работы родственниками указали сокращение работников из-за экономического спада. Среди них 40,4% потеряли незначительную часть дохода, а 23,4% – существенную, каждый третий сообщил об ухудшении доступности товаров и услуг (33,0%). У респондентов, указавших на высокую ценность здоровья, около 22,8% родственников потеряли работу, почти каждый третий – по причине, не связанной с COVID (31,3%). В их составе максимальная доля тех, кто потерял существенную часть дохода (25,7%). Однако доля лиц, ощутивших ухудшение доступности основных товаров и услуг, среди них минимальная из всех групп (28,6%).

Лица с низким значением ценности здоровья реже остальных групп указывали на проблемы с доступностью медицинской помощи при необходимости (только 41,2% указали на то, что за период пандемии сталкивались с подобными проблемами при средней по выборке 55,1%). Больше остальных с проблемами в доступности медицины столкнулись респонденты, указавшие на высокую ценность здоровья (59,1%), возможно этим и обусловлено их внимательное отношение к здоровью. Чаще остальных они сталкивались с длительным ожиданием прибытия машины «Скорая помощь» (21,2%) и трудностями при госпитализации по поводу COVID (7,6%), около 13,6% боялись посещать медицинские учреждения даже в случае необходимости из-за страха заразиться COVID (при средней по выборке 9,8%), 22,7% столкнулись с недоступностью врача. Еще 15,2% указали на наличие проблем с получением медицинской помощи, не связанных с пандемией COVID. Лица, указавшие на среднее значение ценности здоровья, так же указывали на отсутствие своевременного визита лечащего врача (29,0%) или длительность его ожидания (22,6%), а также на трудности с плановой госпитализацией в период пандемии (9,7%). Респонденты, не указавшие ценности, чаще остальных ждали как врача (23,1%), так и машину «Скорая помощь» (22,0%).

Респонденты, указавшие на высокую ценность здоровья, ориентируются на превентивные меры в самосохранительном поведении – они чаще остальных групп уделяют внимание правилам личной гигиены (регулярно моют руки, не трогают лицо немытыми руками, используют антисептики), соблюдают социальную дистанцию и самоизоляцию при симптомах ОРВИ. Лица со средним значением ценности здоровья чаще остальных указали на наиболее эффективные средства профилактики заражения COVID (выборочная профилактика) – использование маски в общественных местах и придерживаются правил личной гигиены (регулярное мытье рук и использование антисептиков).

Среди лиц с низким значением ценности здоровья максимальные доли тех, кто пользуется масками в людных местах (94,1% при средней 80,8%), соблюдает социальную дистанцию (58,8% при средней 55,3%) и правила самоизоляции при симптомах ОРВИ (70,6% при средней 59,0%). Реже остальных они следуют правилам личной гигиены в части регулярного мытья рук и использования антисептиков. Лица, не указавшие ценности, характеризуются нигилистским самосохранительным поведением – среди них минимальные

доли соблюдающих те или иные меры профилактики за исключением соблюдения социальной дистанции (на уровне среднего по выборке).

Таблица 3 – Следование мерам профилактики COVID -19 в зависимости от ценности здоровья, % тех, кто указал «сам соблюдаю»

Меры, соблюдаемые респондентами	Высокая ценность здоровья	Средняя ценность здоровья	Низкая ценность здоровья	Не указали ценности
Регулярное мытье рук	77,9	77,1	58,8	64,8
Соблюдение социальной дистанции 1,5 метра	58,6	47,1	58,8	55,3
Не прикасаются к лицу немытыми руками	71,4	70,6	70,8	55,9
Пользование маской в многолюдных местах	77,1	91,2	94,1	77,4
Регулярное использование антисептиков	58,8	64,7	35,3	45,2
Самоизоляция при признаках ОРВИ	66,2	61,8	70,6	50,5

Заключение.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, что лица, указавшие на высокую и среднюю ценность здоровья, рационально оценивают ситуацию с пандемией (не считают ее фейком), в значительной степени опасаются за свое здоровье и здоровье близких, а также демонстрируют высокие уровни беспокойства относительно возможности получить медицинскую помощь. Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о том, что индивиды, высоко оценивающие здоровье, демонстрируют особую модель самосохранительного поведения. Они в значительной степени ориентируются на превентивные меры в отношении сдерживания распространения и профилактики COVID-19. Лица, указавшие на низкую ценность здоровья, чаще остальных демонстрируют несерьезное отношение к пандемии (считают ее раскрученным СМИ феноменом) и следуют нигилистской модели самсохранительного поведения (реже остальных соблюдают меры профилактики распространения COVID-19). Тем не менее, среди них высока доля тех, кто выражает серьезную обеспокоенность возможными проблемами с доступностью медицинской помощи. Наши результаты показывают, что восприятие пандемии COVID-19 и поведение населения зависит от отношения к собственному здоровью. Понимание того, как изменяются эмоциональные реакции, беспокойства и тревоги, связанные с пандемией, а также факторы, их определяющие, может помочь в разработке стратегий борьбы с эпидемиями и в разработке направлений преодоления ее последствий.

Список литературы:

1. Sandelowski M., DeVellis B., Campbell M. Variations in meanings of the personal core value "Health" Patient Educ Couns, 2008, November; 73(2): 347–353.
2. Wallston K.; Wallston B. Who is responsible for your health? The construct of health locus of control // Sanders GS.; Suls, J. (editors) Social psychology of health and illness. Hillsdale, NY: Erlbaum; 1982: 65–95.
3. Петраш М.Д., Муртазина И.Р. «Понятие «здоровый образ жизни» в психологических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 152–165.
4. Березовская Р.А. Исследования отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – Вып. 1. – С. 221–226.

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В РФ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАГП РАН

Доходы и размер домохозяйства рассмотрены как факторы монетарной бедности в различных методиках ее оценки. Дана характеристика трех подходов к пониманию и исчислению бедности – абсолютного, относительного и депривационного. Показана тенденция их дальнейшей разработки на современном этапе развития статистических наблюдений в России и Европе в направлении интеграции в рамках концепции «многомерной бедности». Проведено сравнение результатов расчетов социально-демографической структуры бедности и рисков бедности для отдельных социально-демографических групп, полученных по «простой» и «взвешенной» методике. Показано, что при использовании взвешенной методики значимость размера домохозяйства как фактора монетарной бедности снижается, а среднедушевой доход становится ведущим фактором, влияющим на бедность.

Ключевые слова: монетарная бедность, депривационная бедность, многомерная бедность, сельская местность, размер домохозяйства, взвешенный и невзвешенный среднедушевой доход.

ECONOMIC AND STATISTICAL FACTORS OF MONETARY POVERTY OF URBAN AND AGRICULTURAL HOUSEHOLDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

Income and household size are considered as factors of monetary poverty in various methods of its assessment. The article describes three approaches to understanding and calculating poverty - absolute, relative and deprivation. The tendency of their further development at the present stage of development of statistical observations in Russia and Europe towards integration within the framework of the concept of "multidimensional poverty" is shown. Results of calculations of the socio-demographic structure of poverty and the risks of poverty for individual socio-demographic groups, obtained by the "simple" and "weighted" methods are compared. It is shown that when using the weighted methodology, the significance of household size as a factor in monetary poverty decreases, and average per capita income becomes the leading factor affecting poverty.

Key words: monetary poverty, deprivation poverty, multidimensional poverty, rural area, household size, weighted and unweighted average per capita income.

Введение.

Проблема бедности относится к числу наиболее острых социально-экономических проблем современного мира, чья актуальность не уменьшается с ростом экономики и общественного богатства.

На концептуальном уровне под бедностью понимается отсутствие ресурсов для обеспечения образа жизни, соответствующего минимально приемлемым стандартам, установленным государством или обществом для данного времени и места [1]. Эти стандарты существенно зависят от достигнутого уровня технологического и социально-экономического развития, поэтому характеристики бедности весьма подвижны и постоянно меняются. В наиболее общем виде ресурсы, обеспечивающие образ жизни, определяются показателем доходов, который берется за основу при исчислении бедности в монетарных подходах – абсолютном и относительном. Первый характеризуется тем, что уровень бедности определяется через отношение среднедушевого дохода индивида к величине прожиточного минимума (ПМ), рассчитываемой специальным образом исходя из социально-экономических соображений. Уровень относительной бедности определяется через заданный процентиль в распределении среднедушевого дохода; обычно это 0,4–0,6 медианного значения.

Немонетарные подходы определяют стандарты напрямую через совокупность благ, которые должны быть доступны индивиду. Один из немонетарных подходов, разрабатываемых в последние десятилетия, – депривационный, основанный на определении уровня материальных лишений индивида в наиболее характерных областях, формирующих стандарт. Очевидно, что стандарт и входящие в него блага должны одинаково восприниматься и оцениваться населением разных стран и регионов, что труднодостижимо. Поэтому установленный набор благ с течением времени меняется, из-за чего данные по депривационной бедности оказываются несопоставимы по странам и по годам. Так, в Евростате до 2016 г. использовался список из 9 благ, который затем был уточнен и дополнен до 13. Невозможность из-за нехватки финансовых средств приобрести, как минимум, 4 блага из этого списка являлась критерием отнесения индивида к числу бедных согласно материальной депривации. Росстатом была разработана собственная шкала деприваций подобная той, что используется в Евростате, но учитывающая социально-экономические особенности страны, с 2016 г. она включена в состав одного из федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам – Комплексного наблюдения условий жизни населения. Анализ по итогам 2017 г. показал высокий уровень депривированности по отдельным благам (более трети населения ответили, что не могут позволить себе оплатить недельный отпуск вне дома, заменить старую мебель, купить две пары сезонной обуви, приобрести автомобиль) [2]. Рассчитанный по критерию Евростата уровень депривационной бедности для России превышал 20%, при том что уровень официальной (абсолютной) бедности составлял в 2016 г. 13,8% [3]. Значительное расхождение между уровнями обоих видов бедности и довольно высокие показатели депривированности по отдельным благам, зачастую заметно превышающие аналогичные показатели в странах Восточной Европы, демонстрируют необходимость совершенствования методики оценки депривационной бедности.

С 2010 г. оба подхода – монетарный и депривационный были объединены Евростатом в рамках концепции «многомерной бедности». Его результатом стал индекс AROPE, рассчитываемый на основе трех признаков – традиционного показателя монетарной бедности (который Евростат определяет взвешенным способом через 0,6 медианы в распределении индивидов по величине располагаемых доходов), показателя депривационной бедности, а также показателя исключенности из рынка труда (характеризуемый менее чем 20%-м использованием трудового потенциала индивида 18–59 лет в течение прошедшего года). К числу бедных относятся лица, имеющие хотя бы один из трех названных признаков. Очевидно, что интеграцию в рамках единого индекса AROPE трех показателей, имеющих разную методологическую и методическую основу, трудно формально обосновать. Так, при относительном единстве мнений исследователей относительно недостаточности одного лишь монетарного подхода к определению бедности, вызывают споры остальные признаки, составляющие интегральный индекс. Особенно это касается третьего признака – низкого уровня занятости членов домохозяйств, чья связь с бедностью (в отличие от низких доходов и высоких лишений) является опосредованной. По поводу депривационной составляющей индекса AROPE споры ведутся в основном о конкретном списке деприваций [4].

Стремление Росстата принять европейский подход к пониманию и исчислению бедности было обозначено в 2019 г. [5]. Однако в 2021 г., по сообщениям СМИ, Росстат пока отказался от использования концепции многомерной бедности.

Целью исследований является уточнение методики расчета монетарной бедности путем применения весовых коэффициентов и анализ влияния взвешенной методики на экономико-статистические факторы монетарной бедности.

Методика исследований.

Расчеты уровня и структуры монетарной бедности по взвешенной методике опираются на концептуальный подход Евростата, согласно которому первому взрослому в домохозяйстве присваивается единичный вес, каждому последующему взрослому в этом же домохозяйстве – вес 0,5, каждому ребенку – вес 0,3. Эмпирическая база включает микроданные Выбо-

рочного обследования бюджетов домашних хозяйств [6] за 2018 г. в разрезе городских и сельских домашних хозяйств.

Результаты исследований.

Депривационную бедность можно рассчитывать иным способом, поскольку она в отличие от монетарных концепций пока не имеет общепризнанных критериев оценки. Доступные в настоящее время данные Росстата не позволяют оценивать уровень депривационной бедности на основе анализа конкретного списка деприваций в соответствии с методикой AROPE, поэтому его оценки исследователями часто проводились на основе вопроса о финансовых возможностях, задаваемого в бюджетном обследовании Росстата по крайней мере с 2004 г. и содержащего 5 вариантов ответов – от нехватки денег на еду до возможности любой покупки. Уровень депривационной бедности обычно соотносился с долей первых двух ответов – «доходов не хватает даже на еду» и «затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги».

Рассчитанный таким образом уровень депривационной бедности в России в 2018 г. составлял 16,3% от общей численности населения, что было сопоставимо с уровнем официальной бедности (12,6%), однако обе сформированные группы – бедные по депривации и бедные по доходам (малоимущие) – существенно различались по составу (рисунок).

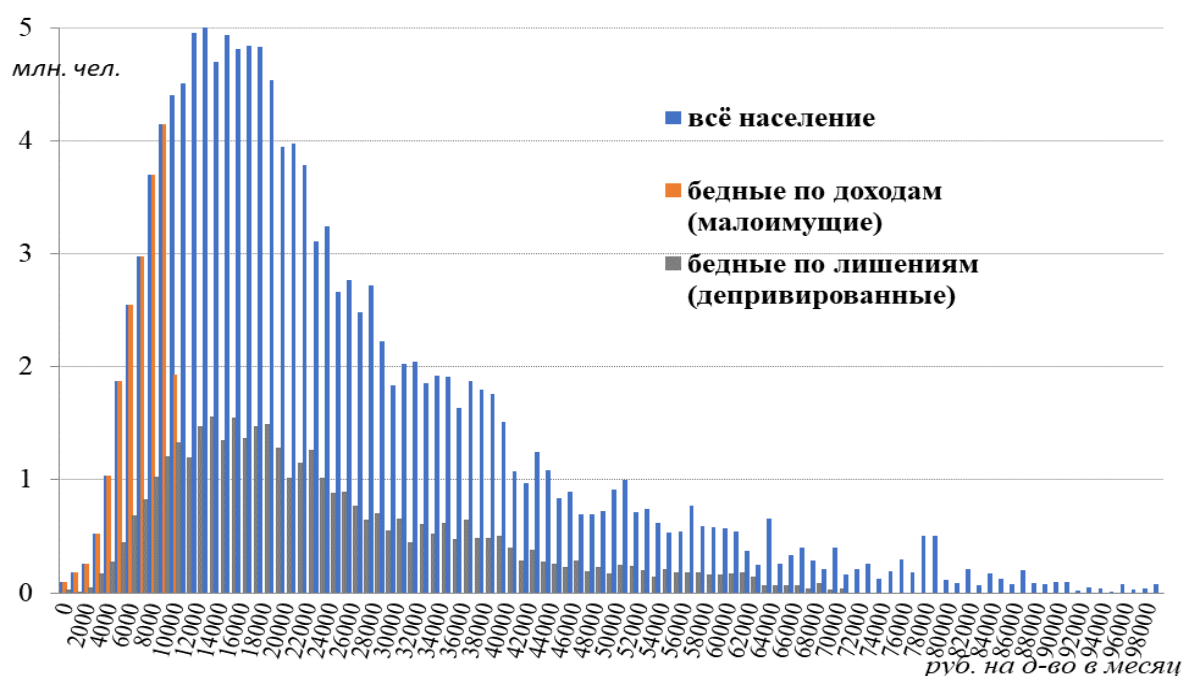

Рисунок - Распределения малоимущего, депривированного и всего населения РФ по величине среднедушевого денежного дохода

Примечание: рассчитано по микроданным Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения (Росстат, 2018 г.)

Можно видеть, что несоответствие объективного показателя низких доходов и субъективных оценок бедности весьма значительно. Оно вызвано не только разным восприятием людьми собственных потребностей, неоднозначной оценкой финансовых возможностей и рядом других показателей, но и методической неопределенностью: оценки депривационной бедности существенно зависят от формулировки вопроса и заданного критерия, а монетарной – от способа расчета среднедушевого дохода.

В настоящее время Росстат для измерения бедности использует абсолютный подход, в рамках которого прожиточным минимумом считается стоимость потребительской корзины, включающей в установленной стоимостной пропорции набор из определенных продуктов питания фиксированного веса (50% стоимости корзины), к которому без конкретизации до-

бавляются непродовольственные товары (25%) и услуги (25%). Стоимость продовольственного набора рассчитывается ежеквартально и по субъектам Федерации. От полученного значения приведением к 100% для каждого субъекта Федерации и по стране в целом определяется стоимость потребительской корзины – величины прожиточного минимума, являющейся официальным уровнем бедности в России.

При расчетах среднедушевого дохода Росстат использует простой невзвешенный показатель, получаемый делением дохода домохозяйства на его размер – число членов домохозяйства, каждому из которых присваивается единичный вес. Преимущество такого способа расчета – в его простоте и хорошей интерпретируемости получаемых результатов. Однако он также приводит к увеличению прямой зависимости уровня бедности от размера домохозяйства, что может отражать как реальную картину, так и искажать ее в сторону завышения уровня бедности одних групп и занижения других [7].

Для возможности последующего сравнения результатов расчетов без взвешивания с результатами, полученными с учетом взвешивания, будем соотносить с бедностью состав первой децильной группы, полученной делением всего массива индивидов, упорядоченных по величине их среднедушевых (невзвешенных и затем взвешенных) располагаемых ресурсов, на 10 равных по численности групп. Нижняя децильная группа (I дециль) почти целиком состоит из индивидов, официально относимых к числу бедных, и более 70% всех официальных бедных входит в состав I дециля.

Распространение монетарной бедности в селе значительно выше, чем в городе: удельный вес домохозяйств из села, входящих в состав I дециля, составляет 40,1%, удельный вес I дециля в совокупности сельских домохозяйств составляет 11,8%, городских – 5,5%.

Удельный вес I дециля в составе отдельных социально-демографических групп по городу и по селу представлен в таблице 1. Можно видеть, что по всем рассматриваемым группам, кроме групп домохозяйств неработающих пенсионеров и инвалидов, он превышает доли I дециля в целом по городу или по селу, и эти группы домохозяйств имеют повышенные риски бедности (в нашем случае – риски попадания в I дециль).

Таблица 1 – Доли домохозяйств из I дециля в составе социально-демографических групп и риски попадания в I дециль соответствующих социально-демографических групп, в разрезе города и села, до взвешивания

Показатель	Доля, %		Риск, ед.	
	город	село	город	село
В целом по домохозяйствам	5,5	11,8	0,79	1,69
Домохозяйства, в составе которых имеются:				
молодые семьи	11,7	22,8	2,13	1,93
многодетные семьи	23,5	39,7	4,27	3,36
неполные семьи	16,2	30,4	2,94	2,57
неработающие пенсионеры	5,3	6,9	0,97	0,58
инвалиды	6,8	13,1	1,24	1,11
только инвалиды	2,7	4,9	0,50	0,41
дети в возрасте до 3 лет	13,9	29,4	2,52	2,48
учащиеся или студенты в возрасте до 23 лет, не состоящие в браке	7,5	16,9	1,35	1,43

Риск попадания в I дециль определяется как и риск бедности в обследованиях Росстата через отношение доли группы в I дециле к доле группы во всем населении (но рассчитывается отдельно по городу и селу). Очевидно, что положение неработающих пенсионеров и в городе, и в селе более устойчиво к бедности, чем остальных групп: для городских неработающих пенсионеров риск попадания в I дециль составляет 0,97, для сельских – 0,58. При этом риски попадания в I дециль домохозяйств с детьми и в городе, и в селе различаются незначительно и заметно превышают 1 (см. таблицу 1). То есть при появлении детей в семье как городской, так и сельской резко повышается ее уязвимость перед бедностью. Это происходит не только из-за снижения семейных доходов, обусловленного декретным отпуском и преры-

ванием карьеры, но и по причине невзвешенного способа расчета среднедушевого дохода. Например, в семье с двумя детьми и двумя взрослыми среднедушевой доход по невзвешенной методике будет рассчитываться делением на 4, и попадание такой семьи в категорию бедных происходит при низкой зарплате хотя бы у одного взрослого и средней у второго, что достаточно типично прежде всего для села. Это выводит на проблемы сельского рынка труда и занятости сельского населения, указывает на возможные направления целевой поддержки со стороны государства и на формы такой поддержки – прямой в случае семей с детьми и косвенной, направленной на расширение возможностей занятости трудоспособного населения. Наряду с этим полученные данные по рискам бедности актуализируют вопрос об изменении нынешней методики расчета, в которой влияние размера семьи на среднедушевой доход представляется завышенным. Так, применение методики Евростата к семье с двумя детьми и двумя взрослыми скорректирует ее размер с 4 до 2,1 ($1,0 + 0,5 + 2 \cdot 0,3$), т.е. риск бедности для такой семьи существенно снизится. Размер заработка членов семьи в случае применения весов становится гораздо более значимым фактором, чем при использовании невзвешенной методики расчета.

В пользу применения весов при расчетах среднедушевого дохода говорят данные по депривационной бедности и по структуре потребления пенсионеров и инвалидов, характеризующие их положение как гораздо более уязвимое перед бедностью, чем при расчетах по невзвешенной методике. В частности, охват депривационной бедностью молодых и многодетных семей ниже, а семей пенсионеров и инвалидов выше, чем абсолютной бедностью, рассчитанной по невзвешенной методике [3]. Доля расходов на продовольствие в потребительских расходах, обратно связанная с уровнем жизни домохозяйства, для рассматриваемых категорий домохозяйств представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Доли расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах домохозяйств, %

Показатель	Город	Село
В целом	29,1	35,7
По I децилю	46,8	49,0
Домохозяйства, в составе которых имеются:		
молодые семьи	29,0	28,7
многодетные семьи	32,5	36,9
неполные семьи	32,4	38,9
неработающие пенсионеры	45,3	47,4
инвалиды	32,9	36,7
только инвалиды	40,9	44,3
дети в возрасте до 3 лет	28,0	34,7
учащиеся или студенты в возрасте до 23 лет, не состоящие в браке	27,6	33,2

Можно видеть, что наиболее высокий удельный вес расходов на покупку продовольствия в потребительских расходах в домохозяйствах неработающих пенсионеров и инвалидов: и по селу, и по городу в целом рассматриваемый удельный вес у них сопоставим с удельным весом продовольствия в потребительских расходах среднего домохозяйства из I дециля, который составляет 46,8% по городу и 49,0% по селу. Если рассматривать только I дециль, то уровень продовольственных расходов всех представленных здесь групп домохозяйств довольно высок – от 41% (городские домохозяйства инвалидов) до 52% (сельские домохозяйства неработающих пенсионеров и сельские домохозяйства с инвалидами). То есть удельный вес продовольственных расходов у домохозяйств неработающих пенсионеров и инвалидов не только высок, но и слабо дифференцирован, и в связи с этим рассчитанный по официальной методике риск бедности у этих групп представляется заниженным.

Непопадание части домохозяйств неработающих пенсионеров и домохозяйств инвалидов в категорию бедных объясняется статистически: их домохозяйства в среднем по выборке состоят из 1, реже 2 человек. Поэтому формально среднедушевые доходы таких семей выше,

чем семей других категорий, имеющих больший размер за счет детей-иждивенцев, поэтому они реже попадают в число бедных. Однако, если судить по высокой доле расходов на продовольствие в структуре их потребительских расходов, то их домохозяйства в среднем бедные. Таким образом, при существующей методике расчетов появляется противоречие между относительно высоким уровнем среднедушевых доходов, превышающих черту бедности, и «плохой» структурой расходов, характерной для бедных. Такая структура расходов и высокий уровень субъективной депривационной бедности свидетельствуют о том, что реальное финансовое положение домохозяйств пенсионеров и инвалидов не настолько далеко от бедности, как показывает статистика среднедушевых доходов. Применение методики взвешивания позволит скорректировать уровни бедности для социально-демографических групп, снизив их завышенную привязку к размеру домохозяйства.

В таблице 3 приводятся данные по уровню бедности для выделенных групп сельских и городских домохозяйств, рассчитанные с использованием весовых коэффициентов, принятых в методике Евростата.

Таблица 3 – Доли домохозяйств из I дециля в составе социально-демографических групп и риски попадания в I дециль соответствующих социально-демографических групп, в разрезе города и села, после взвешивания

Показатель	Доля, %		Риск, ед.	
	город	село	город	село
В целом по домохозяйствам	8,3	14,9	0,84	1,51
Домохозяйства, в составе которых имеются:				
молодые семьи	12,4	16,4	1,49	1,10
многодетные семьи	12,8	22,5	1,54	1,51
неполные семьи	14,8	26,4	1,78	1,77
неработающие пенсионеры	23,6	27,1	2,84	1,82
инвалиды	12,7	16,9	1,53	1,14
только инвалиды	17,3	19,0	2,08	1,28
дети в возрасте до 3 лет	9,0	18,4	1,08	1,23
учащиеся или студенты в возрасте до 23 лет, не состоящие в браке	7,3	15,7	0,87	1,06

Сравнение с аналогичными данными из таблицы 1 показывает, что произошла серьезная корректировка состава I дециля: в нем заметно уменьшились доли многодетных семей и семей с детьми до 3 лет (на 1/2–1/3) и увеличились доли домохозяйств неработающих пенсионеров, домохозяйств инвалидов (в 3,9–6,5 раз) и домохозяйств с инвалидами (почти в 2 раза). Соответственно изменились риски попадания в I дециль: они перестали зашкаливать и существенно уменьшились у многодетных семей и семей с детьми до 3 лет, и увеличились у домохозяйств неработающих пенсионеров, инвалидов и домохозяйств с инвалидами.

Закключение.

Сравнение результатов расчетов уровня и социально-демографической структуры монетарной бедности, проведенных по разным методикам, показывает большую адекватность методики, использующей весовые коэффициенты. Их присутствие в модели приводит к увеличению доли домохозяйств пенсионеров и инвалидов в социально-демографической структуре бедности и заметно повышает показатель уязвимости данных групп перед бедностью. Это соответствует результатам анализа субъективной бедности, уровень которой, определяемый самостоятельным позиционированием индивидов на шкале деприваций, у пенсионеров и инвалидов весьма высок, и структуры потребительских расходов, которая у домохозяйств пенсионеров и инвалидов отличается большим удельным весом продовольственных расходов, сопоставимым с их удельным весом в малоимущих домохозяйствах. Применение взвешенной методики уменьшает связь размера домохозяйства с бедностью, и фактором, оказывающим наиболее значимое влияние на бедность, в том числе на ее уровень и риск среди отдельных социально-демографических групп населения, особенно сельского, становится среднедушевой доход домохозяйства.

Список литературы:

1. Гришина Е.Е. Депривационный подход к оценке бедности семей с детьми в России и странах Европы // Финансовый журнал. – 2017. – № 4. – С. 47–55.
2. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году (КОУЖ-2018) / Росстат. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html
3. Шабанов В.Л. Депривационная бедность: методы исчисления и оценки // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2020. – № 2. – С. 108–113.
4. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Европейский опыт измерения бедности и социальной исключенности: индекс AROPE // Народонаселение. – 2019. – № 3. – С. 162–175.
5. «Бедность получила новые измерения: Росстат расширяет методику ее исчисления» Коммерсант, 25.04.2019. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3954833>
6. Обследование бюджетов домашних хозяйств по итогам 2018 г. // Росстат. – URL: <https://obdx.gks.ru>
7. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, меж-страновые сравнения / Н.Е. Тихонова [и др.]; под ред. Н.Е. Тихоновой. – М., СПб.: Нестор-История, 2018. – 368 с.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ УСЛОВИЙ
И ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ МАЛЫХ К(Ф)Х**

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАГП РАН

Анализируются основные методологические подходы к изучению влияния условий и факторов социального пространства на формирование социальных ресурсов малых фермерских хозяйств. Теоретическое рассмотрение социальных ресурсов, условий и факторов как элементов социального пространства позволило определить диалектический характер их взаимодействий. Определена аналитическая конструкция универсального социоресурсного набора необходимых условий для ведения фермерской деятельности и обозначена его специфика, обусловленная индивидуальными качествами представителей малого фермерского сектора. Субъектная деятельность инициативного агрария является основным фактором, активизирующим механизм комплекса ресурсных элементов. Проведена группировка объективных условий и факторов и их ранжирование по степени влияния на социальные ресурсы. Аналитически определены необходимые условия и факторы социального характера, непосредственно относящиеся к условиям труда и жизнедеятельности малого фермера. Выявлены субъективные особенности восприятия воздействия факторов социального пространства, формирующих либо деформирующих социальное поле возможностей и условий для развития малого фермерства.

Ключевые слова: малое К(Ф)Х, социальные ресурсы, условия, факторы, взаимовлияние, группировка факторов, социальные условия жизнедеятельности, субъективное восприятие.

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF STUDYING
THE INFLUENCE OF CONDITIONS AND FACTORS ON THE FORMATION
OF SOCIAL RESOURCES OF SMALL PEASANT FARM ECONOMIES**

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The main methodological approaches to studying the influence of conditions and factors of social space on the formation of social resources of small farms are analyzed. Theoretical consideration of social resources, conditions and factors as elements of social space made it possible to determine the dialectical nature of their interactions. The analytical structure of a universal socio-resource set of necessary conditions for conducting farming activities has been determined and its specificity has been outlined, due to the individual qualities of representatives of the small farming sector. The subjective activity of the proactive agrarian is the main factor that activates the mechanism of the complex of resource elements. The grouping of objective conditions and factors and their ranking according to the degree of influence on social resources has been carried out. The necessary conditions and factors of a social nature, directly related to the working conditions and life of a small farmer, are analytically determined. The subjective features of the perception of the impact of social space factors that form or deform the social field of opportunities and conditions for the development of small farming are revealed.

Key words: small peasant farm economies, social resources, conditions, factors, mutual influence, grouping of factors, social conditions of life, subjective perception.

Введение.

Современный период развития страны, отягощенный продовольственными санкциями, явился временем нового взгляда на проблемы отечественного сельского хозяйства и появления стимулирующих направлений его движения [1], целью которых стало увеличение фермерского сословия. Приближение к означенным параметрам предполагает обращение к социологическому содержанию человеческой личности, к возможностям малой фермерской

группы, обладающей определенными социальными ресурсами, которые находятся под воздействием разнонаправленных векторов социального пространства.

Актуальность исследования условий и факторов, воздействующих на социоресурсные возможности малых фермерских хозяйств определяется заметно возросшим значением последних в производстве качественного продовольствия и самоорганизации индивидуального и общественного пространств села.

Цель исследований состоит в разработке основных методологических подходов к аналитическому структурированию и определению основных условий и факторов, влияющих на конфигурацию социальных ресурсов представителей малых К(Ф)Х.

Методика исследований. В качестве основных методов исследования использовались диалектический метод познания, системный подход и структурно-функциональный анализ.

Результаты исследований.

Для определения основных условий и факторов, формирующих социальные ресурсы малого фермерского сегмента, необходимо аналитически рассмотреть сам феномен социальных ресурсов как объект, принимающий на себя данные воздействия. Так как без знания его социологических особенностей невозможно выделить из них те, что формируют его социальную конфигурацию.

Социологический срез феномена «социальные ресурсы» дает нам аналитическую возможность рассмотреть его в системной теории координат и определить его как социально-системную совокупность, состоящую из ряда элементов [2], взаимосвязанных друг с другом и характеризующихся взаимным влиянием. Данное аналитическое понимание социоресурсного состава позволяет выделить в нем качества целостности, подчеркивающие объективный характер их существования и интегративности – взаимодействия и взаимовлияния составляющих его элементов [3, С. 119]. И то, как целостность способна взаимодействовать с внешними условиями социального мира, принимая его импульсные воздействия.

Конструкция социоресурсных элементов не может быть полной без самого субъекта деятельности, движимого мотивационно-целевыми импульсами. Именно субъект позволяет активировать общий комплекс ресурсных элементов и определять общую стратегическую направленность его деятельности.

Для аналитического конструирования универсального набора социоресурсных элементов была использована методологическая опора на идеи М. Вебера [3, с. 21], давшая возможность выделить универсально-необходимые «выпуклые» черты исследуемого феномена. Так, социологическое содержание универсального аналитического набора социальных ресурсов вбирает в себя ряд элементов, представляющих собой социоресурсные субпотенциалы [4] малого фермера:

- стратегический (направленность деятельности субъекта, предприимчивость);
- образовательно-квалификационный (совокупность знаний, образование, специальные компетенции, сельскохозяйственные навыки и знания);
- ментальный (мотивация деятельности, ценностно-нормативный континуум субъекта);
- психофизиологический (физическое здоровье, волевые качества).

Специфика же конкретного социоресурсного комплекса представителей малых фермерских хозяйств определяется тем, что его носителями выступают индивиды, обладающие своими индивидуальными качествами – предрасположенностью к определенной деятельности, способностями, а также индивидуальными функциональными возможностями.

Комплексный характер социальных ресурсов дает возможность рассмотреть их элементный состав на основе структурно-функционального анализа, который базируется на структурном расчленении социальной целостности, каждому элементу которой придается определенное функциональное значение. Под данным углом зрения социоресурсный комплекс малого фермера определяется как интегральная характеристика [5], включающая отношения и деятельность фермера по организации и управлению К(Ф)Х, созданию системы социально-производственных взаимодействий, способствующих реализации членами семейного хозяйства своих функций.

Гипотетически первичное значение в расширении и активизации фермерского пространства принадлежит субъектно-предпринимательской активности индивида, движимого рядом жизненных ориентиров с опорой на ресурсные возможности. Адаптируя общесистемное социологическое понятие социальных ресурсов применительно к конкретному социоресурсному потенциалу малых фермерских хозяйств можно предположить, что ряд условий и факторов, оказывает стимулирующее воздействие на его активизацию, качественное обновление и новое форматирование, что дает возможность малым К(Ф)Х увеличить свой социально-воспроизводственный потенциал. В иных случаях, те же условия и факторы не имеют стимулирующего эффекта, т.к. здесь включается оценка степени их индивидуального восприятия, при которой одни индивиды считают данные условия и факторы приемлемыми для упрочения своего положения либо включения в свою деятельность, другие же – не воспринимают их целевой направленности и не используют в своей деятельности.

Частично расшифровать данную дилемму возможно привлекая такие специфические черты, как автономность и индивидуализацию, которые характеризуют аграрное предпринимательство как деятельность, имеющую собственный субъективный вектор динамики и диапазон поведения индивидов. А значит, возможности внешнего воздействия и управления ею существенно ограничены. Поэтому воздействующие факторы должны обладать особым стимулирующим контекстом. Одновременно необходимо целенаправленное факторное воздействие по мировоззренческому, образовательному и воспитательному ориентированию личности на предпринимательские практики.

Социальные ресурсы малых форм хозяйствования также как подобные ему «сложносочиненные» социальные образования вписаны в определенное поле социальных отношений с разнообразным контекстом влияний и взаимосвязей самых разнородных факторов и условий [6]. При этом одни связи просматриваются четко и очевидно, и здесь можно говорить о неких закономерностях во взаимозависимостях данных явлений; другие – практически неуловимы. Но их совместное сочетание образует локальную социальную систему, центральным ядром которой выступают социальные ресурсы малого фермера. Условия и факторы, выполняя роль векторных воздействий, определенным образом структурируют и видоизменяют «тело» социальных ресурсов, выполняя определенную роль в их эволюции либо истощении и затухании [7].

Философское понимание категории «условие» выражает отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может, либо необходимую для существования объекта или явления совокупность отношений, состояний и других объектов. Краткое определение термина «условия» – это понимание его как обстоятельства, от которого что-либо зависит [8]. Теоретическая интерпретация категории «фактор» определяет его как движущую силу развития процесса [9], в нашем случае процесса формирования социальных ресурсов малых К(Ф)Х. Более пристальное рассмотрение данной категории позволило зафиксировать тождественную близость понятий «фактор» и «социальный факт», определяемый в теории как всякий образ действия, способный оказывать на индивида внешнее воздействие, понуждение к чему-либо [3, с. 19]. Именно наличие объективности факторного воздействия способно побуждать индивидов к определенной деятельности по активизации социоресурсной конфигурации.

Рассматривая диалектическое взаимодействие элементов социальных ресурсов и социального пространства, можно выделить ряд принципиальных моментов. Во-первых, структурный и качественный составы социальных ресурсов малого фермера определяются воздействиями условий и факторов, присутствующих в окружающем его социальном пространстве. Во-вторых, внутреннее саморазвитие фермера (индивида), его ресурсного набора, в свою очередь, приводит к изменениям характеристик, окружающего его социального пространства.

Учитывая данные основания, условия и факторы социального пространства и внутренние интенции саморазвития личности, предполагается выделить условия и факторы внешне-

го влияния на социальные ресурсы малого фермера; условия и факторы саморазвития индивида.

В вершине классической укрупненной классификации условий и факторов находятся глобально воздействующие факторы [3, с. 330–333], к которым относятся – экономические, технологические и идеологические. Более субъективный взгляд на проблемы систематизации условий и факторов вносит свои коррективы, разбивая их на объективно-субъективные; основные и второстепенные; факторы прямого либо косвенного воздействия и др. [10].

Фактором, объективирующим практически все процессы в обществе – является состояние экономики [3]. Он же определяет уровень развития производительных сил в обществе. Современные технологические прорывы коренным образом меняют множество ареалов человеческой деятельности. Зачастую с экономической арены вынуждены уходить целые профессиональные группы, работу которых теперь выполняют техника, роботы, компьютерные сети. Индивидам приходится постоянно адаптироваться к меняющимся условиям, обучаться, приобретать новые навыки, не только экономической, но и социальной жизни – структурировать и обновлять свой социоресурсный потенциал. Одновременно с этим появляются новые возможности для индивидов – новые индустрии, новые рабочие места, новые способы общения, формируются различные виды общностей. Использование возможностей Интернета в деятельности малых К(Ф)Х наглядный пример воздействия инновационного фактора на формирование социоресурсного потенциала фермера. В настоящее время современные фермеры активно черпают недостающие знания в сети, ведут поиск необходимой информации о контрагентах (рынки сбыта, поставщиков ресурсов, другие факторы для текущей и перспективной деятельности), перемещают туда часть социально-производственных формализованных отношений, оперативно решают бытовые вопросы. Данная деятельность активизирует ту часть их социоресурсного потенциала, которая «ответственна» за информационно-образовательную компетентность [11]. А чем она выше, тем больше шансов у хозяйства сохранить стабильное положение.

Роль идеологического фактора выражается, прежде всего, в формировании мировоззренческого ядра общественных представлений и законодательного континуума, создающего объективные экономико-правовые и организационные условия, в которых функционируют и развиваются малые формы хозяйствования.

Глобальное воздействие перечисленных факторов влияния запускают социальный механизм взаимодействий и изменений объективной реальности, в которой живут и работают представители малых форм хозяйствования. Применительно к малым формам хозяйствования были выявлены факторы мезо- и микро-уровней, а так же факторы, затрагивающие специфику социального аспекта фермерской деятельности (таблица).

Таблица - Группировка условий и факторов воздействия на социальные ресурсы малого фермерского хозяйства

Факторы макроуровня	Экономические Политические (государственная политика) Технологические Идеологические Природные (климат, плодородие почв)
Факторы мезо- и микроуровня	Целевая господдержка фермерства на региональных уровнях (национальные проекты, программы, гранты, субсидии) Доступ к финансированию Доступность земельных участков Доступность инфраструктуры Образование (предпринимательское, сельскохозяйственное образование) Социально-культурные нормы
Специфика условий деятельности малых КФХ включает в социальные условия деятельности: - субъектную мотивационную ориентацию деятельности индивида; - условия жизни представителей малый фермерской группы; - условия труда представителей малый фермерской группы	

Анализируя воздействие факторов на деятельность представителей малого фермерства, необходимо отметить одну особенность. Зачастую воздействие фактора меняет условия ведения хозяйства со знака «плюс» на «минус», в иных случаях – наоборот. Так, в воздействии фактора государственной политики, провозглашающего финансовую поддержку, одновременно выкристаллизовываются условия быстрого изменения законодательства, носящего противоречивый характер, в которых фермеры с трудом ориентируются, изменения налоговых правил, чрезмерное администрирование и усиление бюрократизации. Поэтому фактор государственной финансовой поддержки можно трактовать двояко – как создание необходимых условий для развития фермерского сегмента и излишнюю бюрократизацию процесса поддержки хозяйств.

Отражение данных моментов можно увидеть в комментариях представителей фермерского сословия[12]: *«...есть такие, кто собрал необходимый пакет документов??? Интересно, если учесть, что до места получения первой справки мне ехать 160 км; вопрос, - год буду их собирать...? я работаю, супруг работает, по субботам гос. организации не работают.... с работы бежишь домой управляться.... скот кормить пока кабинеты начальников обойдешь, да еще каждому манету дай, до того, как тебе что либо вообще оформить помогут!!!»* (сохранена авторская орфография и пунктуация).

Необходимость получить деньги для текущей и перспективной деятельности заставляет фермера привлекать разные финансовые источники. При этом банки и другие финансовые организации не всегда готовы работать с мелкими фермерами, чья деятельность сопряжена со значительным риском. А если фермеру и удастся получить финансовые ресурсы, то только по завышенной процентной ставке. Комментарий начинающего фермера [12]: *«прочитала все условия и поняла, что стать фермером с нуля можно, лишь вложив собственные деньги, от государства помощи не жди, лишь бы палки в колёса не вставляли...»*.

Действенность фактора целевых программ поддержки малых К(Ф)Х упирается в условия их доступности, способность качественного администрирования и управления ими, особенно на муниципальном уровне, данный тезис подтверждает комментарий начинающего фермера [12]: *«гарантий, что именно вы получите субсидии от государства, вам никто не даст, но попробовать можно, если есть силы, время и деньги...»*.

Заключение.

На формирование социальных ресурсов малых форм хозяйствования оказывают воздействие ряд условий и факторов, которые вписаны в общую конструкцию социального контекста их жизнедеятельности. Выделение из конгломерата имеющихся условий и факторов необходимых определяют индивидуальные потребности индивидов – субъектов малого фермерства. Они же дают возможность использовать их в своей аграрно-производственной и повседневной деятельности, а также наличие способности включиться в предпринимательские проекты.

Факторы федерального и регионального воздействия имеют последствия, носящие двойственный характер, сопряженный с индивидуальным восприятием оценки доступности провозглашенной поддержки. В одних случаях индивиды способны взаимодействовать с факторами поддержки и по-новому структурировать свои ресурсы, в других – их действие нейтрально либо преобразуется в действенное препятствие на этом пути.

Учет внешних условий и факторов развития социальных ресурсов К(Ф)Х чрезвычайно важен с точки зрения перспектив обращения к аграрному предпринимательству большего количества заинтересованных лиц, т.к. подчас именно они являются важными элементами стратегического понимания того, как требуется скорректировать аграрные программы развития малого фермерства, усилить определенную часть социоресурсного комплекса, перегруппировать (мобилизовать) ресурсы хозяйствующего субъекта в трудной ситуации.

- 82 -

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Бочарова Е.В., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье рассмотрены важнейшие вопросы формирования и развития профессиональных навыков и компетенций работников аграрного сектора под воздействием процессов цифровизации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Методической основой исследования является база данных федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного в июне, июле, августе 2020 года, а также материалы Минкомсвязи России, Росстата, разработки ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, объединенные в единый статистический сборник «Индикаторы цифровой экономики: 2020», посвященный основным аспектам развития цифровой экономики в нашей стране.

Ключевые слова: компетенция, сельское хозяйство, работники, цифровизация.

INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES OF AGRICULTURAL WORKERS IN MODERN CONDITIONS

Bocharova E.V., candidate of sociological sciences, IAGP RAS

The article discusses the most important issues of the formation and development of professional skills and competencies of workers in the agricultural sector under the influence of digitalization processes in the context of the spread of a new coronavirus infection. The methodological basis of the research is the database of the federal statistical observation of population participation in lifelong education, conducted in June, July, August 2020, as well as materials of the Ministry of Telecom and Mass Communications of the Russian Federation, Rosstat, developments of the ISSEK of the Higher School of Economics, united in a single statistical collection "Indicators of the Digital Economy: 2020" dedicated to the main aspects of the development of the digital economy in Russia.

Key words: competence, agriculture, workers, digitalization.

Введение.

Специалисты сельского хозяйства используют цифровые технологии в своей профессиональной деятельности на протяжении многих лет. В 2020 г. пандемия новой коронавирусной инфекции ускорила процесс распространения цифровых навыков среди работающего населения. Целенаправленное использование новых технологий и цифровых носителей становятся такими же базовыми навыками, как чтение, письмо, счет. В ближайшее время необходимо сосредоточиться на расширении использования цифровых технологий с точки зрения совершенствования и развития профессиональных навыков и компетенций работников сельскохозяйственной отрасли. На уровне государственных структур разрабатываются новейшие нормативные требования по эффективному использованию цифровых сервисов. По замыслу Министерства сельского хозяйства за счет эффективной реализации ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» к 2024 г. все сельхозтоваропроизводители смогут использовать цифровые сервисы, а данные АПК будут объединены в единую платформу. Этот проект будет способствовать повышению цифровой грамотности специалистов в аграрном секторе, росту их профессиональных навыков и компетенций [1]. Задачи нацпрограммы «Цифровая экономика» интегрированы в Общенациональный план действий по восстановлению экономики [2]. В документе говорится, что цифровизация может стать драйвером технологического прорыва и роста производительности во многих секторах экономики. Развитие дистанционных форм обучения и занятости будет способствовать созданию потенциала для структурных изменений, в том числе в сфере образования и переквалификации. Доступ к удаленному общению и взаимодействию должен быть обеспечен для всех заинтересованных сторон неза-

висимо от социального статуса и территориального местоположения. Для ускоренного развития этих процессов необходимо создание и поддержания соответствующей инфраструктуры, а также законодательное регулирование взаимодействий в данной отрасли.

Основная цель исследований состоит в анализе влияния цифровизации на развитие профессиональных навыков работников сельскохозяйственной отрасли в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Анализ воздействия современных цифровых технологий на совершенствование компетенций сотрудников аграрной сферы является актуальным научным направлением. В настоящее время мы можем опираться на немногочисленные исследования, проведенные в середине 2020 г., и рассмотреть влияние цифровизации на развитие профессиональных навыков и компетенций в процессе непрерывного образования работников сельского хозяйства.

Методика исследований построена на материалах федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного в июне, июле, августе 2020 г. (выборка ограничена респондентами, работающими в агропродовольственном комплексе), в рамках которого изучено, в том числе применение цифровых навыков населением. В работе использованы статистические исследования отечественных университетов, социологических служб, сумевших проанализировать применение цифровых технологий сельскими жителями накануне пандемии.

Результаты исследований.

В сельскохозяйственной отрасли количество сотрудников, которые эффективно и интенсивно используют информационно-коммуникативные технологии в своей деятельности, находится на уровне 2,2% [3, с.166]. Работники сельского хозяйства не без оснований зачастую сопротивляются неизбежным переменам. Занятые в такой сложной и жизненно важной отрасли хозяйства, как правило, имеют лишь одну попытку в год вырастить урожай и получить прибыль, рисковать, по их мнению, может быть не безопасно. Какие бы инновационные технологии не внедрялись, приходится использовать проверенные многолетним опытом практики. Однако цифровизация развивается быстрыми темпами, она оказывает серьезное влияние на рынок труда в сельской местности и тип навыков, необходимых в аграрном секторе. Поскольку рабочие места и целые отрасли меняются из-за цифровых потрясений, связанных, в том числе с пандемией коронавируса, сельское хозяйство должно иметь соответствующую поддержку, необходимую для адаптации к происходящим переменам.

В России количество интернет-пользователей, по данным Digital 2020, составило 118 миллионов. Это значит, что интернетом пользуются 81% россиян [4]. В сельской местности нашей страны доступ к Интернету имеют 67,7% домашних хозяйств. По результатам исследования ИСИЭЗ НИУ ВШЭ существует ряд препятствий, которые существенно ограничивают возможности работников. Основным фактором, сдерживающим использование Интернета в домашних хозяйствах, является как нежелание пользоваться, так и отсутствие необходимости (20,8%). Стоимость подключения к Сети слишком высока для 7,0% селян. Недоступность Интернета (возможность подключиться и бесперебойно работать) являются серьезной преградой для 4,3% респондентов. Количество селян, отказывающихся от использования глобальной сети по соображениям конфиденциальности и безопасности, невелико и находится на уровне 0,2% [3, с. 189].

Цифровые навыки в современном мире необходимы для профессиональной деятельности большинству работников. Базовые навыки работы с информационно-компьютерными технологиями являются одним из основных требований для специалистов сельскохозяйственной отрасли. Именно профессиональное владение данными видами навыков определяют конкурентоспособность работника на рынке труда.

По данным выборочного обследования населения по вопросам использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей [5, с.67] выделены следующие уровни владения цифровыми навыками:

- базовый – наличие навыков во всех исследуемых областях;

- выше базового – наличие навыков во всех областях на уровне «выше основного базового»;
- низкий – нехватка цифровых навыков в одной, двух или трех областях;
- навыки отсутствуют – исследуемые навыки отсутствуют полностью либо респондент не пользовался Интернетом в течение последних трех месяцев.

По результатам исследования ИСИЭЗ НИУ ВШЭ не использовали Интернет в своей профессиональной деятельности в течение трех месяцев 30,7% жителей сельской местности, еще 2,9% пользовались глобальной сетью, но не использовали ни одного из учитываемых в обследовании навыков. Уровень владения цифровыми навыками у жителей села значительно ниже, чем в городе. Невысокая цифровая компетенция характерна для 44,3% селян против 37,7% горожан. Базовое владение цифровыми навыками свойственно для 16,1% сельского населения. Среди горожан подобные навыки распространены гораздо шире: осуществляли хотя бы один вид деятельности во всех исследуемых областях более четверти респондентов (27,1%). Заявили о владении цифровыми навыками на уровне «выше базового» 6% селян и вдвое больше горожан. Вероятными причинами столь значительного разрыва между жителями села и города являются имеющиеся возможности для обучения цифровым навыкам, а также спрос на подобный вид компетенций на рынке труда. Бесспорно, что в современной реальности владение необходимыми для профессиональной деятельности цифровыми навыками является обязательным условием дальнейшего карьерного роста и самосовершенствования.

На основе расчетов Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ по данным Росстата [3, с. 174], сравним развитие цифровых навыков населения в городской и сельской местности (табл. 1).

Таблица 1 – Удельный вес населения, владеющего цифровыми навыками в городской и сельской местности, % к итогу

Цифровые навыки	Городское население	Сельское население
Работа с текстовым редактором	45,0	26,7
Отправка электронной почты с прикрепленными файлами	44,9	24,3
Копирование или перемещение файла или папки	39,9	25,7
Передача файлов между компьютером и периферийными устройствами	34,8	19,4
Использование инструмента копирования и вставки в документе	28,5	14,2
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	24,3	14,5
Работа с электронными таблицами	24,9	13,4
Подключение и установка новых устройств	17,3	9,3
Создание электронных презентаций с использованием специальных программ	9,9	6,3
Поиск, загрузка, установка и настройка программного обеспечения	6,5	3,5
Установка новой или переустановка операционной системы	3,4	1,6
Самостоятельное написание программного обеспечения	1,4	0,5

Около половины жителей городской местности и почти каждый четвертый сельский житель обладают следующими цифровыми навыками: работают с текстовыми редакторами, умеют отправлять электронную почту, перемещают и копируют электронные файлы и папки. Более трети из числа опрошенных горожан и каждый пятый селянин может легко справиться с передачей файлов между периферийными устройствами. Около 15% сельских жителей и четверть из числа опрошенных городских респондентов имеют навыки использования инструментов копирования и вставки в документах, активно применяют программы редактирования, а также осуществляют работу с электронными таблицами. Наименее распространены навыки работы с программным обеспечением. Доля тех, кто устанавливает и настраивает программное обеспечение, а также операционную систему, не превышает 5% среди опрошенных в сельской местности.

Цифровые компетенции сельских жителей значительно уступают навыкам городского населения по всем вышеперечисленным показателям, особое внимание следует сосредоточить на устранении этого отставания.

В современной реальности подавляющее большинство селян (94,1%) пользуются Интернетом дома. Аудитория Интернет-пользователей в нашей стране ежегодно увеличивается. Более половины жителей села (64%) пользуются всемирной сетью ежедневно. Около десяти процентов выходят в цифровую реальность не каждый день, но не менее одного раза в неделю. Никогда не пользовались Интернетом в повседневной жизни 18,8% сельских респондентов [3, с. 190].

К сожалению, до сих пор каждый десятый житель села вынужден отказываться от цифровых технологий из-за недостатка навыков работы в Интернете. Для преодоления вышеперечисленных препятствий необходимо разработать программу сквозных цифровых навыков, когда стирается грань между профессиональными и надпрофессиональными компетенциями и работник осваивает широкий спектр дополнительных навыков. В долгосрочной перспективе обучение на протяжении всей жизни в рамках непрерывного образования приведет к постоянному повышению профессиональных навыков и компетенций, в том числе в сфере цифровизации. Образование является наиболее важным компонентом человеческого капитала, обуславливающим значительную отдачу в будущем с точки зрения оплаты труда и продвижения по службе [6, с. 100; 7].

По результатам федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного в июне, июле, августе 2020 г. (выборка ограничена респондентами, работающими в агропродовольственном комплексе) [8] в процессе непрерывного образования участвуют 35,2% работников сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства. Около 65% не испытывают потребности в обучении. Структура и состав работников, участвующих в непрерывном образовании, по возрасту в сельском хозяйстве выглядит следующим образом (таблица 2).

Таблица 2 – Возрастная структура занятого в сельском хозяйстве населения, участвующего в непрерывном образовании, в 2020 г., % к итогу

Показатель	Возраст				
	16–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 и больше
Работники, участвующие в непрерывном образовании	52,2	34,6	30,4	25,4	15,8
Работники, не участвующие в непрерывном образовании	47,8	65,4	69,6	74,6	84,2
Итого	100	100	100	100	100

С возрастом работники, к сожалению, проявляют меньшую инициативу в вопросах обучения и переобучения. Можно предположить, что одной из причин нежелания профессионально развиваться и самосовершенствоваться в современных ограничительных условиях, когда многие образовательные организации перешли на дистанционный формат оказания услуг, является недостаток цифровых навыков. Просмотр передач учебного характера в сети Интернет и на компьютере для совершенствования профессиональных компетенций в течение последних 12 месяцев осуществляли 11,2% работников аграрной отрасли. Возрастной состав работников, самостоятельно прошедших обучение в сети Интернет, освоивших что-то новое следующий: 16–34 года – 20,1%; 35–44 года – 10,6%; 45–54 года – 8,6%; 55–64 года – 6,0%; старше 65 лет – 2,4%.

Получением знаний и навыков по использованию компьютера как одному из видов самообразования занимались 4,8% респондентов в 2020 г. В нашей стране, несмотря на популярность, доступность и повсеместное использование компьютерного оборудования, интенсивность обучения компьютерным навыкам молодыми работниками (16–34 года) значительно превосходит группу специалистов старше 65 лет. Среди молодежи самостоятельно изучают компьютерное оборудование (смартфоны, планшеты, ноутбуки) 8,3% ответивших, сре-

ди возрастных сотрудников – 2,5%. Относительно невысока активность в данном вопросе у представителей среднего возраста: 35–44 года – 4,3%; 45–54 года – 3,5%; 55–64 года – 3,2%.

В период пандемии произошло значительное изменение образа жизни большинства населения нашей страны, в том числе занятого в сельском хозяйстве. Наиболее популярными направлениями деятельности в сети Интернет среди пользователей по-прежнему являются поиск какой-либо информации, общение, проведение свободного времени, банковские и коммерческие операции. Многие повседневные виды деятельности, такие как обучение, общение, просмотр кинофильмов, покупка и продажа различных товаров и услуг, а также знакомство с новостями подвергаются цифровой трансформации, т.е. переходят в интернет-пространство.

Цифровизация влияет на процесс организации производственного процесса, повышая его эффективность. Как следствие – количество занятых в отрасли будет уменьшаться, а заработная плата расти. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране и мире, сектор АПК по-прежнему остается в плюсе. Это стало основанием для включения АПК и пищевой промышленности в национальный план восстановления экономики как «точек роста» [9]. Следовательно, вырастет спрос на знающих и квалифицированных руководителей, высококомпетентных специалистов и рабочих.

Ограничительные мероприятия в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) повлияли на организацию образовательного процесса, в том числе среди взрослого населения. Количество работников сельского хозяйства, планирующих пройти обучение, получить образование в ближайшее время для совершенствования профессиональных навыков и компетенций, составляет 6,6%.

Данные о желающих пройти обучение в разрезе возрастных категорий выглядят следующим образом: 16–34 года – 14,8%; 35–44 года – 6,2%; 45–54 года – 3,0%; 55–64 года – 2,3%; старше 65 лет – 0,7%.

В настоящее время, когда рынок труда пребывает в состоянии неопределенности, большинство работников сельскохозяйственной отрасли предпочитают стабилизационные стратегии, направленные на сохранение рабочих мест, предпочитая не вкладывать силы и средства в дополнительное обучение. Однако дальнейшее развитие сельского хозяйства будет тесно связано с формированием новой жизни в новом времени. Это стимулирует развитие торговли, производства, логистики, а также дополнительное распространение цифровизации и современных онлайн-технологий для ослабления текущих проблем в отрасли. В этих условиях «удержатся на плаву» те специалисты, которые действительно готовы и способны освоить дополнительные цифровые навыки.

Заключение.

Таким образом, в современных реалиях работникам сельского хозяйства необходимо взять на себя большую личную ответственность за приобретение и постоянное обновление цифровых навыков. В ближайшей перспективе специалистам отрасли важно принять активное участие в образовательных и информационно-коммуникативных программах и мероприятиях. Необходимо учитывать, что компетенции совершенствуются не только за счет самостоятельного освоения новой информации, но и при тесном взаимодействии с профессионалами в своей отрасли.

Скорость распространения новых технологий, инновационных инструментов, форм обучения, а также освоение профессиональных компетенций в основном зависят от человеческого фактора. Однако у работников может появиться страх перед неизведанным, а также осознание того, что для усвоения новых знаний придется дополнительно потратить определенные временные, интеллектуальные и физические ресурсы, что, по их мнению, может отрицательно повлиять на производительность труда. Вследствие этого работодателям желательно во время развития новых форм организации трудового процесса детально разъяснить сотрудникам цели, задачи, а также преимущества распространения цифровизации в сельскохозяйственном производстве. Работник должен четко представлять основные задачи, которые ему предстоит выполнить. Для снижения сопротивления инновациям со стороны рабо-

тающих необходимо обучить людей новым технологиям, помочь им овладеть новой системой ценностей, нормам поведения в цифровой реальности.

Какие способы мотивации возможно использовать работодателям для повышения профессиональных компетенций работников в современной реальности?

Система стимулирования в организации направлена, прежде всего на то, чтобы сотрудники качественно и своевременно выполняли поставленные перед ними трудовые задачи, что приведет к повышению производительности труда. Работодатель должен удерживать высококомпетентных специалистов и максимально снизить текучесть кадров на предприятии путем создания благоприятных и комфортных условий работы. Выполнение этих задач зависит от используемых видов мотивации персонала. К материальным методам стимулирования можно отнести денежное вознаграждение (повышение заработной платы, премии, надбавки, социальный пакет, страховка, финансовое поощрение за участие во всероссийских, региональных и отраслевых соревнованиях профмастерства, а также олимпиадах, конкурсах и викторинах). Участие в социальных программах, действующих в организации, также относится к материальному стимулированию. Среди них можно выделить: путевки в санатории и детские оздоровительные учреждения, возможность пользоваться бесплатными или льготными услугами учреждений образования и здравоохранения, профессиональное обучение и переобучение сотрудников, а также улучшение технического оснащения рабочего места. К сожалению, всё большую популярность обретают методы негативной мотивации – материальное наказание сотрудников за какие-либо виды нарушений в сельхозорганизации. Руководителю в современных непростых условиях существования необходимо найти компромисс и стараться действовать по справедливости.

Работников необходимо активизировать с помощью нематериальных методов таких, как признание, похвала за успехи. Каждый сотрудник в любое время в любом месте может получить информацию от руководства, задать интересующий вопрос, принять участие в обсуждениях. Мобильная платформа в условиях распространения коронавирусной инфекции становится инструментом коммуникации, в том числе и для сельхозтруженников. Работник может участвовать в проведении публичных семинаров, посвященных новшествам в профессиях; знакомиться с новостями из профессиональной сферы об инновациях, изобретениях, новейших технологиях с дальнейшим обсуждением; удаленно наблюдать за работой наставников.

В этой связи можно воспользоваться преимуществами новых подходов к обучению, например, самостоятельного, взаимного обучения и обучения с использованием интернет-технологий. В условиях современной пандемии, когда личное общение максимально ограничено, работникам аграрного сектора для совершенствования профессиональных компетенций необходимо осваивать общедоступные и частные онлайн-порталы для обмена опытом, групповых дискуссий, обсуждений. Роль инструктора, наставника может трансформироваться в роль фасилитатора, т.е. человека, обеспечивающего успешную групповую коммуникацию. Такой подход к социальному обучению уже успешно применяется в рамках модели группового обсуждения и передачи знаний, существующей в странах Европейского Союза. Обучение происходит одновременно с другими и независимо от других членов группы с использованием новейших цифровых инструментов.

Интеграция и использование в различной степени многообразных методов стимулирования для повышения профессиональных навыков работников сельского хозяйства позволит добиться больших успехов в работе сельхозорганизаций.

Цифровые компетенции в современных условиях становятся центральными в практике управления сельскохозяйственными организациями и будут иметь решающее значение для поддержания международной конкурентоспособности отечественных аграриев.

Иницилируемые государством программы и нововведения должны строиться с учетом риска ментальных препятствий и возможной коррекции социокультурных факторов, профилирующих основные направления жизнедеятельности субъекта [10].

Список литературы:

1. Бочарова Е.В. Внедрение цифровых технологий для владельцев семейных хозяйств // Научное обозрение: теория и практика. – 2020. – Т. 10. – Вып. 7. – С. 1275–1280.
2. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике: одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол N 36, раздел VII) N П13-60855 от 02.10.2020 г. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/>
3. Индикаторы цифровой экономики: 2020: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020.
4. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>
5. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова [и др.]; Координационный центр национального домена сети Интернет, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020.
6. Вяльшина А.А. Семейные факторы формирования миграционных намерений выпускников сельских школ // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 2. – С. 100
7. Вяльшина А.А. Механизмы преодоления экономической уязвимости сельских домохозяйств с детьми // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 164–172.
8. Федеральное статистическое наблюдение участия населения в непрерывном образовании. – URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obraz2020/index.html
9. Агросектор вырос на 3%. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33772-agrosektor-vyros-na-3/>
10. Нечаева И.В. Деятельность малых фермерских хозяйств: ресурсный аспект // Научное обозрение: теория и практика. – 2020. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 205–212.

ПЕРСПЕКТИВЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Дакирова С.Т., м.н.с., ИАГП РАН

Рассмотрены объективные предпосылки реализации сущностных сил сельской молодежи. Автор опирается на общепризнанные оценки социально-экономической ситуации, сложившейся в сельской местности России, и конкретизирует их, используя собственное наблюдение за трудовыми предпочтениями и возможностями самореализации сельской молодежи в современных условиях, полученное с помощью исследовательского интервью выпускников высших учебных заведений и колледжей Саратовской области, пожелавших вернуться в село после завершения обучения.

Ключевые слова: сельская молодежь, государственная поддержка, аграрная политика, фермерский уклад, образцы успешной самореализации.

PROSPECTS FOR SELF-REALIZATION OF RURAL YOUTH IN MODERN REALITIES

Dakirova S.T., younger researcher, IAgP RAS

The objective prerequisites for the implementation of the essential forces of rural youth are considered. The author relies on generally accepted assessments of the socio-economic situation in the rural areas of Russia, and concretizes them, using her own observation of labor preferences and the possibilities of self-realization of rural youth in modern conditions, obtained through research interviews of graduates of higher educational institutions and colleges in the Saratov region who wished return to the village after completing the training.

Key words: rural youth, state support, agrarian policy, farming way, examples of successful self-realization.

Введение.

Почти тридцатилетний период социально-экономических реформ тяжело отразился на жизни молодых людей села. Недостаточная обеспеченность жильем и низкая заработная плата ограничили приток в сельскую местность выпускников высших учебных заведений и колледжей. В современных условиях сельская молодежь нуждается в особой государственной поддержке – социальной, экономической и моральной, однако ее форма в настоящее время включает в себя лишь материальную составляющую – гранты, льготы, кредиты (в том числе и на строительство жилья), что приводит к кризису социализации сельской молодежи, который проявляется в разрыве преемственности поколений, когда старшее поколение практически не оказывает действенного влияния на воспитание молодежи в духе традиционных российских ценностей.

Цель исследований – оценить перспективы самореализации сельской молодежи в современных условиях.

Методы исследований.

Информационную базу статьи составляют результаты социологического исследования трудовых предпочтений сельской молодежи (опрошено 20 молодых людей в возрасте от 19 до 33 лет).

Результаты исследований.

В настоящее время в сельской местности проживает около 39 млн человек (27% общей численности населения в стране). Изменился облик и структура села. Ушло в прошлое представление о деревенских жителях, которые заняты только в сельскохозяйственном производстве и в сферах обслуживания его потребностей. Современное село (за исключением исчезающих поселений) – это конгломерат различных организаций, связанных не только с сельским хозяйством, но и другими несельскохозяйственными производствами, ранее практически отсутствовавшими на селе [1].

В 1990–2000-е гг. произошли серьезные изменения в организации сельскохозяйственного производства. Оно приобрело следующие организационно-правовые формы: а) акционерные общества (бывшие колхозы и совхозы) – 36,4 тыс.; б) фермеры – 174,6 тыс.; в) личные подсобные (приусадебные) хозяйства – 18,2 млн. В последнее время стали обретать мощь и влияние агрохолдинги, в результате чего затруднено развитие фермерского сектора, а также формирование обширной сети подлинной сельскохозяйственной кооперации и рациональной социальной структуры сельского населения [2].

Агрохолдинги (а они представляют 0,113% сельскохозяйственных организаций) контролируют 81,5% используемых посевных площадей. При этом они владеют 48,3% крупного рогатого скота, 47,1% свиней и 62,8% птицы [3].

Происходит невиданный в мире виток аграрной гигантомании, когда «агрохолдинги олигархов стремительно устанавливают политико-экономический контроль над миллионами гектар земли и тысячами деревень России»; результаты этого процесса нашли отражение в термине «олигархозы» [4]. И это при одновременно происходящем процессе ликвидации почти 100 тыс. крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств. Новый облик сельской жизни представлен и таким, ставшим особенно заметным феноменом, как дачные (садоводческие и огороднические) участки, которых, по подсчетам Союза садоводов России, около 16 млн (по данным Института экономики РАН их 32–35 млн).

Базой социальных перемен на селе являются доходы населения, однако заработная плата в этой отрасли самая низкая. В настоящее время сельские школы вследствие стремительного уменьшения сельских поселений и/или сокращением числа жителей и соответственно с падением численности школьников стали массово закрываться. В жизни это вылилось в реализацию ранее неоднократно апробированной истины – «нет школы – нет деревни». Отсутствие школ, в свою очередь, стимулировало новый виток миграции жителей из села. Сложился порочный круг: сокращение населения вело к ликвидации школ, а их ликвидация оборачивалась увеличением оттока из деревень в крупные населенные пункты. Сельская школа, по мнению М.Б. Булановой, практически утратила самобытную связь с сельским миром [5].

В реальной аграрной политике было немало благих намерений, отраженных в государственных документах: Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2012 года» (2002), Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» (2006), «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.» (2007). Сейчас действует Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий на период 2020–2025 гг.». Однако заметных сдвигов в жизни селян пока не произошло.

Наряду с приверженностью к сельскому труду (в формальном и неформальном секторах и/или личном хозяйстве) определенную нишу заняли специфические модели деятельности (лесозаготовки, сбор грибов, ягод), экскурсионный и экологический туризм; при этом выросло и отходничество сельских жителей на сезонную и/или эпизодическую работу: их число достигает 10–15 млн [6].

Некоторые села, особенно на оживленных трассах, существуют за счет посредничества и торговли. К тому же надо учесть, что стало возрастать количество горожан, полностью или частично переехавших в сельскую местность.

Следует отметить и такую особенность сельских поселений, особенно вокруг крупных городов, как постоянное или длительное проживание на селе для выполнения удаленной работы в связи с новыми специфическими профессиями [7].

Большая часть мигрантов из села – молодежь до 30 лет, выпускники школ в основном выезжают с целью получения образования. И мало кого из них привлекают профессии, связанные с сельским хозяйством. Но при всем при этом, есть самородки в сельских поселениях, жизнь которых кардинально отличается от будней большинства сверстников. Это амбициозные, инициативные молодые люди, которые не стали отчаиваться из-за отсутствия работы в деревне и решили создать свое дело. Их мало, поэтому для выявления данной категории использованы методы качественного исследования.

Путь молодежи в фермерство сложен. В начале 90-х гг. XX в. реформаторы возлагали большие надежды на фермерские хозяйства, обосновывая их тем, что крестьянин станет хозяином не формально, а реально и это существенно повысит его мотивацию к труду. Изначально число фермерских хозяйств имело тенденцию к увеличению, но с 1995 г. рост численности фермерских хозяйств резко замедлился. Главными причинами стало резкое сокращение государственной поддержки, неблагоприятные экономические и организационные условия переходного периода и, как показало время, недостаток опыта российских крестьян в самостоятельном ведении хозяйства. Поэтому большой интерес вызывают молодые сельские, которые в данных условиях осмелились заняться фермерством. Смыслы самореализации у разных молодых людей отличаются. Ниже приводим описание-характеристику молодого человека, которого можно отнести к категории лиц, наиболее успешно вошедшей в аграрное производство.

«В 2017 году подал документы на грант «Начинающий фермер». На момент подачи документов было 1000 га земли, поголовье, трактор «Беларусь», прошел специальные курсы. И стал не просто предпринимателем, а главой крестьянско-фермерского хозяйства. Выиграл грант, получил 3 млн рублей на мясное направление. На данный момент у меня 56 голов вместе с телятами, из них 32 маточные, а начинал с 17 голов крупного рогатого скота. Наемных работников 4 человека, чаще помогают родители и брат. Конкурентов в селе у меня нет, но душат налоги, на которые уходит примерно 40% прибыли. В планах на ближайшие 5 лет предполагаю увеличить поголовье. Никогда не допускал мысли, что уеду из родного села. Самому интересно было заняться своим делом, не работать на дядю или в какой-то другой организации за копейки. Бывают трудные моменты, когда хочется все бросить, но как выйдешь в поле, начинаешь косить суданку и все забываешь.

Люди по всякому относятся, попросишь – помогут за отдельную плату, как договоришься. Отец рассказывал, что в советское время люди бескорыстно помогали друг другу, потом дружно и весело отдыхали. Современные сельские люди другими стали, особенно молодежь.

По-разному живут семьи, если в личном подсобном хозяйстве 5–6 коров, то на жизнь хватает, но это необходимость, поскольку вариантов почти нет. Тяжело приходится многодетным семьям.

В нашем селе своеобразный состав: летом очень много дачников, с севера приезжают, снимают жилье на несколько месяцев летних. Для молодежи есть клуб, у меня нет свободного времени, при первой возможности встречаюсь с друзьями в городе.

Как и любое другое направление, фермерство имеет свои недостатки, но есть и достоинства. Фермерство дело затратное и первые года прибыль приносить не будет. В этом деле главное терпение, старание, стремление. Всё идет своим чередом. Я лично менять ничего не собираюсь. Меня воспитали, чтобы я работал, и я рад этому» (молодой человек, 25 лет).

Заключение.

В современных условиях сельской жизни, несмотря на то, что постепенно уходит в прошлое тип отношений, основанные на устойчивых сельских сетях взаимопомощи, естественной реакцией некоторой части молодых людей села стало стремление жить именно в сельской местности и своими силами создавать приемлемый уровень благополучия. Этому способствуют ранняя социализация, поддержка семьи, желание жить в привычной обстановке с родными и близкими, знания, полученные в процессе обучения, общительность, дружба с нужными людьми. Этот тип мы называли аграриями высокой профессиональной компетенции [8]. Из таких молодых людей могут складываться династии аграриев, передающих от поколения к поколению мастерство и трудовые традиции.

Список литературы:

1. Тощенко Ж.Т. Что представляет собой современное российское село? // Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 90–93.

2. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. – М., Изд. дом «Дело», РАНХиГС, 2015. – С. 59.
3. Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. – 2006. – № 6. – С. 63–74.
4. Никулин А. Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 1. – С. 17–34.
5. Буланова М.Б. Сельская школа: есть ли перспективы? // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – С. 205–230.
6. Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 44–49.
7. Дакирова С.Т. Компромиссные модели жизнедеятельности сельской молодежи // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2020. – № 1. – С. 155–158.
8. Дакирова С.Т. Молодые фермеры: амбиции, стартовые возможности, результаты // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А.Мансуров; ред. Е.Ю.Иванова. – М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 691–696.